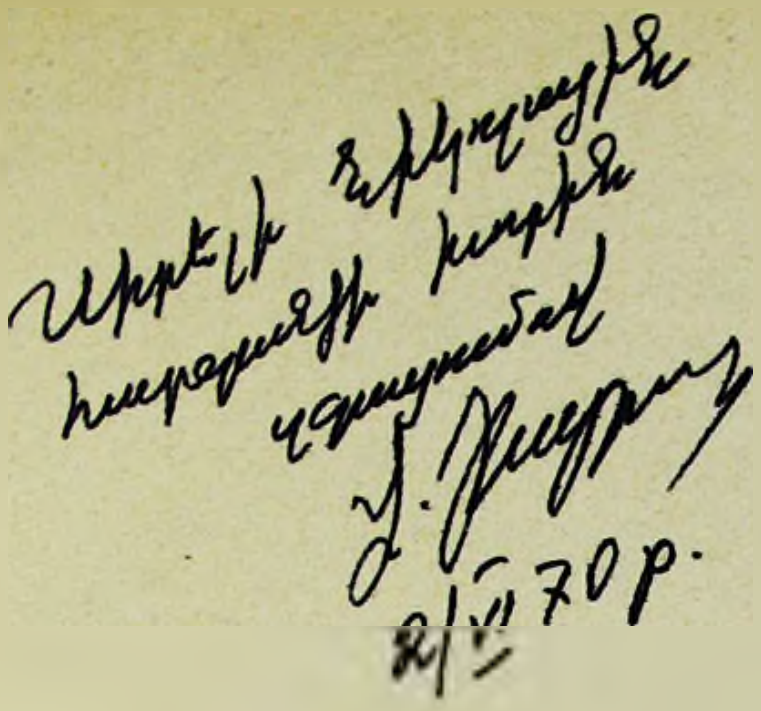
В. А. БАЙБУРТЯН

АРМЯНСКАЯ КОЛОНИЯ НОВЫЙ ДЖУЛЬФЫ В XVII ВЕКЕ



ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Վ. Ա. ԲԱՅԱՐՈՒԹՅԱՆ

ՆՈՐ ՋՈՒՂԱՅԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԳԱՂՈՒԹԸ XVII ԴԱՐՈՒՄ

(ՆՈՐ ՋՈՒՂԱՅԻ ԴԵՐԸ
ԻՐԱՆԻ ԵՎ ԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԵՐԿՐՆԵՐԻ
ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ-ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐԻ ԻՐԵՆ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ
1969

(47.925)
Б-18
W107

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
СЕКТОР ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. А. БАЙБУРТЯН

АРМЯНСКАЯ КОЛОНИЯ НОВОЙ ДЖУЛЬФЫ В XVII ВЕКЕ

(РОЛЬ НОВОЙ ДЖУЛЬФЫ В ИРАНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ)

4218

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1963

В книге освещается история возникновения армянской колонии Новая Джульфа, определяется ее место в политических и торгово-экономических связях Сефевидского Ирана с Европой, особое внимание уделяется ее роли в дипломатических отношениях Ирана с европейскими державами. Показано противодействие армянской торговой буржуазии проникновению европейских колонизаторов в Иран проанализированы методы и формы деятельности католических миссионеров с целью подчинить население колонии интересам западных держав.

Работа написана на основе данных иранских, западноевропейских и армянских источников.

1—6—4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раздробленная, лишенная государственности Армения в средние века часто становилась объектом нашествий чужеземных завоевателей. В ходе почти непрерывных войн опустошались целые районы, а их население угонялось на чужбину. Подобные акции приобрели особенно большие масштабы в XVI—XVII вв., когда Армения стала ареной войн между Османской Турцией и Сефевидским Ираном.

Одним из самых трагических событий в истории армянского народа было массовое переселение армян в глубь Ирана, предпринятое в начале XVII в. иранским шахом Аббасом I и получившее в исторической литературе название «великого сургуна». Это переселение стоило жизни сотням тысяч людей. Опустошение многих районов Армении вызвало глубокий кризис производительных сил страны и резко отразилось на социально-политической жизни народа; оно еще более углубило децентрализацию Армении, препятствуя сплочению и консолидации армян у себя на родине.

В результате этого переселения на территории Ирана возник ряд армянских поселений, сыгравших важную роль в экономической, политической и культурной жизни армянского народа; поэтому их история является неотъемлемой частью истории армянского народа.

Среди армянских поселений в Иране наиболее важной по своему значению была Нор Джуга (Новая Джульфа). Основанная армянами-переселенцами из старой Джульфы (Джуга), она играла большую роль не только в истории Сефевидского Ирана, но и Армении. Армянская торговая буржуазия Новой Джульфы стала значительной силой в общественно-политической жизни страны, а местное армянское население оказывало активное влияние на культурную и духовную жизнь армян как Ирана, так и Армении. Отсюда важность изучения ее истории.

Армянские дореволюционные и советские историки уделяли и уделяют немало внимания изучению истории очагов армянских поселений в Иране, в частности Новой Джульфы. Однако вопрос о роли Новой Джульфы в экономических и политических взаимоотношениях Сефевидского Ирана с европейскими державами еще не рассматривался в виде самостоятельной научной проблемы. Между тем эта проблема вызывает интерес не только с точки зрения истории Армении и Ирана. Ее исследование позволяет также раскрыть формы и методы колониальной экспансии западноевропейских держав в Иране. Армянское население Ирана, в частности Новой Джульфы, издавна привлекало внимание западноевропейских держав и Ватикана, стремившихся под флагом покровительства своим «единоверцам-христианам» создать в лице армян опору для проникновения в политическую и экономическую жизнь Ирана. Вынашивая планы подчинения армянской торговой буржуазии, сосредоточившей в своих руках основную часть внешней торговли Ирана, европейский капитал стремился использовать ее в качестве компрадора в развитии своей восточной торговли и захвата иранского рынка. Иранское же правительство, заинтересованное в установлении политических и экономических связей с западноевропейскими державами, не препятствовало проникновению европейских колонизаторов в страну. Отсюда конкуренция между европейским капиталом и армянской торговой буржуазией Новой Джульфы, объективно выступавшей против проникновения европейских колонизаторов в Иран.

Исследование темы имеет целью проследить развитие ирано-европейских политических и экономических отношений в период интенсивного внедрения в Иран европейского капитала и зарождения режима капитуляций, осветить некоторые оставшиеся в тени вопросы участия армянского купечества во внутренней и внешней торговле, в хозяйственной и политической жизни, а также в сношениях Ирана с европейскими державами, пролить дополнительный свет на историю ирано-европейских отношений в XVII в. и вместе с тем на одну из малоизученных сторон истории Ирана—сопредельной с нами страны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АРМЯНСКИЙ ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ШАХА АББАСА I

На протяжении XVI и первой половины XVII вв. между могущественными государствами Ближнего и Среднего Востока—Сефевидским Ираном и Османской Турцией периодически велись войны за экономическое и политическое преобладание, установление господства над транзитными торговыми путями, проходившими через Азербайджан и Армению, и овладение главными центрами шелкового производства в этом районе. Одновременно Сефевиды вели войны с узбекскими ханствами. Внутри страны продолжались феодальные распри и междоусобицы, вспыхивали восстания крестьян и ремесленников.

К концу 80-х годов XVI в. экономика Ирана переживала серьезный кризис, главным образом из-за налоговой политики шахского правительства и роста размеров феодальной ренты[1].

Кризис в экономике отрицательно сказался как на внутренней, так и внешней торговле. Ввиду опасности передвижения важные караванные пути на запад—в Алеппо и на юг—к порту Ормуз были заброшены[2].

Таково было положение страны, когда в 1587 г. под давлением вождей могущественных племен Румлу и

[1] См. *Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский* и др., История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958, стр. 265. (В дальнейшем: «История Ирана с древнейших времен»).

[2] См. там же, стр. 261.

Устаджлу шах Султан Мухаммед Худабандэ уступил трон своему младшему сыну шаху Аббасу I (1587—1629).

21 марта 1590 г. в Константинополе (Стамбул) Сефевидское государство вынуждено было заключить тяжелый мир с Османской Турцией, согласно которому Восточная Грузия, Восточная Армения, Курдистан, весь Азербайджан, за исключением областей Ардебиля и Талыша, и часть Луристана отходили к Турции[3].

Аббас I использовал эту мирную передышку для борьбы с узбеками, захватившими восточные провинции страны, а также для подавления внутренних восстаний и междоусобной борьбы местных феодалов.

Нанеся ряд поражений узбекам, он в 1597 г. не только восстановил власть Сефевидов в Хорасанской и Гератской провинциях со столь важными экономическими и стратегическими центрами, как Нишапур, Мешхед, Герат и Мерв, но и значительно расширил пределы государства[4], чем в известной степени обезопасил восточные границы Ирана.

Наряду с этим, правительство шаха Аббаса приступило к централизации страны, укреплению ее экономики, реорганизации армии и т. д. С целью борьбы с центробежными устремлениями местных феодалов за счет их владений были увеличены размеры государственных (дивани) и шахских (хассэ) земель. И. П. Петрушевский в этой связи отмечает, что шах «стремился ограничить влияние военной знати кызылбашских и других тюркских племен и усилить влияние гражданской бюрократии и шиитского духовенства путем привлечения персидских элементов в государственный, подчиненный шаху, аппарат, рост которого и большое влияние началось со времен Аббаса I»[5]. Военная реформа уменьшила значение феодальных ополчений и ослабила политическую

---

[3] اسکندر بیك ترکمان (منشی)—تاریخ عالم ارای عباسی، بسعی و اهتمام میرزا محمود خوانساری، تهران، ۱۳۱۳، ص۲۳۱ Далее ТАА

[4] Матенадаран им. Маштоца, рукоп. № 2276, л. 269б.

[5] *И. П. Петрушевский,* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949, стр. 81.

роль военной знати кочевых кызылбашских и иных тюркских племен[6].

Аббас I старался повысить хозяйственное значение центральных областей Ирана. Это было вызвано переходом руководящей политической роли в Сефевидском государстве от азербайджанских кочевых феодалов к иранской гражданской бюрократии[7].

В 1598 г. Аббас I перевел столицу Сефевидского государства из Казвина в глубь Ирана—город Исфаган. В перенесении столицы в Исфаган, как в свое время из Тавриза в Казвин, помимо цели усиления хозяйственного и политического значения центральных областей, преследовались соображения стратегического и внешнеполитического характера.

Вышеупомянутые реформы создавали относительно благоприятные условия для развития экономики страны, в частности ее торговли и ремесла.

Укрепляя свое государство, Аббас I одновременно готовился к новой войне с Османской Турцией и внимательно следил за развитием событий в этой стране. В тот период Османская Турция переживала тяжелый внутриполитический кризис. Как отмечает академик В. А. Гордлевский, с конца XVI в. Османская Турция вступила в полосу упадка[8]. Почти непрерывные войны истощали людские и материальные ресурсы мелких ленников и турецкого крестьянства. Мощь Османской империи была подорвана также военными неудачами в Европе, феодальными междоусобицами и восстанием джелалиев. В конце XVI и начале XVII вв. крупные восстания джелалиев охватили почти всю Анатолию[9], угрожая распро-

---

[6] См. «История Ирана с древнейших времен», стр. 274.

[7] См. *И. П. Петрушевский,* Очерки..., стр. 81—82.

[8] См. *В. А. Гордлевский,* Внутреннее состояние Турции во II половине XVI в., «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», сб. 2, 1940.

[9] См. *А. С. Тверитинова,* Восстание Кара-Языджи-Дели-Хасана в Турции, М.—Л., 1946, стр. 70. Об этом подробно см. *М. К. Зулалян,* Движение джелалиев и положение армянского народа в Османской империи (XVI—XVII вв.), Ереван, 1966 (на арм. яз.).

страниться и на другие районы империи. В столице подняли восстание янычары[10].

В конце XVI в. из северных областей Сефевидского государства, отошедших к Османской Турции по миру 1590 г., началось массовое бегство в Иран армянских, азербайджанских, грузинских и курдских феодалов, недовольных притеснениями турецких властей. Дальновидный шах Аббас I гостеприимно принимал их, предоставляя права и привилегии.

14 сентября 1603 г., воспользовавшись внутриполитическими осложнениями в Турции, шах Аббас I, нарушив договор о мире, начал военные действия против Османской империи[11]. Персидские войска вступили в Азербайджан и 28 сентября захватили Тавриз. Взяв затем Нахичеван, они осадили Ереван, где укрепился турецкий гарнизон. Одновременно шах Аббас послал воинские части для овладения другими городами, находившимися под властью турок. Аракел Даврижеци сообщает, что набегам подверглись Гянджа, Эрзурум, Басен, Хнус, Карин, Арчиш и т. д.[12]

После взятия персами Еревана (июнь 1604 г.) Турция, сумевшая к тому времени покончить с внутренними раздорами, направила против войск шаха Аббаса большую армию под командованием Джгал-оглы Синан-паши. Осенью 1604 г. турецкие войска прибыли в Мушскую долину и стали продвигаться к Еревану. Взвесив силы, шах Аббас решил отступить к Тавризу. В это время у него созрел план превращения захваченных им территорий в «зону опустошения», чтобы лишить турецкие войска продовольствия и фуража, а население этих территорий угнать в Иран.

Предварительно отряды войск были посланы в Карс и близлежащие районы, чтобы «разрушить и уничтожить все населенные пункты на пути румейских (турецких) войск, не оставить следов от хлеба и фуража на полях, переселить райятов-иноверцев (армян) тех райо-

[10] См. *Аракел Даврижеци*, История, Вагаршапат, 1896, стр. 25 (на древнеарм. яз.).

[11] ТАА, стр. 441.

[12] См. *А. Даврижеци*, указ. соч. стр. 29—30.

нов в эту сторону (Иран) и не останавливаться ни перед чем в ограблении и истреблении тех (людей), которые, относясь благожелательно к румейцам, не захотят переселиться[13].

Так называемая тактика «выжженной земли» была стержнем стратегических планов борьбы шаха Тахмаспа I против Османской Турции. Тахмасп I особенно часто прибегал к насильственному переселению как из пограничных районов Ирана, так и сопредельных территорий. Следуя этой тактике, войска шаха Аббаса угнали огромное количество людей в глубь Ирана. Сефевидским войскам был дан приказ выселить как мусульманское, так и христианское население, но основную массу переселенцев составили армяне. Аракел Даврижеци свидетельствует, что персы угнали население «многих областей» Армении[14] и число переселенных достигало 300 тысяч человек[15]. Большинство переселенцев утонуло в водах Аракса или погибло в пути. Основная масса оставшихся в живых была переселена в центральные области Ирана.

Переселение населения вышеуказанных территорий было подчинено военно-стратегическим, политическим и экономическим целям. Военно-стратегическая цель, как было отмечено, заключалась в опустошении территорий, через которые должна была пройти турецкая армия. По замыслу шаха Аббаса это не только затруднило бы продвижение войск противника, но и в известной мере обезопасило в дальнейшем пограничные районы Ирана. Политическая цель заключалась в ослаблении неиранских областей государства, чтобы облегчить себе в будущем подавление недовольства. С точки зрения экономической, шах стремился за счет новых людских ресурсов развить центральные малонаселенные области Ирана. «Предприняв грандиозное по своим масштабам переселение,—пишет И. П. Петрушевский,—Аббас I от-

---

[13] ТАА, стр. 463.

[14] См. *А. Даврижеци,* указ. соч., стр. 52—53; ср. *Е. Лалаян,* Список армянских рукописей Васпуракана, вып. I, Тифлис, 1915, стр. 842.

[15] См. *А. Даврижеци,* указ. соч. стр. 52—53.

лично понимал, что поселение в Иране значительного количества торговых и ремесленных людей окажет положительное воздействие на рост товарооборота с другими странами и будет способствовать экономическому развитию Ирана, в частности его центральных областей»[16].

Эта политика шахского правительства особенно ярко проявилась в разрушении Старой Джульфы (Старая Джуга) и переселении ее жителей в Исфаган.

* * *

Расположенные на левом берегу Аракса города Джульфа, Аэад-Геран, Вананд, Бист, Шорот, Акулис, Парака, Ордубад, Шахкерт и др., населенные главным образом армянами, издавна были известны как центры оживленной торговли. Среди них главенствующую роль играл город Джульфа[17]. С начала XVI в. Джульфа стала крупным торговым центром и перевалочным пунктом между северо-западным Ираном, Закавказьем, Средней Азией и Ближним Востоком. Она превратилась в важный узел, связывавший рынки Ирана со странами Запада[18].

Еще в первой половине XVI в. купцы-армяне, основное ядро которых составляли джульфинцы, заняли ключевые позиции в торговле Закавказья, а также Ирана. Главным предметом их торговли был шелк-сырец[19]. Доставляя его через турецкий сухопутный транзитный путь в ближневосточные торговые центры—Алеппо, Триполи, Смирну и т. д.,—джульфинские купцы осуществляли крупные торговые операции. В последние десятилетия XVI в. они уже выступали основными экспортерами иранского шелка-сырца.

Свидетельствуя об этом, служащий Английской московской компании Артур Эдвардс в 60—70-х гг. XVI в. писал: «Одна армянская деревня (речь идет о

[16] *И. П. Петрушевский.* Очерки..., стр. 82.

[17] О Старой Джульфе и ее торговом значении см. *С. В. Тер-Аветисян,* Город Джуга, Тифлис, 1937.

[18] См. *С. В. Тер-Аветисян,* указ. соч., стр. 1.

[19] Там же, стр. 23.

Джульфе.—В. Б.) ежегодно вывозит в Алеппо шелка на 400—500 мулах (груз одного мула составляет 60 батманов)* и привозит оттуда каразею** и «венецианские сукна» на 800—1000 мулах, а груз одного мула составляет 18 кусков каразеи».[20] Другой служащий этой компании Лоуренс Чэпмен сообщает, что «армянское селение Гильгат (Старая Джульфа.—В. Б.) ежегодно вывозит в Алеппо шелк на 500, а иногда на 1000 мулах»[21].

Главными потребителями шелка-сырца были европейские страны, шелковые мануфактуры которых остро нуждались в этом товаре. Именно данное обстоятельство и обусловило тесные торговые связи и сотрудничество крупных джульфинских купцов с европейским торговым капиталом.

Из-за частых ирано-турецких войн, небезопасности турецких транзитных путей, а также недостатка опыта сухопутной торговли европейские купцы не имели возможности установить через Турцию непосредственные торговые связи с Ираном, чтобы самим организовать регулярный вывоз шелка-сырца. Поэтому они были вынуждены пользоваться посредническими услугами армянских купцов. Товарообмен между европейскими и армянскими купцами совершался главным образом в ближневосточных владениях Турции, где с начала XVI в. европейские державы—Венецианская республика, Франция, Англия, Голландия и др.—основали свои консульства, санкционированные султанскими фирманами[22]. Консулы одновременно являлись торговыми агентами своих стран, на которых лежала обязанность проведения торговых операций с восточными купцами.

---

* Батман—мера веса в Иране, равная приблизительно 2,969 кг.

** Каразея—особый сорт английских сукон.

[20] *Richard Hakluyt*, The principal Navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English Nation, v. II, London, 1913, стр. 45.

[21] Там же, стр. 117.

[22] См. *Арташес Сюрмелян*, История армян Алеппо, Бейрут, 1946, ч. 1, стр. 421 (на арм. яз.).

С 70-х годов XVI в. джульфинские купцы, уже не ограничиваясь доставкой иранского шелка-сырца в турецкие города и расширяя сферу торговой деятельности, по Средиземному морю сами стали доставлять шелк-сырец и другие восточные товары в Европу. Ссылаясь на архивные материалы Венеции, Г. Алишан приводит имена многочисленных джульфинских купцов, посещавших Венецию с 70-х годов XVI в.[23] До этого в Венеции преобладали армянские купцы из Турции (Стамбул, Смирна, Амид, Ангора и т. д.), у которых джульфинцы в течение короткого времени перехватили всю торговлю с Европой[24].

Чтобы поощрять ввоз шелка-сырца, а также помешать другим конкурирующим итальянским республикам привлечь на свою сторону армянских купцов, Венецианская республика периодически снижала пошлину на иранский шелк-сырец. Так, согласно постановлению Венецианского сената от 5 марта 1537 г. персидские шелка при доставке их в Венецию через порты Сирии облагались льготной шестипроцентной пошлиной[25]. Пошлина на персидские шелка была снижена также постановлением от 19 августа 1576 г.[26] В дальнейшем Венецианская республика неоднократно подтверждала эти постановления. Например, в указе сената от 29 декабря 1589 г. говорилось: «Персидские шелка должны провозиться через порты Сирии, осматриваться консулами Дамаска и Алеппо и оплачиваться льготной пошлиной, установленной тарифом от 5 марта 1537 г.»[27].

С середины XVI в. джульфинцы вели оживленную торговлю и с Ливорно. Чтобы поднять значение Ливорно как торгового центра, великий герцог Тосканский Фер-

---

[23] См. *Г. Алишан*, Армяно-венецианские отношения, Венеция, 1896, стр. 367—380; ср. *его же*, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 411 (на арм. яз.).

[24] См. *С. В. Тер-Аветисян*, указ. соч., стр. 40.

[25] См. *G. Berchet*, La Republica di Venezia e la Persia, Torino, 1865, стр. 67.

[26] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 444.

[27] *G. Berchet*, указ. соч., стр. 67.

динанд I издал 10 июня 1593 г. указ, которым приглашал купцов всех наций, в том числе и армян, обосноваться в Ливорно и заниматься торговлей с Востоком, обещая им большие привилегии. В результате в Ливорно поселилось множество армянских купцов, большей частью джульфинцев[28].

В XVI в. армянские купцы поддерживали довольно тесные торговые связи также с Голландией. Впервые армяне появились в Амстердаме в 50-х годах XVI в. «Это были купцы, прибывшие туда для продажи жемчуга и алмазов и покупки голландских товаров для вывоза в турецкие порты»[29]. В результате расширения торговли с Голландией в 90-х годах XVI в. в Амстердаме образовалась небольшая армянская колония, жители которой были исключительно джульфинцы[30].

Уделяя большое внимание развитию внутренней и внешней торговли Сефевидского государства, шах Аббас I с первых же лет правления взял джульфинских купцов под свое покровительство. Об этом свидетельствует его фирман на имя джульфинского купца ходжи* Назара от 1001 г. хиджры (1592). В нем шах приказывает «всем слугам своего государства» не препятствовать торговле ходжи Назара и «не вмешиваться в его торговые дела»[31].

Когда по договору 1590 г. Джульфа перешла к Османской Турции, шах Аббас лишился возможности использовать джульфинский торговый капитал для развития внутренней и внешней торговли своего государ-

---

[28] См. *Месроп Угурлян*, История армянской колонии города Ливорно, Венеция, 1891, стр. 253—255 (на арм. яз.).

[29] *Fr. Macler*, Quatre Conférences sur l'Arménie et les Arméniens faites en Hollande par Fr. Macler, Paris, 1932, стр. 247.

[30] См. *Артавазд Сюрмелян*, История армян Алеппо, т. 3, Париж, 1950, стр. 284—285 (на арм. яз.).

* Ходжа—персидское слово خواجه означает «господин», «хозяин», «богатый». В Иране богатых и влиятельных купцов называли ходжой.

[31] *А. Тер-Ованян*, История Новой Джульфы, т. I, Новая Джульфа, 1880, стр. 158—159 (на древнеарм. яз.).

ства и обогащения казны. К тому же торговля джульфинских купцов через владения Турции приносила большие доходы султанской казне.

Отступая из Закавказья в Иран, шах Аббас был озабочен тем, что Джульфа может перейти в руки турок и султанская казна снова будет обогащаться за счет джульфинских купцов. Именно это легло в основу приказа шаха Аббаса своему военачальнику Тахмас-кули беку переселить джульфинцев в Исфаган и «до основания сжечь и разрушить Джульфу».[32]

Следует отметить, что в данном случае военно-стратегические соображения имели второстепенное значение, так как переселением джульфинцев шах Аббас в основном преследовал экономические и политические цели. Его главная задача состояла в том, чтобы использовать джульфинцев для развития внешней торговли Ирана. Это подтверждают европейские путешественники и миссионеры. Так, французский путешественник Шарден писал: «Этих армян (шах) привел в свою столицу в качестве подданных, лучше всего приспособленных вести торговлю как с турками, так и с христианами, ибо первые их ненавидят не столько, сколько персов, а вторые их единоверцы»[33].

И. П. Петрушевский отмечает, что шах Аббас хотел перенести центр международной торговли шелком из старой Джульфы в Иран и проложить пути караванной шелковой торговли через Исфаган к Персидскому заливу[34]. Эти планы шаха Аббаса были обусловлены тогдашним положением Ирана на Ближнем и Среднем Востоке и внешнеполитическим курсом страны.

Вражда с Турцией заставляла шаха искать иные пути вывоза иранского шелка-сырца. Наиболее удобным, эффективным и независимым мог быть морской путь в Европу через Персидский залив. В конце XVI и начале XVII вв. этот путь приобрел важное значение в экономической жизни Сефевидского Ирана, так как имел ряд

---

[32] *А. Даверижеци,* указ. соч., стр. 57 и дальше.

[33] *Chardin,* Jean de, voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, t. III, Paris, 1811, стр. 86.

[34] См. *И. П. Петрушевский,* Очерки..., стр. 82.

очевидных преимуществ перед транзитом через Турцию[35]. Провоз шелка морем обходился бы дешевле, чем через Турцию или даже по Волго-Каспийскому пути, и принес бы шаху более высокую прибыль[36].

Любопытны объяснения историка Гунабади, проливающие дополнительный свет на причины разрушения Джульфы. По его мнению, Джульфу разрушили, чтобы не дать возможности Нахичевану вновь подняться из руин, так как «благоустройство Нахичевана зависело от джульфинских армян, прославленных своим богатством и торговлей»[37].

Известно, что город Нахичеван был опорным пунктом Османской Турции в Закавказье и важным торговым центром. Джульфинские купцы вели оживленную торговлю с Нахичеваном, через который их караваны направлялись в Турцию. При отступлении шах Аббас приказал разрушить город, однако он понимал, что благодаря джульфинцам Нахичеван мог быть быстро восстановлен. Поэтому, согласно Гунабади, вслед за Нахичеваном шах приказал разрушить и Джульфу.

Так была предрешена судьба Джульфы.

Возлагая большие надежды на армян из Джульфы, шах Аббас проявил к ним особую заботливость при переправе через Аракс. Аракел Даврижеци по этому поводу писал: «Жители Джуги, богатые и бедные, подошли к берегу Аракса. В это время шах, стоявший лагерем также на берегу реки, приказал своим войскам оказать помощь джульфинцам и переправить народ через Аракс на верблюдах и на лошадях»[38]. То же самое подтверждает и другой армянский историк Григор Камахеци, очевидец этих событий[39].

---

[35] См. *L. L. Bellan*, Chah Abbas I, sa vie, son histoire, Paris' 1932, стр. 95.

[36] См. «История Ирана с древнейших времен...», стр. 275.

[37] *Мирза-бек ибн-Гассан-ал Гуссейн-и Гунабади (Джунабеди)*, Ровзат-ус-сефевийе. Рукопись ИВАН Узб. ССР, цит. по кн.: *А. Рахмани*, «Тарих-и Алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, Баку, 1960, стр. 103.

[38] *А. Даврижеци*, указ. соч. стр. 61.

[39] См. *Гр. Камахеци (Даранахци)*, Хронография, Иерусалим, 1915, стр. 38 (на древнеарм. яз.).

Шах Аббас переселил в центральные области Сефевидского государства около 10 тысяч семей армян[40]. Среди них, кроме джульфинцев, были ереванцы, акулисцы, даштцы, нахичеванцы, тавризцы и т. д. Однако особенно благожелательную политику шах Аббас проводил лишь в отношении джульфинцев. Специальным фирманом[41] он даровал им из своих личных земель «хассэ»— участок для строительства пригорода южнее Исфагана, на правом берегу реки Зенде-руд, где возникла Нор Джуга (Новая Джульфа).

С первых же дней основания этого армянского поселения в Иране Аббас I предоставил ему ряд прав и привилегий. Во-первых, за джульфинцами остались все льготы, связанные с правом «хасс»[42]. По свидетельству А. Тер-Ованяна, на надгробных камнях некоторых джульфинских купцов (на новоджульфинском кладбище) встречается надпись «азат»[43]. Кроме того, шах в дальнейшем издал ряд специальных фирманов, ограждавших джульфинцев от притеснений местных властей. Так, в фирмане, изданном в месяце джамади-аль-уля 1014 г. хиджры (1605), Аббас I распорядился, чтобы к населению Новой Джульфы все относились бы так же доброжелательно, как относился сам шах[44].

---

[40] Матенадаран им. Маштоца, рукоп. № 2381, лл. 252б—253б.

[41] Фирман шаха Аббаса I, см. *А. Тер-Ованян,* указ. соч., т. I, стр. 36, ср. ابوالقاسم سحاب، زندگانی شاه عباس کبیر، بخش اول، تهران، ۱۳۳۲، ص. 309.

[42] См. *Г. Алишан,* Сисакан, стр. 411 (Алишан отмечает, что еще до переселения армян в Исфаган Старая Джульфа пользовалась правом «хасс»).

[43] *А. Тер-Ованян,* указ. соч., т. I, стр. 45 (И. П. Петрушевский отмечает, что «азат»—армянская форма персидского слова «азад», что означает «свободный», «независимый». Слово «азад» —персидский синоним арабского термина «му'аф» (ма'аф). Те, кому было пожаловано право «хасс», пользовались правом своего рода ограниченного иммунитета (см. *И. П. Петрушевский,* Очерки..., стр. 181—182).

[44] *А. Тер-Ованян,* указ. соч., т. I, стр. 46—47.

Новой Джульфе было предоставлено право самоуправления, право избирать своего калантара* без вмешательства властей.

Судебные споры разбирались на месте так называемым главным судьей, избираемым из числа влиятельных купцов колонии[45]. Для защиты личности и имущества купечества от фанатично настроенной мусульманской массы шах Аббас I издал специальный указ, согласно которому убийца армянина приговаривался к смерти. При тяжбах между армянами и персами зачастую по приказу Аббаса I судебные власти выносили приговоры в пользу армян[46].

Как известно, одной из характерных сторон экономической политики шаха Аббаса по развитию центральных областей Ирана было облегчение налогового бремени населения. В 1598 г., после победоносной войны с узбеками, шах Аббас значительно снизил налоги с населения центральной области Ирана—персидского Ирака. Население области было освобождено от уплаты налогов на общую сумму приблизительно в 100 тысяч иранских туманов**. Некоторые налоги были ликвидированы, другие значительно сокращены, а часть временно отменена[47].

Эти льготы шах Аббас распространил и на джульфинцев.

По свидетельству Тавернье, шах предоставил богатым и знатным джульфинцам права, которыми пользовались высокопоставленные иранские сановники[48]. В армянских рукописях также упоминается, что, например, калантары Новой Джульфы ходжа Назар и ходжа Саф-

---

* Калантар—городской старшина.

[45] См. *Thomas Herbert*, Travels in Persia, New York, 1929, стр. 121.

[46] См. *А. Тер-Ованян*, указ. соч., т. I, стр. 46—47.

** Туман—крупная денежная единица, равная 10 000 динаров.

[47] Об этом см. *Н. Д. Миклухо-Маклай*, К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I (1587—1629), «Советское востоковедение», М.—Л., 1949, № VI, стр. 348—355.

[48] См. *J. B. Tavernier*, Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier en Turquie, en Perse et aux Indes, Paris, 1692, стр. 616, 627.

раз были «единомышленниками и советниками» шаха[49]. Согласно другому источнику, один из влиятельных купцов, по имени ходжа Марджан, занимал пост главного управляющего финансового ведомства сефевидского правительства[50].

Социальный состав населения новоджульфинской колонии не был однородным. Наряду с крупным купечеством и духовенством, значительный процент населения составляли средние и неимущие слои—мелкие торговцы, зависимые от крупных купцов, ремесленники, городская беднота и т. д. Об этом свидетельствуют источники[51].

Вышеупомянутыми правами и привилегиями пользовалось главным образом крупное купечество. По меткому выражению Лео, шах Аббас был отцом только для представителей армянского торгового капитала[52].

Крупное армянское купечество, тесно связанное с сефевидскими властями, вместе с шахом и феодалами участвовало в закабалении трудящегося населения. Следовательно, высказывания некоторых армянских феодально-клерикальных и буржуазных историков[53] о «единстве» интересов населения колонии не имеют под собой почвы.

Сефевидское правительство покровительствовало также армянскому духовенству колонии, так как последнее было тесно связано с крупным армянским купечеством. Помимо этого, иранские власти стремились использовать духовенство для распространения своей власти на население колонии. Во внешнеполитическом плане шах видел в армянском духовенстве посредников в укреплении экономических и политических связей Ирана

[49] Матенадаран им. Маштоца, рукоп. № 201, лл. 612б—613а.

[50] См. *А. Кюрдян*, Джульфинец ходжа Назар и его семья (отдельн. оттиск), стр. 23 (на арм. яз.).

[51] См. *J. Schroederus*, Thesaurus linguae Armeniacae, Amstelodami, 1710, стр. 38.

[52] См. *Лео*, Ходжаякан капитал, Ереван, 1934, стр. 66 (на арм. яз.).

[53] См., напр., *Г. Зарпханалян*, История армянской письменности, т. II, Венеция, 1878 (на арм. яз.).

с европейскими государствами[54]. И. П. Петрушевский писал: «Политические интересы заставляли шахов не только терпеть армянскую монофизитскую церковь, но и оказывать временами покровительство и предоставлять известные привилегии высшим представителям этой церкви»[55].

Исходя из вышеуказанных соображений. Аббас I не только не препятствовал армянским епископам создавать церкви и монастыри в Новой Джульфе, но и поощрял их строительство[56], отпуская для этой цели деньги из казны[57].

Некоторые иранские историки (Фальсафи Насролла и др.) объясняют веротерпимость и «христианолюбие» шаха Аббаса I в отношении джульфинцев его личными качествами. Однако в действительности его веротерпимость преследовала практические цели. Согласно Турнефору, шах не заставлял армян принимать мусульманство, так как принадлежность к христианской религии облегчала им торговые сношения с европейскими странами[58]. Более того, из-за религиозной нетерпимости и преследований в Иране армянские купцы могли не возвратиться из-за границы. В источниках мы находим подтверждения на этот счет. Так, в 1621 г. шах Аббас I начал проводить в Исфагане массовые религиозные преследования армян, вызвавшие большой резонанс в Новой Джульфе. Узнав, что многие купцы остановились со своими караванами в Сирии, Турции и в Европе и не рискуют возвращаться в Иран, шах немедленно вызвал калантара Новой Джульфы ходжа Сафара и заверил его, что подобные случаи в дальнейшем не повторятся[59].

[54] См. «История Ирана с древнейших времен...», стр. 277.

[55] *И. П. Петрушевский*, Очерки..., стр. 111.

[56] См. *Ваан Аганян*, Церкви и святыни Новой Джульфы, Джульфа, 1927 (на арм. яз.), ср.: *А. Тер-Ованян*, указ. соч., т. I, стр. 154, 156.

[57] نصرالله فلسفی، زندگانی شاه عباس اول، جلد سوم، تهران، ۱۳۳۷ ص 71

[58] См. *Tournefort, Pitton, de*, Relation d'un voyage du Levant, Paris, 1718, t. II, стр. 158.

[59] См. „A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the XVII and XVIII centuries", v. I, London, 1939, стр. 257.

Многочисленные армянские источники опровергают тенденциозные высказывания иранских придворных историков и европейских католических миссионеров об «искренней любви» шаха Аббаса к джульфинцам. Так, Аракел Даврижеци, называя Аббаса «чудовищным драконом, имеющим характер змеи, всеразрушающим человеком и деспотом, фанатичным мусульманином и преследователем христиан»[60], объясняет истинные причины его отношения к армянам заинтересованностью в использовании их для своих «личных выгод»[61].

* * *

Будучи крупнейшим феодалом, шах Аббас являлся вместе с тем и крупным купцом. Он объявил шахскую монополию на наиболее выгодные предметы торговли: шелк-сырец, соль, мыло и т. д. Шахской монополией была объявлена также добыча драгоценных камней, разработка железных руд, чеканка монет.

Монополия на шелк-сырец—основной продукт вывоза иранского сельского хозяйства—не только играла большую роль в экономике страны, но и доставляла шахской казне крупные доходы. Это подтверждает Искандер Мунши[62].

В связи с развитием европейской мануфактуры шелк-сырец приобрел значение важнейшего товара в международной торговле. Об этом, например, свидетельствует донесение голландского консула в Стамбуле министерству иностранных дел Нидерландов от 2 мая 1615 г. Консул сообщал, что с открытием морского пути в Индию торговля пряностями с Востоком перешла на второй план, и наоборот, в результате развития мануфактур в европейских странах и большого спроса на

---

[60] *А. Даврижеци,* указ. соч., стр. 25, ср.: *Хачатур Джугаеци,* История Персии, Вагаршапат, 1905, стр. 127 (на древнеарм. яз.).

[61] *А. Даврижеци,* указ. соч., стр. 199.

[62] اسکندر بیك ترکمان (منشی)، ومحمد یوسف منجم، ذیل تاریخ عالم آرای عباسی بتصحیح سهیلی خوانساری، تهران، ۱۳۱۷، ص 13 Далее ЭТАА

шелковые ткани основным предметом торговли между Востоком и Западом стал шелк-сырец[63].

Как в XVI, так и в XVII вв. основным поставщиком этого товара на европейский рынок был Иран, шелк-сырец которого славился своим отличным качеством. Он в большом количестве производился в Гиляне и Мазандаране, а также в Грузии, Ширване и т. д. По свидетельству Адама Олеария, посетившего Иран в 30—40 годах XVII в., «один Гилян в хорошие годы дает 8000 тюков шелка-сырца; Ширван доставляет 3000 тюков; Хорасан до 3000; Мазандаран 2000; Карабах 2000, не считая уже того, что дает Грузия, а также богатые шелком другие местности»[64].

Весь производившийся в стране шелк шах Аббас сосредоточил в своих руках. Поскольку основным источником финансирования военного и административного аппарата Сефевидского Ирана была феодальная рента, часть ее переходила к государству в виде шелка-сырца. Некоторые области страны почти целиком выплачивали налоги натурой—шелком-сырцом (например, Гилян). В остальных районах весь производившийся шелк-сырец население обязано было сдавать государству. Каждый сорт сырого и обработанного шелка оценивался государственными агентами и скупался по установленным расценкам. Таким путем шах приобретал огромное количество шелка-сырца по крайне низким ценам, причем он принуждал крестьян заниматься шелководством. С целью увеличения производства шелка-сырца он переселил в Фахрабад (город в Мазандаране.—**В. Б.**) 40 тысяч армян, 12 тысяч грузин и 7 тысяч евреев[65].

По сообщениям европейских путешественников и миссионеров, посетивших Иран при Аббасе I, явствует, что посредством государственной монополии на шелк

---

[63] См. *А. Сюрмеян,* История армян Алеппо, т. III, Париж, 1950, стр. 293—302 (на арм. яз.).

[64] «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием». Перевел с немецкого П. Барсов, М., 1870, стр. 791.

[65] См. „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 99—108.

шах стремился вступить в конкуренцию с Турцией и подорвать торговлю турецким шелком в Европе, вывозя лучший по качеству и сравнительно более дешевый иранский шелк[66].

Однако большие трудности представляла организация вывоза шелка из Ирана. Согласно Искендеру Мунши, в первое время государство устанавливало цены, по которым «купцы и приезжие (иностранцы) покупали его у агентов шаха»[67].

Иностранным торговым компаниям или некоторым купцам шах Аббас, как правило, продавал шелк на основе активного баланса[68], причем преимущественно на валюту. Иностранцы же, заинтересованные в первую очередь в продаже своих товаров, не всегда соглашались на условия шаха, к тому же в Иран они приезжали не систематически.

Чтобы выйти из этого затруднительного положения, шах Аббас попытался осуществить вывоз шелка через своих подданных. Однако иранские купцы (мусульмане), занимаясь в основном внутренней торговлей[69], не выезжали в европейские страны. Попытки шаха переключить их на внешнюю торговлю не дали положительных результатов, о чем свидетельствуют многочисленные источники[70]. Многие из них после продажи в Европе шахского шелка вовсе не возвращались на родину[71]. За-

---

[66] См. *А. Кюрдян*, Материалы по истории армянской торговли (торговля шелком-сырцом и армяне) (отдельн. оттиск), стр. 26.

[67] ЗТАА, стр. 13.

[68] См. *Gouvea, Antoine Fr. de*, Relations de grandes guerres et victoires obtenus par le roi de Perse de Chah-Abbas, contre les empereurs de Turquie Mahomet et Ahmet a son fils, Trad. de l'org. Portugais, Rouen, 1646, стр 214—215 (далее Relations...).

[69] „Bell's travels in Asia. A General collection of the Best and Most interesting voyages and travels by John Pincerton", London, 1811, стр. 283.

[70] См. *J. B. Tavernier*, Les six voyages..., стр. 623; ср.:

احمد تاج بخش، ایران درزمان صفویه، تبریز، ۱۹۶۱ ، ص 106

[71] رشید یاسمی، تاریخ ایران، تهران، ۱۳۲۲، ص 84:

نصرالله فلسفی، زندگانی...، جلد سوم، ص 209

частую они вели в европейских странах праздный образ жизни и тратили вырученные от продажи царского шелка деньги на женщин. В Венеции на это обратил внимание даже сенат и сообщил шаху[72]. Помимо субъективных, были также и объективные причины. Ввиду религиозной вражды между суннитской Турцией и шиитским Ираном передвижение иранских купцов-шиитов через турецкую территорию было сопряжено с большими трудностями. В европейских странах к мусульманским купцам относились с недоверием, а иногда и с враждой, что очень затрудняло их передвижение в той или иной стране и из одной страны в другую.

Поэтому после переселения джульфинцев в Исфаган шах Аббас стал использовать их для организации вывоза шахского шелка за границу, преимущественно в западноевропейские страны[73].

Так как джульфинцы уже издавна имели опыт транзитной караванной торговли и хорошо знали рынки сбыта шелка-сырца, они сразу же развернули широкую торговую деятельность. По свидетельству Пьетро делла Валле, как только шахские чиновники доставляли шелк-сырец из провинции в столицу, Аббас I передавал джульфинским купцам тюки с шелком-сырцом и отправлял их в европейские страны. Предварительно эксперты-европейцы, проживавшие в Иране, оценивали каждый тюк шелка-сырца[74]. На первых порах купцы получали от шаха беспроцентные денежные ссуды и товары, что дало им возможность быстро восстановить свои прежние торговые связи[75].

Постепенно расширяя свою коммерческую деятельность, джульфинские купцы превратились в крупнейших купцов Ирана, в руках которых была сосредоточена значительная часть внешней торговли страны.

---

[72] *С. В. Тер-Аветисян,* указ. соч., стр. 83.

[73] نصرالله فلسفی، زندگانی... جلد سوم، ص. 209.

[74] *Pietro della Valle*, Voyages dans la Turquie, l'Egypte, la Palestine, la Perse, les Indes Orientales et autres lieux, t. IV, Rouen, 1745. стр. 417.

[75] *J. Hanway*, Züverlässige beschreibung seiner Reiss von London durch Russland und Persien von 1742 bis 1750, b. 11, Hamburg und Leipzig, 1754, стр 316.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОЛЬ ДЖУЛЬФИНСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ИРАНА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ

Стремление шаха Аббаса I установить тесные политические и экономические отношения с европейскими странами было вызвано двумя причинами. Первая из них—понимание трудности борьбы один на один с таким грозным противником, как Османская Турция. Шах Аббас отдавал себе отчет в том, что турки не примирятся с потерей захваченных территорий и будут стремиться к реваншу. Поэтому он упорно изыскивал союзников для будущей борьбы с Турцией. Вторая причина была связана с его планами перенесения путей вывоза иранского шелка-сырца с турецкого направления на юг, к Персидскому заливу, и с заключением торговых договоров с европейскими импортерами этого товара.

В борьбе против Османской Турции потенциальными союзниками Сефевидского государства были страны, в той или иной степени соприкасавшиеся с Османской империей и ее вассалом—Крымским ханством, то есть Московское государство и европейские державы: Австрия, Германия, Польша, Венеция, Испания, которые систематически подвергались нападениям турок и крымских татар. Для заключения с европейскими державами антитурецкого военного союза шах Аббас с 1599 г. неоднократно направлял посольства к русскому царю, германскому императору, в Венецианскую республику, к папе Римскому, королям Испании, Франции и Польши[1] и сам с почестями принимал послов европейских держав. В

[1] „A Chronicle of the Carmelites", I, стр. 82—126.

1598 г. от испанского короля прибыли в Исфаган два португальских монаха—Альфонсо Кордеро и Николо ди Мело[2], а в 1603 г.—посольство германского императора во главе с Какашом и Текдандером[3]. В 1602 г. по поручению испанского короля Филиппа III из Гоа в Иран был направлен августинский монах Антонио де Гувеа.

Во главе первого посольства в Европу (1599) шах Аббас отправил англичанина Антони Ширли, которого сопровождал Хусейн Али-бек Баят. Им было поручено вести переговоры о заключении военного союза между Ираном и европейскими державами[4]. Согласно иранскому историку Рашиду Йасеми, одной из важных задач этого посольства должно было быть заключение договора с Испанией о вывозе шелка-сырца через Персидский залив[5].

В этот период правительство шаха Аббаса считало, что Испания является единственной страной, которая может обеспечить вывоз иранского шелка-сырца морским путем. Расчет иранского правительства основывался на том, что враждебная Османской Турции Испания должна была быть заинтересована в планах, направленных против экономических интересов Турции. К тому же из европейских держав лишь Испания в тот период могла поддерживать тесные торговые связи с Ираном через Персидский залив. Дело в том, что Испания была объединена унией (1580) с Португалией, которая после захвата в конце 1515 г. острова Ормуз блокировала выход из Персидского залива и фактически монополизировала иранскую торговлю путем взимания пошлин с проходивших судов.

Однако переговоры Антони Ширли с испанским двором успеха не имели. Такими же безуспешными были и дальнейшие попытки правительства шаха Аббаса договориться с португальцами и испанцами.

---

[2] 153—154 ص ص، ۱۳۴۱، تهران، جلد ۴، زندگانی ...، نصرالله فلسفی

[3] См. *Какаш* и *Текдандер*, Путешествие в Персию через Московию в 1602—1603 гг., М., 1896.

[4] 58 ص ۱۳۴۳، تهران، تاریخ سیاست خارجی ایران، کاظم صدر

[5] 84 ص، تاریخ ایران، رشید یاسمی

Для Ирана оставался единственный путь—путь военной борьбы с португальцами. Положение усугублялось тем, что в конце XVI и начале XVII вв. Иран оказался почти полностью изолированным от Запада владениями Османской империи. Между тем необходимость в установлении прочных внешнеэкономических связей со странами Европы, развивавшаяся промышленность которых могла поглотить весь производимый в Иране шелк-сырец, поставила на повестку дня вопрос о морской торговле через Персидский залив и далее вокруг Африки[6].

Несмотря на отсутствие собственного военного флота, шах Аббас начал военные действия против португальцев и в течение 1601—1602 гг. овладел Бахрейнскими островами, находившимися под их протекторатом. Однако это вызвало отрицательную реакцию в Испании.

Из Мадрида в Иран была послана миссия, которая потребовала у шаха отозвать войска. Аббас I отклонил притязания Филиппа III в зоне Персидского залива и заявил, что возникший конфликт он склонен рассматривать лишь как внутреннее дело, касающееся его лично и давнего вассала Ирана—шейха Ормуза. Переговоры были прерваны[7].

Во всем этом уже чувствовалось влияние англичан. К тому времени английская Ост-Индская компания, организованная в 1600 г., уже энергично пыталась проникнуть в зону Персидского залива. Британский флот в борьбе за господство в Индийском океане в последней четверти XVI в. нанес крупные поражения военно-морскому флоту Португалии. Англо-испанские и англо-португальские противоречия все более обострялись.

Начав в 1603 г. войну с Турцией, шах Аббас не смог проводить активную политику в зоне Персидского залива. Несмотря на военные успехи, шах Аббас продолжал искать в Европе союзников против Порты, продолжая снаряжать посольства в европейские страны, а также в Московское государство.

Для ведения переговоров шах Аббас широко ис-

[6] См. *В. Л. Бодянский,* Бахрейн, М., 1962, стр. 41.

[7] См. там же, стр. 41.

пользовал католических миссионеров, послов европейских держав и даже некоторых путешественников. Особенно часто он прибегал к услугам новоджульфинских купцов. По словам И. П. Петрушевского, «Сефевиды, нуждавшиеся в поддержке ряда европейских государств для борьбы с Турцией, охотно пользовались для этой цели дипломатическими агентами из христиан—армянских купцов и духовных лиц»[8].

Армянские купцы играли роль дипломатических агентов Сефевидского государства еще при предшественниках Аббаса I[9]. Следует отметить особую роль староджульфинских купцов, которые во многом способствовали установлению государственных контактов между Ираном и Европой, в частности Венецианской республикой[10]. Со своей стороны и Венецианская республика в сношениях с Сефевидами нередко прибегала к услугам армянских купцов. Так, например, отправленный в 1571—1572 гг. к шаху Тахмаспу I венецианский посол Винченцо д'Алессандри пользовался содействием джульфинских купцов в переговорах о заключении с Ираном антитурецкого союза[11]. Как сообщает Алишан, двое из армянских купцов-джульфинцев явились в 1572 г. в Казвине к Винченцо д' Алессандри и сообщили ему, что едут с «особым поручением» шаха к дожу Венеции[12]. Посредничество армянских купцов в дипломатических связях Сефевидов с европейскими державами продолжалось и позже.

Особенное развитие оно получило при шахе Аббасе I. В венецианских документах этого периода можно встретить имена новоджульфинских купцов, выполнявших его дипломатические поручения. Обычно это были крупные негоцианты, имевшие связи с правящими кру-

[8] *И. П. Петрушевский,* Очерки..., стр. 182.

[9] См. *Э. Шахмалиев,* К вопросу о дипломатических сношениях первых Сефевидов с западными странами, «Труды Азербайджанского гос. ун-та им. С. М. Кирова», серия историческая, вып. I, Баку, 1950, стр. 62.

[10] См. *Г. Алишан,* Армяно-венецианские отношения, стр. 372.

[11] См. *G. Berchet,* La Republica... стр. 31, 33—34.

[12] См. *Г. Алишан,* Сисакан, стр. 386.

гами европейских государств. В 1603 г. шах Аббас I отправил в Венецию посольство из 12 человек во главе с иранцем Фети Беком. Трое из них были джульфинцами[13]. Ввиду начавшейся между Ираном и Турцией войны, турецкие власти в Сирии арестовали возвращавшихся из Европы членов посольства[14]. В условиях войны иранское правительство не имело возможности снарядить новое посольство. Поэтому в 1607 г. через джульфинского купца ходжа Шиоша оно направило письмо венецианскому дожу[15], в котором, в частности, говорилось: «Посылаю почетнейшего среди равных себе ходжа Шиоша, купца христианина из Джульфы, в знак дружбы с поручением ему приобрести для моего двора вещи». Шах сообщал также, что ведет войну с Турцией и выражал пожелание, чтобы европейские государства совместно с ним выступили против «общего врага»—турок[16].

16 января 1610 г. посольство Шиоша было представлено дожу и Венецианскому сенату. Шиош вручил дожу верительные грамоты и письма шаха[17]. Результаты переговоров ходжа Шиоша неизвестны.

Помимо посольств, снаряжаемых шахом Аббасом в Европу, имелись постоянные представители, через которых шах поддерживал связи с правящими кругами европейских держав. Для этой цели шах Аббас также пользовался услугами богатых и влиятельных джульфинских купцов. Так, например, по данным архивов Ливорно, джульфинская купеческая семья Мирманян постоянно проживала в Ливорно и представляла шаха в герцогстве Тосканском[18].

Попеременные военные столкновения между турецкой и иранской сторонами вынуждали джульфинских купцов уже в тот период пользоваться также путем че-

---

[13] См. *G. Berchet*, La Repubblica...; см. комментарии к документам № 29, 39, 31, 44, стр. 192, 195, 214.

[14] См. там же, стр. 47.

[15] Там же, стр. 201.

[16] Там же, стр. 47.

[17] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 442.

[18] См. *Месроп Угурлян*, указ. соч., стр. 202.

рез Персидский залив[19]. Иранское правительство поощряло их инициативу, так как это в известной мере подготавливало условия для осуществления широких планов шаха Аббаса в отношении южного торгового пути.

Однако в связи с напряженностью ирано-португальских отношений торговля с европейскими купцами в портах Персидского залива не налаживалась. Португальцы препятствовали джульфинским купцам вести торговлю в Ормузе с иностранными купцами или, в лучшем случае, взимали с них повышенные таможенные пошлины.

По настоянию джульфинского купечества и, по всей вероятности, по указанию шахского правительства Верховный патриарх армян католикос Меликсет просил папу Римского ходатайствовать перед испанским королем о снижении пошлин, взимаемых в Ормузе португальцами с армянских купцов. Католикос писал: «В богатом и известном торговом порту Ормут (Ормуз), находящемся в Персидском заливе, от всех христианских купцов взимаются 10% выездных и въездных таможенных пошлин, между тем как от армян, мотивируя тем, что они являются еретиками, пошлины взимаются в удвоенном размере, причиняя им большой вред»[20].

Меры португальских властей преследовали двоякую цель. С одной стороны, они хотели оказать давление на шахское правительство и заставить его пойти на уступки в вопросе о Бахрейнских островах, а с другой,—принудить армянских купцов принять католичество, чтобы затем превратить их в своих торговых агентов в Иране. Кроме того, по мнению португальских властей, армянское купечество могло оказать содействие испанским и португальским миссионерам в насаждении католицизма среди местного армянского населения.

Враждебные акты португальцев в отношении Сефе-

---

[19] 310 ابوالقاسم سحاب، указ. соч. ص.

см. также *R. Vadala*, Le golfe Persique, Paris, 1920, стр. 14.

[20] «Андес амсореа», Вена, 1934, стр. 238 (на арм. яз.). Армяне, а также другие христианские народы, не являющиеся католиками, были объявлены папой Римским «еретиками».

видского государства еще более осложняли ирано-португальские отношения[21].

Опасаясь нежелательных последствий для испанских интересов в районе Персидского залива, испанская дипломатия предприняла ряд мер. В 1607 г. Антонио де Гувеа, по приказу испанского короля Филиппа III, в качестве посла, вторично прибыл в Иран с письмом к шаху. В этом письме король выражал недовольство враждебными действиями Ирана в отношении испанских интересов в Персидском заливе*. Испанский король дипломатично взваливал всю вину и ответственность на правителя Фарса[22], тогда как в действительности тот действовал по указке шаха. В этом же послании король поставил вопрос о создании испано-иранского антитурецкого союза[23], заявив, что его военный флот в Средиземном море готов нанести сокрушительный удар по туркам[24].

Э. Шахмалиев правильно отмечает, что дипломатические переговоры испанской монархии с Сефевидской державой 80—90-х годов XVI в. и первой четверти XVII в. в определенной степени были связаны с англо-испанскими противоречиями[25].

Эта мысль подтверждается и другими фактами.

Пока Антонино де Гувеа вел переговоры с испанским правительством, испанская дипломатия разрабатывала новые проекты противодействия английским планам проникновения в Персидский залив. Чтобы убедить шаха Аббаса в приверженности Испании идее ирано-испанского антитурецкого союза, Филипп III и его посол в Неаполе Конд де Беневент обратились к шаху с письменным предложением направить торговые пути не через

---

[21] *Charles de Lannoy et Van der Linden*, Histoire de l'expansion coloniale des peuples Européens, t. II, Bruxelles, 1907, стр. 64.

*Речь идет об изгнании португальцев с Бахрейнских островов.

[22] См. *Gouvea, Antoine Fr. de*, Relations..., стр. 414—416.

[23] См. там же, стр. 414—417.

[24] احمد گنج بخش указ. соч. (см. письмо испанского короля Филиппа III к шаху Аббасу, стр. 115—116).

[25] См. *Э. М. Шахмалиев*, Об англо-испанских противоречиях на Переднем Востоке в 80—90 гг. XVI в. и первой четверти XVII в., «Уч. записки Азерб. гос. ун-та», гуманит. серия, 1958, № 1, стр. 81.

Турцию, а через юг Ирана и Персидский залив, обещая обеспечить вывоз иранского шелка в Европу[26].

Дипломатический демарш испанского правительства был встречен с интересом, и Аббас I снарядил посольство во главе с тем же Антонио де Гувеа для ведения переговоров с испанским королем. Чтобы заручиться расположением Филиппа III, шах заверил де Гувеа, что он окажет покровительство испанским миссионерам и разрешит им вести широкую религиозную пропаганду. Шах просил Гувеа передать испанскому королю о своем желании обменяться с ним постоянными представителями[27].

В составе посольства Гувеа, выехавшего из Исфагана в 1608 г., находились иранский сановник Денгиз Бек Курчи Румлу и крупный джульфинский купец ходжа Сафар[28].

Ввиду того, что посольство отправлялось в Испанию морским путем через Персидский залив, шах снабдил ходжа Сафара пятьюдесятью тюками шелка-сырца, чтобы положить начало новому пути вывоза[29] и тем самым подать пример другим иранским купцам[30].

Помимо переговоров с испанским двором, ходжа Сафар должен был вести переговоры и в других западноевропейских странах. Шах Аббас послал с Сафаром несколько писем: к папе Римскому, испанскому королю, генералам кармелитского ордена в Италии, великому герцогу Тосканскому и венецианскому дожу[31].

У ходжа Сафара было также письмо к венецианскому дожу от его консула в Алеппо Джиованни Франческо Сагредо (от 2 сентября 1609 г.). В нем консул просил дожа оказать ходжа Сафару внимание и содействовать торговым делам последнего, чтобы тем самым проявить дружелюбие к шаху[32].

---

[26] См. *Gouvea, Antoine Fr. de*, Relations... стр. 467—468.

[27] نصرالله فلسفي، زندگاني...، جلد سوم، تهران ۱۳۴۱، ص 176

[28] نصرالله فلسفي، تاريخ روابط ايران و اروپا در دوره صفويه قسمت اول، تهران، 1937، ص 40

[29] نصرالله فلسفي، زندگاني...، جلد سوم، ص 229

[30] *Gouvea, Antoine Fr. de*, Relations... стр. 467—468.

[31] نصرالله فلسفي، زندگاني...، جلد سوم، ص 221

[32] См. *G. Berchet*, указ. соч., стр. 201—203.

Примечательно, что в документах о посольстве де Гувеа на передний план выдвигается личность ходжи Сафара. Именно у него находились официальные шахские письма и верительные грамоты, и он же в качестве уполномоченного шаха вел переговоры с главами европейских государств. В их ответных письмах шаху в качестве посла упоминается лишь имя ходжи Сафара. Имена же двух других членов посольства встречаются в связи с тем, что, будучи в Испании, Антонио де Гувеа убедил Денгиза Бека отобрать у ходжи Сафара шахский шелк-сырец и подарить его от имени Аббаса I испанскому королю. Сафар в знак протеста отделился от посольства и по возвращении в Иран доложил обо всем шаху, который сурово наказал Денгиза Бека. В 1614 г. по возвращении в Исфаган он был арестован и приговорен к смерти за пассивность в выполнении порученной ему миссии[33].

Провал переговоров посольства Гувеа в Испании не случаен. Испанское правительство преследовало иные цели, а не организацию вывоза шелка-сырца через Персидский залив, в частности борьбу с Англией.

После провала переговоров в Испании ходжа Сафар отправился для выполнения поручений шаха* в Венецию, куда прибыл в январе 1610 г.[34] Здесь ходжа Сафар представился дожу, передал ему письмо шаха Аббаса и получил для него ответное письмо. В письме дож отмечал, что приезд ходжа Сафара был «весьма желательным и важным с точки зрения установления дружеских связей между Венецией и Ираном»[35]. Однако определенных данных о результатах переговоров ходжа Сафара с дожем нет, так как из предосторожности воп-

[33] См. *K. Bayani*, Les relations de l'Iran avec l'Europe occidentale à l'époque Safavide, Paris, 1937, стр. 70.

* В национальной библиотеке Неаполя, в коллекции «Письма и документы эпохи Аббаса I» хранятся оригиналы документов о переговорах ходжа Сафара в Европе. Иранский историк Фальсафи Насролла опубликовал некоторые из них в своем четырехтомном капитальном труде «Жизнь шаха Аббаса I».

[34] 311 نصرالله فلسفی، زندگانی... جلد سوم، ص

[35] Там же, стр. 311, см. «Письмо венецианского дожа шаху Аббасу I»; см. также *G. Berchet*, указ. соч., стр. 67.

росы политического характера в письме дожа были опущены.

После падения в 1453 г. Византии и перенесения столицы Османской империи в Константинополь торговые пути между Европой и Азией попали в руки турок, что осложнило европейскую торговлю с Востоком. Если к этому добавить агрессивность Османской империи, то станут понятными враждебные отношения западноевропейских держав с турками. Против Османской империи особенно активно выступала Венеция. Будучи одним из основных импортеров иранского шелка-сырца, Венецианская республика была заинтересована в поддержании прямых торговых связей с Ираном. Кроме того, она находилась под угрозой турецкого вторжения и почти непрерывно воевала с Османской империей. Еще в правление Узун-хана Венецианская республика посредством посольства Котерино Зено (1471—1474), Барбаро (1471—1478) и Контарини (1483)[36] активно старалась втянуть Сефевидское государство в войну с Османской Турцией. То же было во времена первых Сефевидов. В период же шаха Аббаса I венецианцы видели в Сефевидской державе ту военную силу, которая была способна отвлечь турок от Европы.

Можно предположить, что ходжа Сафар, будучи в Венеции официальным представителем шаха, вел также переговоры об ирано-венецианской торговле. На основе архивных документов Венеции Г. Алишан отмечает, что после переговоров ходжа Сафара заметно участились посещения Венеции джульфинскими купцами. Значительно увеличился их товарообмен с Венецией[37].

Закончив переговоры в Венеции, ходжа Сафар отправился в Рим, где вручил папе Римскому письмо шаха Аббаса I.

Папа был вдохновителем антитурецкого «крестового похода» в конце XVI в. и в первой четверти XVII в. Во времена Аббаса I он стремился устранить разногласия между европейскими католическими странами, мешав-

[36] См. об этом «Библиотека иностранных писателей о России», т. 1, СПб., 1836.

[37] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 419.

шие их совместному выступлению против Османской империи. Поэтому шах Аббас I проявлял особую активность в установлении политических связей с папой Римским. Он полагал, что при доброжелательном отношении папы к идее ирано-европейского союза этот союз будет осуществлен.

Иранский историк Казем Садр считает, что Аббас I жестоко ошибался, возлагая столь большие надежды на папу, так как к тому времени последний уже утратил былую власть и влияние[38]. Более того, папу больше интересовали вопросы пропаганды католичества в Иране и обращения восточных христиан в католичество. Чтобы достичь своей цели, папа всячески старался войти в доверие к шаху, не останавливаясь даже перед заведомо лживыми обещаниями.

Из Рима ходжа Сафар выехал в великое герцогство Тосканское и вручил письмо шаха герцогу Козме II, получив от него ответное письмо[39]. Среди европейских государей герцог Козма II пользовался славой ревностного поборника крестового похода против турок. Так, в 1608 г. папа Римский предлагал шаху Аббасу I для заключения антитурецкого союза послать специальное посольство к германскому императору Рудольфу II, испанскому королю и великому герцогу Тосканскому[40]. Антитурецкие настроения герцога имели свои причины. Во-первых, как Венеция, так и герцогство Тосканское подвергались опасности турецкого вторжения. Во-вторых, как известно, главный портовый город герцогства—Ливорно вел большую посредническую торговлю между Левантом и европейскими странами. Посредническая торговля Ливорно, в частности шелком-сырцом, приносила ему большие прибыли, а Турция могла в любой момент создать этому городу препятствия для восточной торговли.

В своем письме Козма II заверял шаха Аббаса в

---

[38] کاظم صدر، تاریخ سیاست...، ص ۵۹

[39] نصرالله فلسفی، زندگانی...، جلد سوم، ص ۳۱۲

[40] См. *Berthold (Ignace de Ste-Anne)*, Histoire de l'établissement de la mission de Perse par les pères Carmes dechaussés, Bruxelles, 1885, стр. 246—247.

личном дружелюбии и в туманных выражениях говорил о «вечной дружбе» между Тосканой и Ираном[41].

Ходжа Сафар посетил также Милан, где встретился с генералом кармелитского ордена кардиналом Ф. Борромэ*.

Будучи в Европе, ходжа Сафар, кроме официальных поручений шаха, выполнял также частные. Во время приема у герцога Тосканского Сафар сообщил ему, что «кроме письма шаха на имя папы Римского и других европейских государей относительно войны с турками, у него есть также письмо от армян»[42]. По всей вероятности, они были адресованы джульфинскими купцами негоциантам армянских колоний Европы.

Подтверждением этому может служить следующий факт. Месроп Угурлян обнаружил в архиве церкви итальянского города Лукка документ, в котором сказано, что в 1610 г. в сопровождении нескольких армян «посол персидского шаха князь Сафар» посетил эту церковь[43].

Закончив свою миссию, ходжа Сафар выехал из Италии в Испанию. В 1619 г., отправив письма шаху, он морским путем вернулся в Индию для дальнейшего следования в Иран. Переговоры ходжа Сафара с западноевропейскими странами не дали определенных результатов. Заверения европейских держав в оказании помощи Сефевидскому государству в борьбе против Турции не пошли дальше дипломатической переписки и обмена посольствами. В этом отразилась политика западных держав, стремившихся ослабить турецкую империю военными силами стран Азии и прежде всего Ирана[44].

Не дали результата и попытки шаха Аббаса заключить соглашение с Испанией о вывозе шелка-сырца через Персидский залив, хотя с этой целью в 1615 г. он

---

[41] 312 نصرالله فلسفی، زندگانی... جلد سوم، ص

* С 1595 г. по 1631 г. кардинал Ф. Борромэ был великим епископом Милана.

[42] *Г. Алишан,* Сисакан, стр. 444.

[43] См. *Месроп Угурлян,* указ. соч., стр. 232.

[44] См. *М. Г. Панахиян,* О режиме капитуляций в Иране (1568—1715). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. историч. наук, М., 1962, стр. 4.

отправил в Испанию еще одно посольство во главе с Робертом Ширли[45].

Ирано-испанские переговоры серьезно обеспокоили англичан. Чтобы не допустить заключения торгового соглашения между Ираном и Испанией, Англия активно вмешалась в ирано-испанские переговоры. Будучи заранее осведомленной о миссии Роберта Ширли, английская Ост-Индская компания попыталась захватить в Персидском заливе судно Ширли и арестовать его[46].

Пока велись переговоры между Сефевидским государством и Испанией, Англия пыталась проникнуть в Персидский залив и установить непосредственный контакт с Ираном. В связи с этим Ост-Индская компания в 1614 г. направила в Иран экспедицию[47], чтобы добиться экономических и политических привилегий, а также заключить торговое соглашение. Представителям компании удалось склонить шаха Аббаса I издать фирман, предоставивший большие привилегии Ост-Индской компании. По этому фирману компания получила разрешение основать торговую факторию в Джаске, которая стала первым опорным пунктом в ирано-английской торговле[48].

В Лондоне было решено расширить помощь Ирану вплоть до непосредственного участия в войне против португальцев. По настоянию Ширли иранские войска в 1615 г. вновь двинулись на юг, и Гомбрун перешел в руки иранцев[49].

В Мадриде были весьма обеспокоены успехами англичан. В своем очередном послании вице-королю Индии от 21 марта 1617 г. Филипп III требовал принять решительные меры против Ирана и его английских союзников, достичь победы любыми средствами и вернуть Бахрейн. Когда же в начале 1618 г. в Мадриде наконец поняли, что требования короля неосуществимы, в Исфаган

---

[45] См. *L. L. Bellan*, указ. соч., стр. 222.

[46] ۹۰—۸۹ نصرالله فلسفی، زندگانی ... جلد چهارم، ص

[47] См. там же, стр. 251—252, а также *Е. С. Завакин*, Персидский вопрос в русско-европейских отношениях 17 в., «Исторические записки», 1940, № 8, стр. 133.

[48] См. *L. L. Bellan*, указ. соч., стр. 223.

[49] См. *В. Л. Бодянский*, указ. соч., стр. 43—44.

было направлено новое посольство во главе с доном Гарсиа де Сильва Фигероа[50].

В ходе переговоров испанский посол в ультимативной форме потребовал от шаха Аббаса I очистить Бахрейнские острова, вернуть португальцам Гомбрун и гарантировать, что сефевидское правительство не разрешит англичанам, а также другим европейским державам вести торговлю с Ираном[51].

Шах в резкой форме отклонил это предложение. Причина изменения отношения шахского правительства к Испании заключалась в его переориентации в сторону англичан. Убедившись, что Испания не намерена заключать военный союз с Ираном против Османской Турции и содействовать Ирану в вывозе шелка-сырца через Персидский залив, шах Аббас начал переговоры с представителями английской Ост-Индской компании[52]. Для изменения внешнеполитической ориентации шаха Аббаса немаловажное значение имел разгром в 1615 г. англичанами португальского флота около Сурата. По словам иранского историка Насролла Фальсафи, после «разгрома португальцев шах убедился, что последние больше не в состоянии удержать свои позиции на Востоке, и наоборот, усиливающаяся Англия становится основным политическим фактором в странах Востока»[53].

В марте 1617 г. шах заключил торговый договор с представителями английской Ост-Индской компании, предоставивший ей право закупки и вывоза всего иранского шелка-сырца[54]. Шах разрешил компании открыть торговые фактории в Исфагане и Ширазе и пользоваться одним из портов в Персидском заливе. Аббас I разрешил ей также вести торговлю по всему Ирану и в разных пунктах страны иметь своих торговых представителей[55].

---

[50] Там же, стр. 43—44.

[51] См. *Don Garcia Figueroa*. Ambassade en Perse, Traduction de l'Espagnol par A. Wiquefort, Paris, 1667, стр. 333.

[52] 89 ص указ. соч. ، رشید یاسمی

[53] 66 ص ، تاریخ روابط... ، نصرالله فلسفی

[54] 25 ص ، ۱۳۳۳ ، تهران ، کلید خلیج فارس ، مقتدم غلم حسین

[55] 257—258 ص ، جلد چهارم ، زندگانی... ، نصرالله فلسفی

Сообщив в Испанию об успехах англичан и неудаче своих переговоров, испанский посол сделал еще одну попытку предотвратить сближение шаха с англичанами. Через испанского католического миссионера Фра Мельхиора дес Ангеса он передал шаху письмо Филиппа III, в котором говорилось, что Испания окончательно дала свое согласие организовать вывоз шелка-сырца через Персидский залив и выразила готовность заключить военный союз с Ираном против Османской империи. Одновременно Мельхиор дес Ангес упорно старался убедить шаха не заключать с англичанами договора, заявив, что в случае заключения такого договора будет нарушен мир и спокойствие в зоне Персидского залива. Однако шах не придал этому никакого значения[56]. Через своего секретаря он ответил, что его государство больше не нуждается в военной помощи Испании против турок и не желает заключать торговое соглашение с Испанией, так как уже заключило мир с турками* и договорилось с ними о вывозе иранского шелка-сырца в Европу через Алеппо и Стамбул[57].

Непримиримая позиция шаха вынудила испанского короля в 1618 г. направить ему личное послание. Король заявлял, что он готов начать на Красном море боевые действия против Турции и изолировать ее, установив военный контроль над морем, с условием, что Иран вернет португальцам Бахрейн, Кишм и Гомбрун. Он писал, что отныне предоставляет иранским купцам полную свободу торговли в Ормузе, а также в Гоа—центре португальских владений в Индии, а в случае непродажи шелка-сырца в указанных пунктах обеспечит его доставку в Португалию. Король обещал также открыть в Лиссабоне персидское консульство, издав для иранских купцов, обосновавшихся в Португалии, специальный статут[58]. Он предлагал шахскому правительству назначить консула (торгового агента.—Б. Б.) в Лиссабоне с

---

[56] *Pietro della Valle*, Voyages..., v. 3, стр. 119—122.

* Речь идет о мире, заключенном в Сараве (Южный Азербайджан) в 1618 г.

[57] *Don Garcia Figueroa*, указ. соч., стр. 189.

[58] См. *L. L. Bellan*, указ. соч., стр. 236.

условием, чтобы он по национальности был или персом, или армянином, или португальцем.

Вопреки советам Фигероа снять с повестки дня вопрос о возвращении Ираном Гомбруна и Бахрейнских островов, Филипп III требовал вернуть их португальцам и отказаться от претензий на Ормуз, в противном случае, угрожал король, Испания не будет вмешиваться в те события, которые Португалия подготавливает против Ирана[59].

Одновременно Филипп III поручил Роберту Ширли сообщить письмом шаху Аббасу, что испанский король готов своими военными кораблями блокировать морской путь в Красном море и склонить папу Римского и европейских монархов начать войну против турок. Роберт Ширли, в частности, подчеркивал, что шах должен воздержаться от договора с английской Ост-Индской компанией, так как турецкий султан и английский король заключили между собой соглашение и не будут воевать друг против друга[60].

Однако на все эти предложения испанского короля шах ответил молчанием.

Это была последняя попытка Испании дипломатическим путем предотвратить проникновение своих соперников-англичан в Персидский залив и на иранский рынок.

Шахское правительство надеялось теперь добиться изгнания португальцев из Персидского залива с помощью англичан.

* * *

Как было сказано выше, в 1617 г. шахское правительство заключило торговый договор с английской Ост-Индской компанией, согласно которому последняя обязывалась осуществлять вывоз шелка исключительно морским путем, через Персидский залив[61].

---

[59] نصرالله فلسفی، تاریخ روابط... ص 66—67

[60] نصرالله فلسفی، زندگانی... جلد چهارم، ص 206

[61] نصرالله فلسفی، تاریخ روابط... ص 64

По договору иранские купцы должны были доставлять шелковую продукцию в Гомбрун и сдавать ее англичанам. Наряду с этим англичане могли сами доставлять шелк из Гиляна и других шелководческих районов страны на юг и иметь в Гомбруне своих постоянных агентов по закупке шелка-сырца[62]. Они получили также право свободной транспортировки товаров по всей территории Сефевидского государства и полностью освобождались от оплаты таможенных пошлин.

Договор давал англичанам возможность не только свободно вывозить шелк-сырец, но и ввозить в Иран английские товары.

Шах обязывался не продавать шелк-сырец испанцам и португальцам и не вывозить его через турецкий путь. Последний пункт англичане включили в договор для того, чтобы лишить своих будущих основных конкурентов-армян возможности соперничать с ними. Одновременно они стремились вытеснить и другого своего конкурента—Английскую турецкую компанию.

Договор 1617 г. был первым шагом англичан на пути осуществления планов проникновения на иранский рынок и установления там своей монополии.

До установления контакта Ост-Индской компании с Ираном англо-иранская торговля велась в основном через Английскую турецкую компанию. Ввиду того, что импорт английских товаров и экспорт иранских облагался высокой пошлиной[63], прибыли англичан были сравнительно небольшими. К тому же в турецких городах шелк-сырец стоил намного дороже, чем в Иране. По свидетельству служащего английской Ост-Индской компании Ричарда Стила, шелк-сырец в Иране в 18—20 годах XVII в. стоил на 50% дешевле, чем в Алеппо[64]. Что касается соотношения цен шелка-сырца в Иране и Англии, то, согласно английским источникам, доставка одного фунта шелка-сырца морским путем из Ирана в Лон-

[62] См. *А. Кюрдян,* Материалы по истории армянской торговли (торговля шелком-сырцом и армяне), (отдельн. оттиск), стр. 11.

[63] См. *А. А. Зоннештраль-Пискорский,* Международные торговые договоры Персии, М., 1931, стр. 69.

[64] احمد تاج بخشی، указ. соч. ص 197

дон обходилась англичанам в 7 шиллингов 6 пенсов (включая все расходы, в том числе фрахтовые издержки), а в Лондоне они его продавали за 16 шиллингов[66].

Следовательно, договор гарантировал Ост-Индской компании не только высокие прибыли, но и давал ей преимущество как по сравнению с Английской турецкой компанией, так и с торговыми компаниями других европейских стран, вывозивших иранские товары главным образом через Турцию.

Заключение этого договора преследовало также цель посредством монополизации иранской торговли нанести экономический ущерб сопернице англичан—Португалии и в конечном итоге полностью вытеснить ее из Персидского залива.

Однако с первых же дней действия договора между шахским правительством и Ост-Индской компанией возникли разногласия. Шах требовал все платежи за шелк-сырец производить валютой, а англичане стремились оплачивать стоимость шелка своими товарами, искусственно поднимая их цену и, наоборот, снижая закупочные цены на шелк-сырец[66]. В 1617 г. руководители Ост-Индской компании дали инструкции своим представителям в Иране Томасу Паркеру и Эдварду Мэноду добиться оплаты шелка-сырца не валютой, а английскими товарами. Подчеркивалось, что эти товары следует сбывать по ценам, установленным агентами компании[67], то есть по повышенным ценам.

Не согласившись с условиями англичан, шах приказал прекратить продажу шелка-сырца английским купцам. Томас Паркер и другие представители компании были вынуждены покинуть Иран. Однако вскоре (в начале 1618 г.) Ост-Индская компания отправила в Иран своего представителя Джилз Хоббса для возобновления переговоров и подтверждения договора 1617 г. В ходе

[65] „The Embassy of sir Thomas Roe..., 1615—1619", v. II, стр. 556 (цит. по ст. А. Кюрдяна «Материалы...», стр. 11).

[66] См. *А. Кюрдян*, Материалы..., стр. 11.

[67] „The Embassy of Sir Thomas Roe..., 1615—1619", v. II, документы № 545, 608, стр. 462—463, 554—556 (цит. по статье А. Кюрдяна «Материалы...», стр. 10—11.

переговоров английский представитель заявил, что компания согласна на условия шаха, и одновременно подчеркнул, что она весьма заинтересована в том, чтобы шахское правительство полностью прекратило продажу шелка-сырца испанцам и португальцам[68].

Нельзя не согласиться с иранским историком К. Байани, что получение англичанами монопольного права на вывоз иранского шелка-сырца ущемляло интересы крупного джульфинского купечества[69]. Поэтому армянские купцы, согласно утверждению Насролла Фальсафи, «резко повысили закупочные цены на шелк-сырец, чтобы тем самым заставить своих конкурентов-англичан отказаться от вывоза шелка-сырца»[70]. Они обратились к шаху с просьбой аннулировать договор с англичанами. Но шах ответил, что вопрос о шелке-сырце—вопрос торговый, и кто больше даст за него, тот и получит право на его вывоз[71]. «Из-за сильного противодействия армян,—пишет Ахмед Тадж Бахш,—а также стремясь получить больше выгод от его сбыта, шах Аббас объявил аукцион... На аукционе армяне согласились взять на откуп у правительства продажу всего шелка-сырца и притом по самой высокой цене—50 туманов за каждый тюк»[72]. Пьетро делла Валле, будучи очевидцем, рассказывает, что на аукционе из всех купцов, как европейских, так и восточных, только джульфинские купцы согласились платить шаху за каждый тюк шелка (в 36 батманов) 50 туманов золотом[73].

Шах немедленно аннулировал договор с англичанами и передал джульфинским купцам монопольное право вывоза всей продукции шелка-сырца из Гиляна, Мазандарана, Шемахи, Грузии и других шелководческих районов Ирана[74]. Джульфинцы стали контрагентами шаха

---

[68] 145 ص ،... تاریخ روابت ،نصرالله فلسفی

[69] См. *K. Bayani*, указ соч. стр. 116—118.

[70] 145 ص ،... تاریخ روابت ،نصرالله فلسفی

[71] См. там же, стр. 68.

[72] 203 ص ،указ. соч. ،احمد تاج بخشی

[73] См. *Pietro della Valle*, Reiss-Beschreibung in unterschiedlichen Theilen der Welt, b. III, Genf, 1674, стр. 263.

[74] 220 ص ،... جلد سوم ،زندگانی ،نصرالله فلسفی

и поэтому получили право привилегированных купцов «таджире-е хасс-е шерифе».

После аннулирования договора англичане покинули Иран. Их отказ принять условия шаха объясняется тем, что они не обеспечивали им выгод. Шах фактически запрещал им неограниченный ввоз в Иран английских товаров. Следует также учитывать, что для англичан, находившихся во враждебных отношениях с португальцами, вывоз шелка-сырца через залив был связан с большим риском.

Таким образом, первые попытки англичан утвердиться на иранском рынке окончились неудачей в связи с противодействием армянского торгового капитала. Защищая свои торговые интересы, армянское купечество тем самым объективно выступало против вторжения в Иран иностранного торгового капитала. Исследователь режима капитуляций в Иране М. Г. Панахиян отмечает, что в XVII веке «в организации борьбы против экспансии западноевропейских колонизаторов в Иране чрезвычайно важную роль играли армянские купцы, пользовавшиеся полной поддержкой со стороны различных слоев иранского общества и выступавшие против кабального режима капитуляций»[75].

Потерпев неудачу, англичане усилили борьбу за установление своего влияния в Персидском заливе. Препятствием на пути англичан по-прежнему были португальцы. Поэтому британская Ост-Индская компания спешно подготавливала против них военные действия. 27 декабря 1620 г. английская эскадра около Джаска разгромила португальский военный флот.

Оставалось вытеснить португальцев с острова Ормуз—их главного опорного пункта в Персидском заливе.

В отношении Ормуза интересы англичан и шахского правительства совпадали, так как обе стороны были заинтересованы в изгнании португальцев. Поскольку шах не располагал военным флотом для высадки войск на остров, он был вынужден обратиться за помощью к англичанам.

---

[75] *М. Г. Панахиян*, О режиме капитуляций в Иране... (автореферат), стр. 16.

8 января 1622 г. между британской Ост-Индской компанией и Ираном было заключено соглашение о совместном участии иранских войск и военного флота компании в операциях против португальцев. Англичане выговорили себе за это ряд прав: отчисление части таможенных доходов Гомбруна и Ормуза; разрешение на организацию филиалов британской Ост-Индской компании в Гомбруне, Ширазе и Исфагане; освобождение английских кораблей от всякого рода сборов и другие привилегии[76].

19 января 1622 г. персидские войска совместно с военными кораблями английской Ост-Индской компании очистили остров Кишм от португальцев. 11 апреля 1622 г. по приказу шаха войска правителя Фарса Имам Кули Хана совместно с военным флотом Ост-Индской компании взяли крепость Ормуз. Разрушив ее, шах Аббас перенес торговый порт на материк, в Гомбрун, впоследствии переименованный в Бендер Аббас.

Персидский залив был открыт для всех купцов. По свидетельству Томаса Херберта, Гомбрун за короткое время из маленького городка превратился в крупный торговый город благодаря торговле английских, голландских, португальских, армянских, турецких, индийских, арабских, еврейских и других купцов[77]. Ежегодный торговый оборот через Персидский залив достигал, по данным Г. Алишана, 12 000 000[78] (вид валюты не указывается). По свидетельству современников, в тот период среди восточных купцов, торговавших через Персидский залив, армяне занимали первое место[79].

Ост-Индская компания развернула широкую торговлю с Ираном. Ее товарооборот с Гомбруном в первые годы превышал больше половины торговых операций этого порта[80]. Англичане стали получать половину всех таможенных сборов Ормуза. Английские товары осво-

---

[76] 216, 268 نصرالله فلسفی، زندگانی...، جلد چهارم، ص

[77] См. *Thomas Herbert*, Travels in Persia New Yo. k, 1929, стр. 43.

[78] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 466.

[79] См. там же.

[80] См. там же.

бождались от обложения таможенными пошлинами и налогами. Ост-Индская компания вынудила иранское государство согласиться на торговлю в Гомбруне на основе «принципов фактории»[81], что давало большие преимущества английским купцам.

Одновременно компания добилась для британских подданных и купцов, обосновавшихся в разных городах Ирана, в том числе и в Исфагане, весьма существенных экономических и политических прав[82].

Однако, несмотря на упрочение своих позиций в Иране, англичанам все же не удалось установить монополию на иранском рынке. Это оказалось невозможным не только в силу противодействия армянского торгового капитала, но и из-за соперничества голландцев.

В начале XVII в. англичане столкнулись на Востоке, в том числе и на иранском рынке, с конкуренцией первой морской и торговой державы того времени—Нидерландов, располагавших неизмеримо большими капиталами и лучшей организацией торговли. Английский флот по количеству кораблей, тоннажу и качеству намного уступал голландскому[83].

Ослабление мощи Португалии на океанском пути в Индию открыло перед Голландией широкие перспективы для колониальных устремлений на Востоке. Она активно включилась в борьбу за монополизацию всей восточной торговли. С этой целью в 1602 г. была организована голландская Ост-Индская компания, которая пыталась проникнуть в Персидский залив и превратить его острова в промежуточные пункты торговли между Индией и Европой.

Представитель голландской Ост-Индской компании Хуберт Висних получил от шаха Аббаса разрешение на организацию торговых домов в Гомбруне и Исфагане и добился некоторой доли участия в торговле иранским шелком. Вопреки противодействию англичан он получил

---

[81] См. *М. Г. Панахиян*, О режиме капитуляций в Иране... (автореферат), стр. 10.

[82] Подробно об этом см. پناهیان محمود فرزند غلم حسین ، دربارهٔ رژیم کاپیتولاسیون در ایران (диссертация), М. 1962 (1568—1715) стр. 45—52

[83] См. *М. А. Барг*, Кромвель и его время, М., 1960, стр. 35.

21 ноября 1623 г. шахский фирман, согласно которому голландцы приобрели равные с англичанами права и привилегии[84]. Они развернули значительную торговлю с Ираном и быстро добились успехов в конкуренции с англичанами.

Начавшееся на иранском рынке соперничество было частью борьбы за торговую и морскую гегемонию, развернувшейся с начала XVII в. с образованием британской и голландской ост-индских компаний.

Чтобы вытеснить с иранского рынка как армян, так и голландцев, английская Ост-Индская компания в 1628 г. предложила шахскому правительству заключить на льготных условиях контракт о ежегодном вывозе из Ирана 100 тысяч шахских манов* шелка-сырца. По данным иранских источников, в эти годы Иран вывозил ежегодно сто тысяч шахских манов шелка-сырца[85]. Следовательно, англичане предлагали передать им монополию на экспорт шелка-сырца. Сперва шах согласился на эти условия англичан, однако в дальнейшем шахское правительство отклонило их предложение. По мнению А. Кюрдяна, причина отказа заключалась в том, что прибыли, приносимые шахской казне джульфинскими купцами, превышали те, что обещали англичане[86].

* * *

Неоднократный отказ шаха предоставить англичанам монополию на вывоз иранского шелка говорит о том, что иранское правительство, вопреки своим политическим интересам предпочло осуществлять вывоз шелка турецким путем. Получается коллизия: новый океанский путь оказался менее рентабельным, чем старый, сухопутный. Этот вопрос требует специального исследования, как и вопрос о том, почему шах Аббас столь

[84] См. *H. Dunlop*, Source pour servir à l'histoire de la compagnie des Indes Orientales et la Hay, 1930, стр. 74.

* Шахский ман, батман—мера веса, равная 5969 кг.

[85] 25 ص ۱۳۳۳ مقدم فلاح حسین، کلید خلیج فارس، تهران،
См. также: *Thomas Hebert*, Travels in Persia, стр. 103—106.

[86] См. *А. Кюрдян*, Материалы..., стр. 19.

упорно игнорировал северный Волжско-Каспийский транзитный путь. Однако надо сказать, что при тогдашнем несовершенстве мореплавания и слабом освоении морских трасс новый океанский путь был довольно дорогостоящим и опасным. К тому же Ост-Индская компания имела слишком большие аппетиты, будучи избалована огромными прибылями от индийской торговли.

Так как англичане не оправдали надежд шаха, он на этот раз попытался осуществить свои планы с помощью голландцев. Шах начал постепенно ограничивать права и привилегии англичан, предоставленные им по договору 1622 г. Так, согласно этому договору, англичанам было обещано выплачивать часть таможенных доходов Гомбруна и Ормуза и освобождать их суда от всякого рода сборов. Сославшись на нарушение англичанами условий договора, невыполнение обещания о дислокации в Персидском заливе постоянных морских боевых соединений для защиты Гомбруна от португальцев, укрепившихся в Маскате и Ларake, а также незаконный вывоз ими из Ирана большого количества золота, иранское правительство стало не выполнять отдельные пункты договора[87].

Шах Аббас, помимо своих целей в отношении Турции, стремился использовать голландцев также для изгнания португальцев из Маската и Ларака.

Для ведения переговоров по этим вопросам в 1626 г. он направил в Нидерланды посольство Муси Бека. Сопровождал его торговый агент нидерландской Ост-Индской компании Ван Хасселът, прибывший в Иран для заключения политического и торгового договора с шахским правительством[88]. Вручив письмо шаха Аббаса, посол предложил голландскому правительству отозвать своих торговых представителей и консулов из Османской Турции и прекратить с ней торговлю, взамен обещав предоставить голландцам широкие торговые права и привилегии в Иране. Стремясь заинтересовать голландские торговые круги. Муси Бек заявил, что якобы шах Аббас долгое время боролся против португальцев в Пер-

[87] 204 احمد تاج بغشی، указ. соч.

[88] См. *Сарухан*, Голландия и армяне, «Андес амсореа», Вена, 1925, № 3—4, стр. 164.

сидском заливе для того, чтобы монополию иранской торговли предоставить голландцам. Португальцы, заявил далее он, уже изгнаны из Ормуза и Гомбруна, но укрепились в Маскате и Лараке, и шах просит помочь ему изгнать их и из этих пунктов[89].

Голландцы дали Муси Беку уклончивый ответ. Они не могли ликвидировать торговлю с Левантом, так как она приносила им огромные прибыли. Уход из Турции укрепил бы позиции их торговых соперников на Ближнем Востоке, в первую очередь англичан и французов. С другой стороны, Нидерланды не имели намерения ввязываться в борьбу против португальцев, так как ухудшение отношений с Португалией было бы наруку англичанам.

Таким образом турецкий и средиземноморский пути по-прежнему оставались главными путями ирано-европейской торговли, по которым осуществлялась основная часть вывоза иранского шелка-сырца и товарообмена Ирана со странами Леванта, а также с европейскими странами. Турецкие города Смирна, Алеппо, Триполи и Стамбул приобрели в XVII в. еще более важное значение как центры международной торговли. Большинство европейских стран, даже те из них, которые поддерживали морским путем непосредственные торговые сношения с Ираном (Англия, Голландия и др.), импортировали восточные товары, в частности шелк-сырец, главным образом из этих городов. Путь из любой европейской страны через Средиземное море на Ближний Восток был намного короче и безопаснее, чем через океан.

Внешняя торговля Ирана через турецкий транзитный путь находилась в руках армянских, преимущественно джульфинских, купцов. Многочисленные источники свидетельствуют об оживленной торговле джульфинских купцов с европейскими купцами в Алеппо[90], Алек-

---

[89] См. *H. Dynlop*, указ. соч., стр. 707.

[90] См. *А. Сюрмелян*, История армян Алеппо, Бейрут, 1946, а также *А. Сюрмелян*, История национальных кладбищ Алеппо и армянские надписи надгробных памятников, Алеппо, 1935 (на арм. яз.).

сандретте, Смирне[91], Триполи[92], Стамбуле[93] и других городах. Из документов, опубликованных А. Сюрмеяном, явствует, что в Алеппо, например, европейские купцы проводили операции с шелком-сырцом исключительно через армянских купцов, главным образом через джульфинцев[94]. По свидетельству английского торгового агента в Стамбуле, торговля шелком-сырцом в этом городе в начале XVII в. находилась преимущественно в руках армянских купцов из Ирана[95].

Наличие в указанных городах армянских колоний, где постоянно проживали переселенцы из старой Джульфы, игравшие роль посредников между европейскими и новоджульфинскими купцами, значительно облегчало торговые операции последних в этих городах. Согласно архивным документам Алеппо, некий джульфинский купец по имени Петик в первой четверти XVII в. был торговым представителем Голландии в Алеппо[96].

Основными контрагентами джульфинских купцов в турецких городах были представители из европейских стран, располагавших развитой шелковой мануфактурой или же занимавшихся посреднической торговлей шелком-сырцом. В первой четверти XVII в. такими странами были главным образом Франция, Голландия и Венецианская республика. Так, в донесении голландского консула в Стамбуле своему правительству от 1615 г говорится, что наиболее крупными импортерами шелка-сырца из ближневосточных городов являлись французы и голландцы[97]. Основную часть привезенного в Алеппо и

---

[91] См. *Г. О. Галустян,* Смирна и армянская колония Смирны (ежегодник греческих армян, 2-й год), Афины, 1928 (на арм. яз.).

[92] См. *А. Астурян,* История Армении, Буэнос-Айрес, 1947 (на арм. яз.).

[93] См. *Г. Алишан,* Сисакан, стр. 448.

[94] См. *А. Сюрмеян,* История армян Алеппо, т. III, Париж, 1950, стр. 280.

[95] „Relation of Io e , A. D. 1610", London, 1627, стр. 86. (цит. по ст. А. Кюрдяна «Материалы...», отдельн. оттиск, стр. 8).

[96] См. *А. Сюрмеян,* История армян Алеппо, т. III, стр. 288.

[97] См. там же, стр. 293—302.

Смирну шелка-сырца джульфинские купцы сбывали французским[98] и голландским купцам[99].

При шахе Аббасе особенно широкий размах приняло сотрудничество джульфинского торгового капитала с венецианским. Объясняется это тем, что в первых десятилетиях XVII в. в области шелкоделия Венеция все еще занимала одно из ведущих мест[100]. Шелкообрабатывающие мануфактуры Венецианской республики работали на высококачественном иранском шелке-сырце. Находясь недалеко от жизненных центров Запада и Ближнего Востока, Венеция одновременно занималась посреднической торговлей между ними.

Венеция имела многочисленные торговые консульства на Ближнем Востоке, которые проводили крупные торговые операции с восточными купцами. Особенно тесные связи венецианские купцы поддерживали с джульфинским купечеством. Отмечая большую роль армянского купечества во взаимоотношениях Венеции с восточными странами, в частности с Ираном, Э. Шахмалиев отмечает, что «торговый капитал Венеции в странах Переднего Востока был тесно связан с местным, особенно армянским торговым капиталом, а через него с господствующим классом феодалов этих стран»[101].

Успешной торговле европейских купцов со странами Востока значительно способствовали права и привилегии, предоставленные им Оттоманской Портой. Благодаря султанским фирманам они занимали прочные позиции на Ближнем Востоке. Первоначально особенно сильные позиции были у французов и англичан. По султанскому фирману от 1598 г., голландцы могли торговать в Турции под французским или английским флагом. Лишь 6/VII 1612 г. посланник Нидерландов Корнелий Гаага, несмотря на открытое противодействие со стороны Англии и Франции, сумел получить у Порты первую капитуляцию, предоставившую голландцам равные пра-

[98] См. там же. стр. 279.

[99] См. *Сарухан,* Голландия и армяне, «Андес Амсорея», Вена, 1925, № 3—4, стр. 153 (на арм. яз.).

[100] См. «Очерки истории Италии», М., 1959, стр. 154.

[101] *Э. Шахмалиев,* Об англо-испанских противоречиях..., стр. 124.

на с англичанами и французами. Нидерланды установили оживленное судоходство между своими портами и торговыми центрами Османской Турции, где сбывали промышленные изделия и закупали большое количество восточных товаров, преимущественно шелк-сырец и шерсть[102].

Ирано-европейская торговля, проводимая через джульфинское купечество, не ограничивалась лишь турецкими городами. Через Средиземное море шли главные пути иранской торговли на Запад. Перевалива товары на европейские суда, джульфинские купцы доставляли их в страны Западной Европы, став при шахе Аббасе I основными экспортерами иранского шелка-сырца и других товаров в Европу.

Особенно большими партиями джульфинские купцы доставляли шелк-сырец в Венецианскую республику. Несмотря на то, что в первые десятилетия XVII в. Венецианская республика вела широкую торговлю с восточными купцами в ближневосточных торговых центрах, она вместе с тем поощряла их торговлю и непосредственно с Венецией. Основной причиной было то, что уже в начале XVII в. европейские конкуренты стали постепенно вытеснять венецианцев из стран Переднего Востока[103]. Именно с этого времени начался экономический и политический упадок Венецианской республики. В XV и XVI вв. Англия и Голландия, а затем Франция ввиду отсутствия развитой промышленности ограничивались сбытом своих промышленных изделий (сукон и проч.) в страны Переднего Востока главным образом через венецианцев. Но уже с XVII в. эти государства стали сами проникать на рынки Переднего Востока. Не имея своей развитой промышленности, Венеция уже не могла выдерживать конкуренцию с передовыми промышленными странами. Чтобы поддержать левантийскую

[102] См. *H. Watjen*, Die Niederländer im Mittelmeergebiet zur Zeit ihrer höchsten Machtstellung. Abhande Z. Verkehrs und Seegeschichte, herausgeg von D. Schäfer. Bd. II, Berlin, 1909, стр. 134, 146.

[103] См. *Э. Шахмалиев*, Об англо-испанских противоречиях..., стр. 124.

торговлю и сдержать натиск своих европейских конкурентов, Венецианская республика всячески поощряла посредническую торговлю с ней восточных купцов. С этой целью она предоставляла восточным купцам различные привилегии и начала, в частности, интенсивно снижать таможенные пошлины для «персидских» купцов. Специальным постановлением от 5 марта 1614 г. венецианский сенат значительно снизил пошлину на иранский шелк-сырец[104], а постановлением от 2 мая 1614 г. все шелка, идущие из Сефевидского государства через порты Сирии в Венецию, освободил на 6 лет от 6%-ной пошлины, но с непременным условием, чтобы купцы, везущие их через Алеппо, удостоверяли путем неоспоримых доказательств консулу в Сирии их «персидское» происхождение[105].

Снижением таможенных пошлин на иранский шелк-сырец Венецианская республика старалась также укрепить свои торговые и политические связи с Сефевидским государством. Не случайно, что пошлины были снижены на «персидский» шелк-сырец, между тем как на турецкий шелк это не распространялось, в этом, безусловно, было заинтересовано и иранское правительство.

Г. Алишан предполагает, что вышеупомянутое постановление венецианского сената было принято по предложению ходжа Сафара во время его посещения Венеции в качестве посла шаха Аббаса. В подтверждение он приводит тот факт, что после переговоров ходжа Сафара товарооборот между джульфинскими и венецианскими купцами резко увеличился[106].

В основе такого благожелательного отношения Венецианской республики к джульфинским купцам лежало также и опасение, что они могут переориентироваться на другие итальянские республики. В одном из протоколов венецианского сената говорится, что следует представить армянским купцам всякие удобства для проведения торговых операций, в противном случае они

---

[104] См. *Г. Алишан,* Сисакан, стр. 444.

[105] См. *G. Berchet*, указ. соч., стр. 67.

[106] См. *Г. Алишан,* Сисакан, стр. 419.

направят свои товары в Ливорно или Геную[107]. В соответствии с этим армянским купцам были предоставлены в Венеции многочисленные привилегии[108].

Джульфинское купечество, воспользовавшись покровительственной политикой Венецианской республики, значительно расширило свою торговлю с ней. Многие из джульфинцев оставались там на постоянное жительство. Г. Алишан обнаружил в венецианских архивах около 2500 имен джульфинских купцов, обосновавшихся в Венеции в середине XVII в. Число их было настолько велико, что одна из улиц города была названа «Джульфой»[109].

В первой четверти XVII в. джульфинское купечество вело значительную торговлю и с другими итальянскими городами-республиками. После Венеции наиболее часто посещаемым джульфинцами городом была Генуя, занимавшая видное место в восточно-европейской посреднической торговле вплоть до середины XVII в. Будучи соперницей Венеции, она также стремилась привлечь восточных, в том числе и армянских, купцов. С этой целью подобно Венецианской республике она предоставляла им широкие права и привилегии. Так, например, вслед за постановлением Венецианской республики об отмене таможенных пошлин на иранский шелк-сырец Генуя приняла предложение армянских купцов Ирана о совместной организации «Торговой компании Восточной Индии» для ведения торговли с Индией и Ираном и ввоза в Геную иранского шелка-сырца[110].

В Италии джульфинские купцы в ту пору вели торговлю также с Ливорно, с городской республикой Лукка, с герцогствами Феррарским и Пьяченца, с городами Фаэнца, Анкона, Болонья, Пальми, Фабриана, Форли, Рим, Флоренция, Пиза, Павия, Пистойя, Эмилия и т. д.[111] Однако отсутствие материалов не дает возмож-

[107] См. *Г. Алишан*, Армяно-венецианские отношения, стр. 323.

[108] См. *Месроп Угурлян*, указ. соч., стр. 215.

[109] См. там же, стр. 214.

[110] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 450 (упомянутая компания существовала до середины XVII в., после чего была ликвидирована).

[111] См. там же, стр. 456.

ности обрисовать картину торговых связей джульфинских купцов с каждым из этих городов в отдельности.

Помимо Венецианской республики, наиболее мощным контрагентом шаха по сбыту шелка-сырца была Голландия. Голландские шелковые мануфактуры, поставлявшие ткани почти всем европейским странам, нуждались в большом количестве сырья. Этим и были обусловлены широкие торговые связи джульфинских купцов с Нидерландами. До установления голландцами непосредственных торговых связей с Ираном (1623 г.) ирано-голландская торговля совершалась главным образом через джульфинских купцов, и не только в турецких городах, но и непосредственно в Голландии, куда они доставляли свои товары на голландских судах. Наиболее часто джульфинские купцы посещали город Амстердам, крупный торговый центр Нидерландов. Существовавшая там еще в XVI в. армянская колония в начале XVII в. значительно расширилась. Согласно голландскому историку Ван Эмдре, после разрушения Старой Джульфы многие ее жители обосновались в Амстердаме[112]. В городских архивах Амстердама хранятся документы, свидетельствующие о том, что с 1617 г. джульфинские купцы на городской бирже Амстердама проводили крупные торговые операции[113].

Джульфинские купцы регулярно вывозили шелк-сырец и другие иранские товары также во Францию. Из нотариальных дел Парижа и Марселя Г. Алишан приводит имена многих джульфинских купцов, побывавших в XVII в. в этих городах по торговым делам[114].

Посредничество джульфинского купечества в ирано-французской торговле приобретало особое значение для Франции, не имевшей непосредственных торговых связей с Ираном, которые до 1664 г. были практически равны нулю[115]. Между тем Франция, как было сказано вы-

---

[112] *S. Van Emdre*, Historisch Berigt van alle de Gezindheden, Utrecht, 1784, стр. 65. цит. по ст.: *Сарухан*, Голландия и армяне, „Андес амсорея", 1925, № 3—4, стр. 571.

[113] См. *Сарухан*, Голландия и армяне, 1926, № 11, 12, стр. 572.

[114] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 457.

[115] См. *М. Г. Панахиян*, О режиме капитуляций в Иране... (автореферат), стр. 12.

ше, была крупным импортером иранского шелка-сырца. Помимо того, что французские купцы закупали иранский шелк-сырец у армянских купцов в турецких городах, последние сами ввозили его большими партиями во Францию.

Следует отметить, что в начале XVII в. французский порт Марсель был одним из наиболее крупных европейских центров торговли иранским шелком-сырцом. Многие европейские страны, в частности Голландия, закупали там иранский и турецкий шелк-сырец. Джульфинские купцы поддерживали с ним регулярные торговые связи. Из ближневосточных портов, в частности Смирны, они доставляли шелк на французских судах в Марсель, где продавали его местным купцам, а часть переправляли в Голландию, Англию и другие страны. Торговля армянских, в частности джульфинских, купцов с Марселем приняла настолько широкий размах, что в течение короткого времени они стали серьезными конкурентами французских купцов. Английские и голландские контрагенты французских купцов стали закупать шелк-сырец главным образом у армян, так как товар их был высокого качества, продавался дешевле, к тому же доставлялся в Марсель регулярно.

Французские купцы немедленно предприняли контрмеры. На основании жалоб торговой палаты Марселя городской муниципалитет издал указ от 10 декабря 1622 г., согласно которому капитанам французских кораблей строго запрещалось перевозить товары армянских купцов. Указ предписывал капитанам выдавать нотариусу расписку в том, что они обязуются уплатить штраф в 10 тысяч золотых, если нарушат этот запрет[116].

Парламент Прованса в том же году издал указ, которым выражалось единодушие с мероприятиями муниципалитета Марселя. Было сделано даже добавление к указу о запрещении армянским купцам вывозить из

[116] См. *Fr. Macler*, Notes de manuscrits arméniens ou relatifs aux Arméniens, vus dans quelques bibliothèques de la péninsule ibérique et du sud-est de la France, Revue des Etudes Arméniennes, t. II, Paris, 1922, стр. 10—13; ср. *Ch.-D. Tékélan*, Marseille la Provence et les Arméniens, Marseille, 1929, стр. 14—15.

Марселя золото и серебро[117]. Аналогичные решения были приняты также в Тулоне. Репрессии провансальских властей против армянского купечества продолжались, судя по архивным документам, с некоторым перерывом до 1656 г.[118]

Закрытие Марселя для армянских купцов отрицательно сказалось на ирано-европейской торговле. Шах Аббас попытался добиться аннулирования французскими властями этих указов, в чем ему помогали джульфинские купцы. Так, в 1628 г. калантар Новой Джульфы ходжа Назар организовал встречу капуцинского монаха Пацифика с шахом Аббасом. Пацифик просил разрешения основать в Исфагане миссию ордена капуцинов[119]. В том же году, по-видимому по просьбе ходжа Назара, через того же Пацифика шах обратился к французскому двору с просьбой открыть Марсель для армянских купцов. Вопреки тому, что при кардинале Ришелье (управлял Францией с 1624 по 1642 гг.) был введен строгий протекционистский тариф в отношении всех заграничных конкурентов[120], Людовик XIII и тот же кардинал Ришелье 23 ноября 1629 г. подписали специальный патент о предоставлении армянским купцам права свободного въезда в Марсель и выезда из него[121].

Такого рода исключение имело свои причины. Ришелье отлично понимал, что слабый французский торговый флот тогда не мог соперничать с флотом своих главных конкурентов в восточной торговле—Голландии и Англии и поэтому начал проводить политику поощрения торговли восточных купцов с Францией. Особенно большое значение придавалось торговле армянских купцов Турции и Ирана. Например, Ришелье хотел поселить армянских купцов в наиболее крупных торговых городах Франции, в частности в Марселе, чтобы они вели не-

[117] См. *Fr. Macler*, указ. соч., стр. 14—20.

[118] См. там же, стр. 22—41.

[119] См *P. Pacifique*, Relation du voyage en Perse, Lille, 1632, t. II, стр. 423.

[120] См. *Н. Н. Розенталь*, История Европы в эпоху торгового капитала, Л., 1927, стр. 126.

[121] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 456.

посредственную торговлю с Левантом[122]. Он предоставил армянской колонии Марселя некоторые привилегии и по его инициативе там была открыта армянская типография[123].

В поисках новых рынков сбыта иранского шелка-сырца и других товаров джульфинцы проникали также в другие страны Европы. Основываясь на документах европейских архивов, Г. Алишан приводит имена многочисленных джульфинских купцов, побывавших по торговым делам в Испании, Англии, Германии, Австрии, в Скандинавских странах и т. д. В этой связи Турнефор писал об армянах, что «они не только являются хозяевами торговли Леванта, но также в значительной степени торговли с наиболее крупными городами Европы. Их видят приезжающими из глубины Персии в Ливорно. Не так давно они обосновались в Марселе. Сколько их находится в Голландии и Англии?»[124].

Джульфинские купцы играли важную роль не только в экспорте, но и в импорте Ирана. Они ввозили в Иран главным образом товары европейского промышленного производства.

Армяне привозили в Иран из Англии и Голландии сукна, парчу, венецианские зеркала, часы, кошениль и т. д.[125]

«Из Европы в Иран и Индию они (армянские купцы. —В. Б.) забирали мелкие зеркала, кольца, ожерелья, эмали, маленькие ножи, ножницы, булавки, иголки, которые на Востоке принимались охотнее, чем деньги»[126].

По свидетельству Тавернье, джульфинцы в своих магазинах на исфаганском мейдане продавали «английские и голландские сукна, венецианские разноцветные

[122] См. *А. Г. М.*, Частичная история о знатных армянах, Стамбул, 1909, стр. 28—29 (на арм. яз.).

[123] См. там же, стр. 29—30.

[124] *Pitton de Tournefort*, Relation d'un voyage du Levant, Paris, 1718, t. II, Lettre XX, стр. 158.

[125] См. *Jonas Hanway*, The Revolutions of Persia, containing the reign of Chah Şultan Hussein etc,, London, MDCCLIV, vol. I, стр. 28, 29, 296.

[126] *Pitton de Tournefort*, Relation..., Lettre XX, стр. 159.

шерстяные ткани и другие европейские товары»[127]. Однако их экспорт намного превышал импорт, ибо за вывезенные в Европу иранские товары они получали в основном валюту. Шах Аббас добивался притока в страну золота и серебра для покрытия расходов на реформы в армии и ирано-турецкие войны.

Кир Портер отмечает, что армянский купец времен шаха Аббаса I был лучшим посредником передвижения золота и драгоценных товаров между Азией и Европой[128]. Тавернье свидетельствует, что при шахе Аббасе I в Иране было много серебряных денег, так как наряду с товарами армянские купцы ввозили из Европы большое количество серебряной монеты, которая перечеканивалась в персидские деньги. Во времена же правления шаха Аббаса II армянские купцы обменивали свои товары в Европе на золотые монеты, что привело к резкому уменьшению в Иране количества серебряных монет[129].

Не указывая источника, А. Алпояджян пишет, что по возвращении из Европы каждый караван джульфинских купцов привозил в Иран 200 тысяч серебряных скуди[130]. Золото и серебро были обильным источником обогащения шахской казны и джульфинского купечества. Перечеканивая золотые монеты в иранскую монету, джульфинские купцы получали огромные прибыли, которые делили с шахом[131].

Торговля джульфинских купцов не только способствовала обогащению шахской казны, но и укрепляла финансовое положение Ирана.

* * *

Государственная шелковая монополия, сохранившаяся до конца жизни Аббаса I (1629), была источни-

---

[127] *J. B. Tavernier*, Les six voyages..., t. II, стр. 47.

[128] См. *K. Porter*, Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, t. I, London, 1821, стр. 424.

[129] *J. B. Tavernier*, Les six voyages..., стр. 563

[130] См. *А. Алпояджян*, История армянской эмиграции, т. I, Каир, 1961, стр. 175 (на арм. яз.).

[131] نصرالله فلسفی، زندگانی... جلد سوم، ص 260

ком злоупотреблений и вымогательств шахских чиновников. Это вызывало недовольство крестьян, занимавшихся производством шелка-сырца.

Еще в первые годы правления шаха Аббаса I в шелководческих районах Ирана, в частности в Гиляне, крестьяне неоднократно восставали против шахской власти и чиновников, грабивших их. Шах Аббас жестоко подавлял эти восстания. Они возобновились на более широкой основе после его смерти. В 1629 г. в Гиляне вспыхнуло крупное народное восстание, жестоко подавленное войсками[132].

Согласно Искандеру Мунши, преемник Аббаса I шах Сефи I (1629—1642) сразу же после прихода к власти был вынужден издать фирман об аннулировании государственной монополии на шелк-сырец[133]. Отмена монополии изменила характер торговой деятельности джульфинских купцов, так как они перестали быть официальными агентами шаха по вывозу «шахского» шелка-сырца. Купцы начали заниматься экспортом по собственной инициативе, закупая шелк-сырец у непосредственных производителей, они вывозили их продукцию как собственный товар. Это привело к установлению и укреплению связи джульфинского торгового капитала с мелкими производителями шелка-сырца. Однако такие закупки были незначительными, так как бо́льшую часть шелка-сырца крестьяне сдавали шахской или местной феодальной администрации в виде налогов и сборов. Джульфинские же купцы, закупая эту продукцию оптом у государства, вывозили и сбывали ее на внешнем рынке, тем самым выступая в качестве агентов, реализующих феодальную ренту. По этому поводу А. Иоаннисян указывает, что основная масса джульфинского купечества до конца XVII в. продолжала оставаться связанной с шахскими и ханскими товарами, вывозя и продавая их главным образом в Европе[134].

---

[132] См. *Н. П. Петрушевский,* Народное восстание в Гиляне в 1629 г. «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. III, М., 1951, стр. 226—228.

[133] ЭТАА, стр. 114.

[134] *А. Г. Иоаннисян,* Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. II, Ереван, 1959, стр. 89 (на арм. яз.).

После смерти Аббаса I армянскому купечеству для сохранения своих позиций в иранской торговле предстояло усилить сопротивление иностранному торговому капиталу, стремившемуся монополизировать иранскую торговлю и вытеснить местных конкурентов.

Нахождение у власти недалекого и безличного деспота шаха Сефи предоставило англичанам и голландцам новые возможности для укрепления позиций в Иране за счет национальных интересов страны. В 1629 г., сразу же после смерти Аббаса I, голландская Ост-Индская компания направила в Иран своего представителя Жана Смитта для возобновления и подтверждения фирмана 1623 г. Директору исфаганской торговой фактории этой компании удалось вынудить шаха Сефи возобновить действие упомянутого фирмана, согласно которому голландские купцы получали право свободной торговли в Иране[135]. Более того, он заключил 7 февраля 1631 г. торговый договор с иранским правительством, на основе которого голландцы приобрели монополию на торговлю иранским шелком[136].

Энергично действовали в этом направлении и англичане. Под их давлением в 1629 г. иранское правительство издало фирман, предоставлявший им все привилегии и права, которыми до этого пользовались лишь голландцы. Для британских предпринимателей в Иране это было столь важно, что английский король в марте 1630 г. послал к шаху своего племянника с выражением благодарности[137].

Опередили голландцы англичан и в получении от иранского правительства в 1638 г. монополии на ввоз в Иран пряностей. К 1640 г. они установили почти абсолютное господство в торговле по всему бассейну Персидского залива. Путем снижения цен на свои товары и

---

[135] См. *Dunlop*, указ соч. стр. 74

[136] См. *Valentin (Francois)*, L'histoire appartenat à tous les gouvernements et pays avec beaucoup de gravures et de cartes, Amsterdam, 1729, t. VII. стр. 296—297.

[137] См. *М. Г. Панахиян*, О режиме капитуляций в Иране..., стр. 11.

закупки иранских продуктов, в частности шелка-сырца, по более высоким ценам голландцы захватили в свои руки многие рынки Ирана[138]. В 1642 г. голландская Ост-Индская компания получила от шаха Сефи новый фирман с дополнительными привилегиями[139].

В годы правления Сефи I голландцы прочно утвердились на иранском рынке. Однако, несмотря на столь широкие права и привилегии, ни голландцам, ни англичанам не удалось вытеснить армянский торговый капитал с его ведущего места во внешней торговле Ирана; и несмотря на специальный договор с иранским правительством, голландцам все же не удалось монополизировать торговлю шелком-сырцом.

Согласно заявлению Адама Олеария, посетившего Иран в 1636—1638 гг., в эти годы в Иране собирали ежегодно до 20 тысяч тюков шелка-сырца, из которого в Иране оставалось всего 1000 тюков «на разные потребы», а остальное вывозилось за границу[140]. По данным иранского историка Ахмеда Тадж Бахша, в тот период «голландцы ежегодно вывозили из Ирана до 6 тысяч тюков шелка-сырца, что намного превышало вывоз англичан. Весь оставшийся шелк вывозили армянские купцы»[141]. Следовательно, армянские купцы вывозили шелка-сырца намного больше, чем голландцы и англичане, вместе взятые. Вывоз русскими купцами в это время был незначителен. Посетивший Иран в 40 годах XVII в. французский путешественник Тавернье писал: «Торговля в Персии совершенно разделена, причем торговлю внутри Персии ведут христиане и евреи, а торговля внешняя находится целиком в руках армян, которые являются

---

[138] احمد تاج بخش, указ. соч., стр. 165—167.

[139] См. *М. Г. Панахиян,* О режиме капитуляций в Иране..., стр. 11.

[140] «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633—1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием». Перевел с немецкого П. Барсов, М., 1870, стр. 791.

[141] احمد تاج بخش, указ. соч., стр. 152.

факторами шаха и знати и которые занимаются сбытом шелка»[142]. То же подтверждает и Адам Олеарий[143].

По примеру шаха Аббаса правительство Сефи I продолжало вести в отношении купечества традиционную покровительственную политику. Оно было особенно благосклонно к крупному армянскому купечеству. «Правительство,—отмечает Габриел Чинон,—покровительствовало крупному армянскому купечеству и поощряло его торговлю с целью использовать его опыт и широкие торговые связи для вывоза из страны и сбыта шелка-сырца»[144].

Иранское правительство предоставило крупному армянскому купечеству ряд прав и привилегий. А. Кюрдян приводит фирман шаха Сефи от 1633 г., которым шах велит всем таможенным чиновникам, правителям областей и дорожной охране государства не притеснять армянских купцов, оказывать им всяческое содействие, не препятствовать их передвижению по стране и ни в коем случае не взимать с них пошлин[145]. Новая Джульфа по-прежнему платила пониженные налоги и пользовалась ограниченным налоговым иммунитетом. Согласно Адаму Олеарию, «джульфинцы платили шаху дань по 200 туманов в год, которые должны были вносить бывшие при нас их даруга Хосров Султан и калантар Сефераc-бек»[146].

Свидетельством того, насколько широкими правами и привилегиями пользовались крупные джульфинские купцы в годы правления Сефи I, может служить тот факт, что в составе шахской свиты они зачастую участвовали в различных торжествах, устраивавшихся для иностранных представителей. Адам Олеарий пишет, что посланники немецкого посольства дали в Исфагане «княжеский пир, на который по приглашению прибыли:

---

[142] *J. B. Tavernier*, les six voyages..., t. II, стр. 510.

[143] См. «Подробное описание путешествия Голштинского посольства...», стр. 791.

[144] *Gabriel Chinon*, Relation nouvelle de Levant, Lyon, 1671, стр. 225.

[145] См. *А. Кюрдян*, Материалы..., стр. 22.

[146] «Подробное описание путешествия Голштинского посольства...», стр. 731.

русский посланник, армянский правитель Новой Джульфы с двумя своими братьями, важнейшие лица из английской компании, несколько французов, испанские августинцы и несколько итальянских кармелитских монахов»[147].

На развитие внешней торговли Ирана вообще и торговой деятельности джульфинского купечества в частности благоприятно отразился мир, заключенный в 1639 г. между Сефевидским государством и Османской Турцией. В связи с этим передвижение торговых караванов по турецкой территории стало относительно безопасным. Как свидетельствует Адам Олеарий, «персияне и турки установили между собою договор, чтобы торговые люди их в военное время так же, как и в мирное, беспрепятственно разъезжали и торговали друг с другом, в самой стране и вне ее, и чтобы караваны их безопасно могли ходить везде, ибо это равно необходимо и выгодно как тому, так и другому из этих народов»[148]. Это подтверждает и армянская рукопись того периода[149].

Следует отметить, что караванная торговля между европейскими странами и странами Переднего Востока через владения Турции не прекращалась полностью и во время ирано-турецких войн[150]. Однако в военные времена караваны продвигались по Турции крайне медленно и зачастую подвергались нападениям. Турецкие власти в своих интересах не препятствовали передвижению караванов, но произвольно поднимали и без того высокие таможенные пошлины. Э. Бааш отмечает, например, что в течение всего XVII в. в Алеппо голландцам приходилось бороться с произвольным повышением пошлин, производимым турками[151]. Из переписки голландского правительства со своим консулом в Стамбуле видно, что оно неоднократно давало ему инструкции добиться у

[147] Там же, стр. 718.

[148] Там же, стр. 792.

[149] См. «Мелкие хроники 13—18 вв.» (составил В. А. Акопян), т. II, Ереван, 1956, стр. 565 (на арм. яз.).

[150] См. *G. Berchet*, указ. соч., стр 62.

[151] См. *Э. Бааш*, История экономического развития Голландии в XVI—XVIII вв., М., 1949, стр. 308.

султанского правительства снижения высоких пошлин на шелк-сырец, являющийся «основой основ и душой восточной торговли»[152].

Такое же положение наблюдалось и в других турецких городах. А. Сюрмеян приводит архивные материалы, характеризующие размеры и виды пошлин, взимаемых турецкими властями с иностранных купцов в Триполи. Из этого документа видно, что помимо обычных пошлин иностранные купцы обязывались платить многочисленные налоги и вознаграждения турецким таможенным чиновникам и местным ханам[153].

Особенно большие пошлины турецкие власти взимали с армянских купцов Ирана. По свидетельству голландских путешественников, армяне платили в Смирне за шелк-сырец чрезвычайно высокие таможенные пошлины[154].

Эти притеснения уменьшились в связи с договором 1639 г. Заинтересованное в том, чтобы вся иранская торговля велась через Турцию, султанское правительство приняло меры по обеспечению нормального передвижения торговых караванов через Турцию.

Ирано-европейская торговля через турецкий транзитный путь тем самым получила новый размах. Оживленные торговые связи джульфинские купцы по-прежнему поддерживали с итальянскими городами-республиками и с Голландией. Особенно участились поездки в Венецию. Благодаря этому венецианцы могли успешно конкурировать с торговым капиталом Англии, Голландии, Франции и других европейских стран[155]. Конкуренция европейских держав и соседних итальянских республик заставляла венецианцев продолжать традиционную политику поощрения торговли восточных купцов. Это стало жизненно важным вопросом для Венеции особенно во второй половине XVII в., когда при активном участии

[152] *А. Сюрмеян,* История армян Алеппо, т. III, стр. 311—312.

[153] См. там же, стр. 304—307.

[154] См. *Г. О. Галустян,* Смирна и армянская колония Смирны, стр. 280.

[155] См. *Э. Шахмалиев,* Об англо-испанских противоречиях..., стр. 55—56.

французских дипломатов Турция не только порвала отношения с Венецией, но и лишила ее торговых привилегий[156].

Как и раньше, Венецианская республика особенно большие права и привилегии предоставляла армянским купцам. Так, в протоколе заседания сената от 24 апреля 1640 г. говорится: «Покровительство этой нации весьма полезно нам, так как армянские купцы занимаются большой торговлей и ввозят в Венецию самые разнообразные восточные товары, среди которых самым ценным является шелк-сырец»[157]. В другом документе, датированном 1651 г., венецианские власти заявляли: «В настоящее время стоит лишь поощрять торговлю армян, предоставляя им самые широкие привилегии»[158]. Протекционистская политика венецианских властей в отношении армянских купцов продолжалась и в дальнейшем[159].

После 30-х годов, вплоть до конца XVII в., джульфинские купцы продолжали вести интенсивную торговлю также и с другими итальянскими республиками, в частности с Генуей и Ливорно. Соперничая друг с другом, каждая из республик старалась привлечь восточных купцов и тем самым выйти на первое место в левантийской торговле. Особенно острая борьба шла между Ливорно и Венецией. Она была вызвана тем, что Ливорно, как и Венеция, занималось широкой посреднической торговлей между Востоком и Западом. Ливорно полностью отменило ввозные таможенные пошлины на все восточные, в частности и иранские, товары[160]. Такую же политику в отношении армянских купцов проводила и Генуя. Епархиальный начальник Новой Джульфы архиепископ Степанос в своем послании от 1688 г. писал: «Благословляю Венецию, Ливорно и Геную за их христианолюбие и столь большую благосклонность к джульфинским купцам»[161].

[156] См. *Н. А. Смирнов*, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, «Уч. зап.», вып. 94, М., 1946, стр. 64.

[157] *Месроп Угурлян*, указ. соч., стр. 215.

[158] *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 447.

[159] См. там же, стр. 67.

[160] Матенадаран, рукоп. № 8443, л. 163б.

[161] *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 450.

После 30-х годов XVII в. торговля джульфинских купцов с Францией резко сократилась, а с Голландией, наоборот, увеличилась. Это было вызвано многими причинами. Получив от французского правительства патент (1629) на свободную торговлю с Марселем, джульфинские купцы развернули большую торговлю. Марсельские власти взимали с них сравнительно невысокие таможенные пошлины—за каждый тюк шелка-сырца 16 франков. Но такое положение длилось недолго. В 1634 г. по требованию французских купцов марсельские власти повысили ввозные таможенные пошлины до 112 франков. По этой причине джульфинские купцы резко сократили доставку шелка в Марсель и начали вывозить его в Голландию и отчасти в Англию[162]. Однако торговля с Марселем полностью не прекратилась. Поэтому в 1650 г. на армянских купцов было наложено очередное ограничение. Марсельские власти установили для них дополнительную 5%-ную пошлину, чтобы «вынудить их больше не приезжать в Марсель»[163]. В результате этого торговля с Марселем сошла почти на нет. Так, по данным архивов Марселя, если до этого армяне на одном судне привозили в Марсель в среднем 1000—1200 тюков шелка-сырца, то в 1658 г. весь привоз шелка не превышал даже 100 тюков[164].

Мероприятия французских властей были направлены не только против армянских купцов, но и против голландцев—основных соперников французов в восточной торговле. Франко-голландская конкуренция и соперничество в левантийской торговле с 30-х годов XVII в. принимала все более острый характер. В ближневосточных торговых центрах голландцы активно наступали на позиции французов. В середине XVII в. им даже удалось

[162] См. *Fr. Macler*, Notes de manuscrites armeniens, REA, Paris, 1922, t. II, стр. 40.

[163] *Ch.-D., Tékélian*, Marseille, la Provence et les Arméniens, Marseille, 1929, стр. 17—18; ср.: *H. Samuélian*, Les Arméniens, en France depuis les origines, jusqu'à nos jours, Le Foyer, III-e année, № 35, Paris, 1er Avril, 1930.

[164] См. *Fr. Macler*, Notes de manuscrites armeniens, REA, t. II, стр. 40.

вытеснить французов с господствующих позиций в Смирне[165]. В свою очередь и французы предпринимали ответные меры против голландцев. Одной из таких мер было закрытие Марселя для армянских купцов. Этим голландцы фактически лишились возможности закупать в Марселе шелк-сырец и другие восточные товары для ввоза в Голландию. Отныне голландские купцы были вынуждены закупать шелк в турецких городах[166] и в других европейских торговых центрах в основном у армянских купцов[167].

Расширению торговли джульфинских купцов с Голландией со второй половины XVII в. способствовало и другое обстоятельство. В середине XVII в. между Голландией и Англией усилилась борьба за торговое и колониальное преобладание на Востоке. Характеризуя Голландию этого периода, К. Маркс писал: «Голландия, где колониальная система впервые получила полное развитие, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества»[168]. Англия также боролась за свое преобладание. Английский парламент в 1651 г. принял «навигационный акт», призванный обеспечить монопольное положение английского торгового капитала в заморской торговле. Англо-голландское соперничество за господство в бассейне Индийского океана, в Персидском заливе и других зонах и отказ англичан отменить навигационный акт привели в конечном итоге к трем военным конфликтам, начавшимся в 1652 г. Естественно, в условиях войны, притом неудачной для голландцев, вывоз иранских товаров, в том числе и шелка-сырца, через Персидский залив и океанский путь для них осложнился. Поэтому голландцы были вынуждены всячески поощрять торговлю армянских купцов Ирана с Голландией. Свидетельством крупной торговли армянского купечества Ирана с Голландией может служить тот факт, что во многих городах Голландии в эти годы существовали

---

[165] См. *Wätjen*, указ. соч., стр. 162.

[166] См. *Сарухан*, Голландия и армяне, «Андес амсореа», 1926, № 11—12, стр. 40.

[167] См. *Chardin, Jean de*, указ. соч., I, стр. 12.

[168] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1950, стр. 757.

армянские торговые дома. По материалам, опубликованным Фр. Маклером, в одном Амстердаме «в 1660 г. насчитывалось 60 армянских торговых домов. Весьма значительная часть их была из Ирана»[169]. Для облегчения торговли с Голландией джульфинские купцы приобрели в Амстердаме даже собственные корабли, которые курсировали под голландским флагом. Об этом свидетельствует голландский консул в Ливорно Ван дер Стратен[170].

Ослабление своих позиций на океанских путях голландцы стремились компенсировать усилением позиций на Ближнем Востоке. Это, в свою очередь, привело к ослаблению французского влияния. В то время как английские и голландские товары облагались турецкими властями 3%-ной пошлиной, с французских товаров взималась 5%-ная пошлина[171]. Успехи голландцев в левантийской торговле через средиземноморский бассейн серьезно беспокоили французов, тем более, что в результате репрессивной политики в отношении восточных конкурентов французских купцов и закрытия Марселя для армянских купцов восточная торговля Франции за короткое время понесла значительный ущерб. Поэтому правительство Людовика XIV (1643—1715) приступило к энергичным мерам по укреплению позиций Франции.

В соответствии с новой политической линией французского правительства еще кардинал Мазарини пытался отменить запретительные меры в отношении восточных купцов. Особенно энергично он старался привлечь армянских купцов на сторону Франции и поощрял их торговлю с Марселем[172].

Его преемник, один из выдающихся политических деятелей Франции XVII в., Кольбер, будучи генеральным контролером финансов, всемерно оберегал интересы торговли. Французское дворянство в этот период

---

[169] *Fr. Macler*, Quatre conférences sur l'Arménie et les Arméniens Faites en Hollande, Paris, 1932, стр. 251.

[170] См. *Сарухан*, указ. соч., стр. 577—579.

[171] См. *Paul Masson*, Histoire commerce français dans le Levant au XVII siecle, Paris, 1896, стр. 152.

[172] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 457.

рассматривало промышленность и торговлю как дополнительный источник поступлений в государственную казну[173]. По инициативе Кольбера правительство всячески стремилось привлечь свою страну к участию в мировой торговле, развивая французскую промышленность и борясь за рынки сбыта[174]. Кольбер оградил французскую обрабатывающую промышленность от иностранной конкуренции. Особенно важное значение имел составленный им в 1667 г. тариф—список протекционистских пошлин на ввозное сырье.

Кольбер обращал особое внимание также на производство и вывоз предметов роскоши. Благодаря поддержке правительства мощность шелковой промышленности в Лионе достигла 13 тысяч станков[175]. Большое развитие получили также шелковые мануфактуры города Тур[176].

Естественно, что быстрое развитие французской промышленности, в частности шелковых мануфактур, требовало огромного количества привозного сырья. Поэтому Кольбер придавал весьма большое значение восточной торговле Франции. Для успешной конкуренции с основными соперниками Франции в левантийской торговле—с голландцами и англичанами Кольбер приступил к организации французских торговых компаний. Еще в 1642 г. кардинал Ришелье по примеру англичан и голландцев организовал «Французскую компанию Восточной Индии», однако после его смерти эта компания прекратила существование[177]. В 1664 г. Кольбер восстановил ее[178], переименовав во «Французскую Ост-Индскую компа-

[173] См. *А. Е. Рогинская,* Очерки по истории Франции XVII—XIX вв., М., 1958, стр. 36.

[174] См. *Н. Н. Розенталь,* История Европы в эпоху торгового капитализма, Л., 1927, стр. 125.

[175] См. Р. Ю. Виппер, Четыре века европейской истории, М., 1924, стр. 81—82.

[176] См. *Амбросиос Галфаян,* Краткая история новых наций, Венеция, 1851, стр. 370 (на арм. яз.).

[177] См. *Ch. Périgot,* Histoire du commerce Français, Paris, G. Delarue, стр. 207—208 (год издания отсутствует).

[178] Там же, стр. 227.

нию», а в 1669 г. организовал еще и «Левантийскую компанию»[179].

В связи с политикой поощрения левантийской торговли французское правительство начало уделять большое внимание восточным морским воротам Франции— Марселю, который по-прежнему оставался закрытым городом для иностранных конкурентов. Кольбер в 1669 г. восстановил за Марселем прежние права вольного города, объявив его «порто-франко»[180]. В эдикте Людовика XIV и Кольбера говорилось: «Мы решили освободить от каких бы то ни было обложений вообще все суда и товары, прибывающие в город Марсель и убывающие из вышеуказанного города Марселя. По этим причинам объявляем порт и гавань нашего города Марселя вольным и доступным для всех купцов и для всех видов товаров»[181]. Французское правительство рассчитывало сделать Марсель главным портом Средиземного моря и сосредоточить в нем всю торговлю с Ближним Востоком. Весьма характерно в этом отношении высказывание Кольбера о значении Марселя: «Это город, которым надлежит пользоваться для того, чтобы постоянно воевать с торговлей других городов и с торговлей англичан и голландцев, захвативших во вред ему всю торговлю с Левантом»[182].

В дальнейшем в эдикт было внесено существенное изменение, установившее 20%-ную пошлину на товары, привозимые в Марсель и другие французские порты с Востока на иностранных судах. Этим актом Кольбер хотел способствовать развитию французского флота.

Вслед за Марселем Кольбер объявил вольным городом также другие французские портовые города, в том числе Тулон и Сет. В связи с расширением внешней торговли, в частности торговли с Левантом, значительно

[179] *N. Rocca*, La France en Orient depuis les rois francs jusqu'à nos jours, стр. 103.

[180] См. *Ch. Périgot*, указ. соч., стр. 207—208.

[181] „Recueil des réglements généraux et particulières concernant les manufactures et fabriques du Rogaume", t. I, Paris, 1730, стр. 183—189.

[182] *P. Clement*, Histoire de la vie et de l'administration de Colbert, Paris, 1846, стр. 352.

развились также французские порты Дюнкерк, Бордо, Ларошель, Нант и др.[183]

Важной мерой в развитии восточной торговли Франции была реорганизация Кольбером в 1665 г. французских торговых консульств на Ближнем Востоке[184].

Французское правительство разрабатывало планы активной политики не только в отношении Турции, но и в отношении Ирана. В 1665 г. по инициативе Кольбера и по предложению французской Ост-Индской компании Людовик XIV направил в Иран миссию для получения торговых и политических привилегий[185]. Миссия добилась от шаха Аббаса II фирмана, на основании которого французские подданные получали право свободного передвижения, поселения и торговли в Иране, а товары французских предпринимателей освобождались от обложения таможенными пошлинами и сборами. Французы получили также право на открытие факторий в Исфагане и Бендер Аббасе[186].

Однако этот фирман фактически вскоре утратил силу, и французы не сумели обосноваться на иранском рынке. Не располагая мощным торговым флотом, Франция не была в состоянии успешно конкурировать с англичанами и голландцами на океанских путях. Для Франции регулярные торговые связи морским путем с Ираном в то время были почти невозможными. Это вынудило французское правительство пользоваться для развития своей левантийской торговли, в частности торговли с Ираном, исключительно средиземноморским путем через Ближний Восток. Согласно французским источникам, правительство Франции считало это осуществимым, если армянские купцы окажут им помощь и поддержку[187].

[183] См. *Амбросиос Галфоян*, указ. соч., стр. 370.

[184] См. *P. Masson*, указ соч., стр. 153.

[185] См. *Bonnasieux*, Les grandes Compagnies de commerce, Paris, 1892, стр. 265.

[186] См. *Percy Sykes*, A history of Persia, v. II, London, 1951, стр. 195.

[187] См. *Poullet*, Nouvelles relations du Levant, Paris, 1668, стр. 434—436; см. также *Raphael du Mans*, Estat de la Perse, Appendice, XLV.

По этим соображениям Кольбер начал поощрять торговлю армянских купцов с Францией, стараясь привлечь армянское купечество Ирана. Одновременно он считал, что армянские купцы могут вывозить из Франции шелковые, шерстяные, льняные ткани, сукно и т. д.

Делая ставку на армянское купечество, Кольбер предоставил ему ряд привилегий, которыми не пользовалась «ни одна из других восточных наций»[188]. Так, например, товары армянских купцов при ввозе во Францию освобождались от таможенных пошлин. Кольбер начал поощрять посещение армянскими купцами Марселя. Важным шагом в этом направлении было покровительство армянскому книгопечатанию в Марселе. Согласно Маклеру, Кольбер при этом преследовал двойную цель: во-первых, Марсель получил бы значительные доходы от книготорговли (армянские книги находили хороший сбыт на Востоке) и, во-вторых, это способствовало бы привлечению в Марсель армянских купцов, которых можно было бы использовать для восточной торговли Франции[189].

Несмотря на строгое соблюдение Кольбером принципов меркантилизма, протекционизма и политики активного торгового баланса, в торговых взаимоотношениях с армянскими купцами Франция в основном не придерживалась их. Стоимость привозимого армянскими купцами шелка-сырца французы оплачивали преимущественно валютой, тогда как англичане и голландцы обменивали его на свои промышленные изделия. По этой причине армянские купцы предпочитали шелк-сырец, а также другие иранские товары продавать главным образом французам[190].

В результате поощрительной политики французского правительства торговые связи армянских купцов с Францией начали быстро развиваться. Армянские купцы почти во всех южных портах Франции открыли торговые дома[191].

В 1671 г. французской Ост-Индской компании с по-

---

[188] *Poullet*, указ. соч., стр. 436.

[189] См. *Fr. Macler*, Mosaiques orientales, Paris, 1907, стр. 62.

[190] См. *А. Алпояджян*, указ. соч., стр. 175.

[191] См. там же, стр. 200.

мощью Людовика XIV удалось получить новый фирман шаха, согласно которому французским подданным в Иране предоставлялись почти те же привилегии, которыми обладали предприниматели Англии и Голландии[192]. Однако даже после установления торговых связей Франция не могла развернуть широкую торговлю с Ираном. Расширению торговых связей Франции со странами Востока, в том числе и с Ираном, помимо соперничества англичан и других держав, препятствовали политические события во Франции и ее положение в Европе. В частности, отрицательно сказалась на ее торговле с Левантом франко-голландская война (1672—1679). Франция, обессиленная войнами в Европе, до конца века уделяла мало внимания азиатским делам и в вопросах внешней торговли не проявляла активности.

Поэтому во второй половине XVII в. ирано-французская торговля по-прежнему осуществлялась главным образом через армянское купечество.

Помимо шелка-сырца джульфинские купцы вывозили в Европу и другие разнообразные товары иранского производства, главным образом ремесленные изделия. М. Х. Гейдаров отмечает, что в Иране «в XVII в. получают значительное развитие карханэ. Это объясняется необходимостью увеличения производства товаров на внешний (преимущественно), а также на внутренний рынки»[193].

Среди ремесел ведущее место занимало текстильное производство. Согласно А. Олеарию, «около города Исфагана насчитывается 1460 местечек и селений, в которых находятся всякого рода ткачи. Большинство ремесленников составляют ткачи и красильщики, или рисовальщики цветов, которые занимаются обработкой хлопчатой бумаги и шелка, обращая их довольно искусно в разные ткани и в золотую парчу»[194].

---

[192] См. *М. Г. Панахиян*, О режиме капитуляций в Иране..., стр. 13.

[193] *М. Х. Гейдаров*, Об организации и развитии крупных ремесленных мастерских в городах Сефевидского Ирана XVII в. (в кн.: «О генезисе капитализма в странах Востока XV—XIX вв». М., 1962, стр. 327.

[194] «Подробное описание путешествия Голштинского посольства...», стр. 790.

Из источников видно, что основными статьями вывоза джульфинских купцов в европейские страны были, кроме шелка-сырца, шелковые и шерстяные ткани, парча, бархат, овечья и верблюжья шерсть, чернильный орешек, ревень, персидская камедь, ковры, кожи (в частности, шагреневая), свечи, опиум, фисташки, сафьян, синька, меха, хлопок, воск, жемчуг, кораллы, разные пряности, лазуревый камень, кошениль, мускус и т. д.[195]

Из Ирана и Индии джульфинские купцы вывозили в Европу также большое количество драгоценных камней, которые после шелка-сырца были одним из главных предметов их торговли. Камни находили широкий сбыт, в то же время их перевозка была намного легче, а прибыль большая.

О большом значении торговли драгоценными камнями для армянских купцов свидетельствует то, что в XVI—XVII вв. составлялись специальные рукописные учебники по драгоценным камням[196]. Из архивных материалов новоджульфинского монастыря А. Тер-Ованян приводит рукописи, свидетельствующие о большой торговле джульфинских купцов драгоценными камнями в европейских странах[197]. Подобные же сведения мы находим и в приведенной рукописи[198].

Джульфинские купцы, как уже отмечалось, играли важную роль и в импорте европейских товаров в Иран. Основными статьями ввоза в Иран были следующие товары: материи, тканные золотом и серебром, бархат, шерстяные и шелковые ткани, камка, позументы, сургуч, ртуть, купорос, киноварь, сундуки из орехового дерева, игральные карты, оружие, иглы, железные изделия, разные украшения, стекло, зеркала, полотно, кружева, кожаные изделия, часы, мыло, табачные изделия и

---

[195] Матенадаран, рукоп. № 8443, л. 86—91; ср. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 445—446.

[196] См. *Аракел Даврижеци*, указ. соч., стр. 586 и далее; *К. Патканов*, Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в., СПб., 1873.

[197] См. *А. Тер-Ованян*, указ. соч., стр. 168—169, т. I.

[198] Матенадаран, рукоп. № 8443, лл. 164 а, б.

т. д.[199] Однако основным предметом ввоза джульфинских купцов из Европы в Иран было сукно, в частности голландское. Как отмечают голландские историки, в XVII в. армянские купцы были лучшими покупателями голландских промышленных товаров, в частности сукна и шерстяных тканей[200]. По свидетельству Шардена, в Исфагане и в других городах Ирана у джульфинских купцов были многочисленные магазины, где продавались привезенные из Европы товары[201].

В источниках можно найти данные о системе организации джульфинским купечеством сбыта ввезенных в Иран товаров. В беседе с европейским купцом джульфинский купец Сафар сообщал, что у местных армян имеются три вида купцов: мелкие торговцы-лавочники, которые не выезжают, а торгуют на месте мануфактурой и другими товарами всех стран; оптовики, которые поставляют товары магазинам; крупные коммерсанты, которые путешествуют по Индии, Аравии, Африке, стране Урумов (Турции), Европе и другим странам, доставляют туда товары[202].

Сосредоточив в своих руках огромное состояние[203], представители крупного армянского торгового капитала участвовали вместе с иранскими феодалами и ханами в закабалении сельского и городского населения. Их торговая деятельность отвечала интересам господствующего класса страны и содействовала еще большему укреплению его экономических и политических позиций.

* * *

Следствием трех англо-голландских войн (1652—1674) было ослабление военной мощи Голландии, огра-

[199] См. *Г. Алишан,* Армяно-венецианские отношения, стр. 430; ср. *его же,* Сисакан, стр. 447.

[200] См. *Сарухан,* указ. соч., «Андес амсореа», 1926, № 11—12, стр. 577.

[201] См. *Chardin*, указ. соч., t. VII, стр. 367; *J. B. Tavernier*, указ. соч., t. II, стр. 47.

[202] См. *С. В. Тер-Аветисян,* Город Джуга, стр. 37.

[203] См. *J. B. Tavernier*, указ. соч., t. I, стр. 418—419

ничение сферы ее колониальной экспансии. Эти войны ускорили падение торгового могущества Голландии[204]. Обязанная своим расцветом внешней торговле, Голландия в результате англо-голландских войн уступила торговое, колониальное и морское господство более передовой в промышленном отношении Англии. Указывая на причины падения мощи Голландии, К. Маркс отмечал: «...И торговое господство теперь связано уже с большим или меньшим преобладанием условий существования крупной промышленности. Стоит сравнить, например, Англию и Голландию. История падения Голландии как господствующей торговой нации есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу»[205].

Попытки голландской Ост-Индской компании в 80-х годах XVII в. восстановить утраченные привилегии в Иране не дали желаемых результатов[206].

Англия усиленно пыталась монополизировать восточную торговлю и с этой целью стремилась перенести всю восточную торговлю на контролируемые ею океанские пути. Эти планы в первую очередь были направлены против голландцев и французов.

Важнейшей задачей англичан была также монополизация иранской внешней торговли или по крайней мере установление английского контроля над иранским рынком, особенно над экспортом шелка-сырца. Ввиду того, что позиции англичан в Турции были слабы, они стремились переключить вывоз этого товара на Персидский залив.

Однако выполнение этого плана зависело от того, удастся ли англичанам привлечь армянское купечество Ирана на свою сторону. Англичане понимали, что приостановка армянскими купцами вывоза шелка-сырца и других иранских товаров в Турцию нанесет левантийской торговле европейских конкурентов Англии огромный ущерб. Кроме того, после англо-голландских войн голландцы сократили вывоз шелка-сырца из Ирана, и ар-

[204] См. «Всемирная история», т. 5, М., 1958, стр. 97—98.

[205] *К. Маркс*, Капитал, т. 3, 1949, стр. 345.

[206] См. *Sanson*, Voyage ou Relation de l'état present du royaume de Perse, Paris, 1694 et 1695, стр. 158—160.

мянский торговый капитал достиг в нем почти монопольного положения.

С половины XVII в. вся шахская торговля шелком-сырцом вновь перешла в руки армянских купцов. В эти годы по примеру Запада джульфинские купцы объединили свои капиталы в мощные торговые компании, что расширило возможности проведения торговых операций более крупного масштаба и делало их более конкурентоспособными. Компании джульфинских купцов имели постоянных торговых представителей в странах Европы, Азии и Африки. Они были настолько сильными и влиятельными, что непосредственно сносились с иностранными государствами и европейскими компаниями, заключая с ними торговые договоры и соглашения.

Англичанам было трудно сразу же распространить свое влияние на все джульфинское купечество. Поэтому они попытались сначала привлечь на свою сторону часть купечества, связанного торговлей с индийским рынком.

Джульфинские купцы с XVI в. поддерживали торговые связи с Индией. Еще староджульфинские купцы, получив от могольских шахов и правителей отдельных областей Индии многочисленные привилегии[207], вели торговлю по всей стране[208]. В наиболее крупных пунктах Индии—Кашмире, Лахоре, Дели, Агре, Сейдабаде, Мадрасе и других городах—образовались армянские колонии[209] главным образом из староджульфинцев. До проникновения английских колонизаторов в Индию часть индийской внутренней и внешней торговли находилась в руках армянских купцов Индии и Ирана[210]. Особенно широкими стали деловые отношения армянских купцов Индии с армянами Ирана после возникновения Новой Джульфы.

---

[207] См. *Товмас Ходжамалян*, История Индии, ч. II, Калькутта, 1849, стр. 34 (на арм. яз.).

[208] «Азгасер», т. I, № 16, Калькутта, 1845, стр. 125 (на арм. яз.).

[209] Об этом см. *M. Seth*, Armenians in India, Calcutta, 1937.

[210] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 432; ср. *С. В. Тер-Аветисян*, Материалы по истории армянской колонии Индии, «Научн. тр. Ереванского гос. ун-та», т. XIII, Ереван, 1949, стр. 5, а также «Новую историю Индии», М., 1961, стр. 44.

Часть джульфинских купцов специализировалась на индийской торговле. Через Индию велась обширная торговля также с Филиппинами, Индонезией[211], Бирмой[212], Китаем[213], Сиамом, Тибетом, Афганистаном[214] и т. д. Джульфинские купцы во многих городах Индии имели свои конторы. Во второй половине XVII в. между Бендер-Аббасом в Персидском заливе и индийскими портами регулярно курсировали торговые суда джульфинцев[215]. В учебнике «Торговой школы» Констанда Джугаеци приведены названия городов Индии, где проживали или торговали джульфинские купцы[216]. Один лишь перечень этих городов показывает их обширные торговые связи с Индией. Из Индии джульфинцы вывозили в Иран и европейские страны разнообразные товары местного производства—хлопчатобумажные и шерстяные ткани, драгоценные камни, пряности и т. д. Особенно много они вывозили в Европу растительных красок, имевших большой спрос благодаря широкому развитию текстильной мануфактуры. В Индии джульфинские купцы организовали даже производство тканей для вывоза в восточные и европейские страны. Аббас Рейналь в связи с этим писал следующее: «Армяне (речь идет о джульфинцах.—**В. Б.**) приезжали в Индию и, покупая хлопок, отдавали его прядильщикам. Ткани производились под их наблюдением. Готовые ткани направляли через Бендер-Аббас в Исфаган, откуда их вывозили во все провинции страны, в Османскую империю и в Ев-

---

[211] См. *А. Ордананян*, История армянской колонии Нидерландской Восточной Индии с начала до наших дней, Иерусалим, 1947, стр. 11—13 (на арм. яз.).

[212] См. *А. Аллоянджян*, указ соч., стр. 29.

[213] См. *Кречетова*, Несколько китайских фарфоровых предметов с армянскими монограммами, «Тр. отд. Востока», т. 3, Л., 1940.

[214] См. *Т. Гушакян*, Индийские армяне, Иерусалим, 1941, стр. 233 (на арм. яз.).

[215] См, *M. Seth*, указ. соч., стр. 290, 293.

[216] Матенадаран, рукоп. № 5994, лл. 112—126б.

ропу, где их называли «персидскими», хотя они были произведены на Коромандельском побережье»[217].

Естественно, что, начиная торговую деятельность в Индии, английская Ост-Индская компания вынуждена была считаться с местными купцами, в том числе и с армянами, тем более, что в первой половине XVII в. она была далека от монопольного положения на Востоке[218], в частности в Индии, и должна была бороться как с местными, так и европейскими купцами, среди которых самыми серьезными конкурентами были армянские купцы[219]. Не зная местных языков, обычаев, привычек и других особенностей страны, англичане на первых порах вели торговлю через местных посредников, авансируя их коммерческие операции[220].

Большие трудности представляли для англичан также методы торговли в Индии, столь отличные от европейских. Компания рекомендовала своим служащим изучать персидский и армянский языки для ознакомления с методами торговли армян[221]. Через джульфинских купцов, торговавших в Индии, англичане старались собирать сведения о внутренней и внешней торговле Ирана. Так, в 1616 г. один из руководителей компании Томас Рой поручает своим служащим собрать через армянских купцов Новой Джульфы полезные сведения о торговле Ирана, о районах производства шелка-сырца, о портах, куда могут входить английские суда и т. д.[222]

---

[217] *Abbe Raynal*, Philosopical and political history of the settlements and trade of the europeans in the Eest and West Indies, London, 1777, стр 28; см. также *Шерер*, История торговли англичан. Перевод М. Агабекяна, Стамбул, 1882, стр. 36—37 (на арм. яз).

[218] «Английская буржуазная революция XVII в.», т. I, М., изд. АН СССР, 1954, стр. 477.

[219] См. *Лео*, Армянское книгопечатание, т. II, Тифлис, 1901, стр. 451 (на арм. яз.)

[220] См. *J. A. Taylor*, A descriptive and historical account of the cotton manufacture of Dacca in Bengal, London, 1851, стр. 124—125, 128—129.

[221] См. *M. Seth*, указ. соч., стр. 288.

[222] См. 198 ص указ. соч., احمد تاج بخش،

6—516

Прочные позиции армянских купцов в Индии мешали проникновению англичан в эту страну. Попытки последних ограничить деятельность армян долгое время не приносили результатов. Неудачей закончилась и попытка англичан заставить местных правителей ограничить права и привилегии армянских купцов. Англичане прибегали и к насильственным мерам. Так, например, во время Голкондской войны Ост-Индской компании против Сиама в 1685 г. англичане захватили в Мадаполаме судно «Новый Иерусалим», принадлежавшее джульфинскому купцу Овану Маргаряну*, с грузом драгоценных камней на 500 тысяч фунтов стерлингов[223].

Будучи не в состоянии бороться с конкуренцией армянских купцов, Ост-Индская компания перешла к тактике привлечения их на свою сторону. Наиболее крупные объединения армянских купцов, в частности джульфинцев, долгое время успешно сопротивлялись этому плану англичан, однако с укреплением позиций английских колонизаторов в Индии армянское купечество было вынуждено пойти на компромисс.

22 июня 1688 г. в Сурате Ост-Индская компания и торговое объединение новоджульфинских купцов заключили договор[224]. Со стороны англичан договор подписали президенты компании Бенджамин Батрст и Джошуа Чайльд и представители высшей администрации компании, а от джульфинских купцов—их представитель ходжа Панос Калантар.

В тот же день Ост-Индская компания предоставила ходже Паносу Калантару монополию на торговлю драгоценными камнями. В грамоте говорилось: «Так как этот великий армянский купец, житель персидского города Исфагана, заключил договор с упомянутой компа-

* Согласно А. Тер-Ованяну, Ован Маргарян был одним из самых богатых и влиятельных новоджульфинских купцов, который вел торговлю с Индией и соседними странами, а также с европейскими странами (см. *А. Тер-Ованян,* указ. соч., т. I, стр. 173).

[223] См. *M. Collis*, Siamese white, London, 1952, стр. 1[illegible]2.

[224] Текст договора опубликован на древнеармянском языке—грабаре в журн. «Азгасер», т. 2, № 37, 38, Калькутта, 1846, а также *M. Seth*, указ. соч., стр. 233—239.

нией (то есть Ост-Индской.—В. Б.), обязавшись от своего имени и от имени своих соотечественников вести торговлю на английских судах, поэтому президент и компания по просьбе ходжа Паноса Калантара, в знак благодарности за его услуги по заключению упомянутого договора, предоставляет ему и его потомкам монополию на торговлю драгоценными камнями, за что он должен платить 10% таможенной пошлины и обычную плату за перевозку товара на судах компании. Компания заявляет, что отныне она не будет заниматься куплей и продажей упомянутого товара и не разрешит другим заниматься этим же, будь они англичане или другие иностранцы»[225].

Согласно договору, армянские купцы получили хартию от Ост-Индской компании с предоставлением им прав подданных Англии и всех привилегий европейских купцов[226].

В договоре были указаны виды товаров, которыми могли торговать джульфинские купцы. Среди них: серебро, драгоценные камни, краски, ртуть, оружие, обработанное и необработанное железо, бумага, книги, кофе, зеркала, фарфор и хрусталь, разнообразные нюрнбергские изделия, меха, посуда венецианского производства, шерстяные ткани, олово, напитки, разнообразные товары китайского и бенгальского производства, мускус, разные сорта иранского шелка-сырца, кирманская шерсть и т. д.[227]

Детально были определены и размеры таможенных пошлин на эти товары и фрахтовые ставки за перевозку их на судах Ост-Индской компании. Максимальный размер таможенной пошлины устанавливался в 10%.

Самым важным для англичан был последний пункт договора: «...Раньше армяне основную часть индийских товаров вывозили сухопутным транзитным путем из Ирана и Аравии в Турцию. Отныне они дают согласие все

---

[225] «Азгасер», т. 2, № 38, апрель, 1846, стр. 140.

[226] См. *H. B. Morse*, The chronicles of the East India company trading to China, Oxford, 1926, v. 1, стр. 174.

[227] См. «Азгасер», т. 2, № 37, 1846, стр. 132—133.

свои товары вывозить английским путем (то есть морским путем вокруг Африки.—В. Б.)»[228].

Это проливает свет на истинные цели англичан, которые преследовались при заключении договора. Расчет их строился не только на получении прибылей, но и на том, чтобы нанести удар по своим западным, в первую очередь французским и голландским, конкурентам. Этим договором англичане, в частности, стремились расширить сбыт своих промышленных изделий, главным образом сукна, в Иране.

Однако им не удалось направить всю торговлю джульфинских купцов по океанскому пути. Доказательством может служить тот факт, что после заключения договора 1688 г. вывоз джульфинскими купцами иранского шелка-сырца производился в основном через Турцию.

Основной причиной провала англичан следует считать то обстоятельство, что договор был заключен не со всем купечеством Новой Джульфы. Купцам, связанным с англичанами, не удалось оторвать основную массу джульфинских купцов от традиционных проторенных торговых путей.

Договор 1688 г. все же дал Ост-Индской компании некоторые преимущества, поэтому и после 90-х годов XVII в. англичане продолжали политику привлечения джульфинских купцов на свою сторону. Так, в 1691 г. лондонский центр Ост-Индской компании предложил своим управляющим в Индии «привлечь армян, опытных купцов, которые так много содействовали развитию торговли в Индии, Иране и во всей Азии, предоставить им особый квартал в Мадрасе, где бы они могли жить по-своему и построить церковь. Это предместье можно было бы назвать Джульфой, по примеру шаха Аббаса, который переселил их в Исфаган. Эти армяне—народ богатый и самые опытные купцы на земном шаре»[229].

Привлекая армян на свою сторону, англичане рассчитывали использовать их также для своих колониза-

[228] Там же, а также см. *M. Seth*, указ. соч., стр. 234.

[229] *Bruce*, Annales of the East India Company, v. II, London, 1810, стр. 617.

торских целей. Как известно, в 1661 г. специальная хартия английского правительства дала Ост-Индской компании право набирать войско[230], которое компания старалась комплектовать в основном из пришлых элементов, чтобы в случае восстаний иметь гарантию в верности своих войск. В 1692 г. директоры Ост-Индской компании обратились с просьбой к ходже Паносу Калантару организовать вербовку проживавших в Индии и Иране новоджульфинских армян в английскую армию, обещая завербованным высокое жалованье и права английских подданных[231]. Предложение англичан, однако, не нашло отклика среди джульфинцев.

Отношение английской Ост-Индской компании к армянским купцам, как и следовало ожидать, резко изменилось с середины XVIII в., так как, окончательно укрепившись в Индии, англичане больше не нуждались в «союзниках»-армянах[232].

Заключением договора 1688 г. англичане преследовали временные, тактические цели. Этот договор является отражением одного из этапов борьбы английских колонизаторов за колониальное преобладание в Индии и в Иране.

---

[230] См. *К. Н. Татаринова*, Очерки по истории Англии, М., 1958, стр. 205.

[231] См. *M. Seth*, указ. соч., стр. 31, 51—53.

[232] См. *Р. А. Абрамян*, Армянские источники XVIII в. по Индии и армяно-индийским взаимоотношениям (автореферат), М., 1963, стр. 17—18.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НОВОДЖУЛЬФИНСКИЕ КУПЦЫ И РУССКИЙ ТРАНЗИТНЫЙ ПУТЬ ИЗ ИРАНА В ЕВРОПУ

Со второй половины XVI в. сложились благоприятные условия также и для ирано-русских торговых и политических взаимоотношений. В результате завоевания Иваном IV Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств Русское государство получило артерию для восточной торговли—Волгу, вышло к Каспийскому морю и установило непосредственный контакт с Ираном и ханствами Средней Азии[1]. Это создало возможность для более широких сношений Ирана с европейскими государствами по Волжско-Каспийскому пути.

С упрочением в Астрахани русских усилился торговый обмен между Московским государством и различными иранскими городами[2]. Известно, в частности, что шемахинский и ширванский владетели в 1554 г. отправили послов в Москву с просьбой восстановить древнюю торговлю армян[3].

Турция была серьезно обеспокоена сближением Москвы с Сефевидским государством, которое могло привести к их объединению против Порты, тем более, что оно основывалось на обоюдных интересах. В случае установления непосредственных торговых связей между Ираном и Россией турецкий транзитный путь мог быть вытеснен Волжско-Каспийским путем.

---

[1] См. «Хождение купца Федота Котова в Персию», предисловие Н. Кузнецовой. М., 1958, стр. 5.

[2] См. *А. Я. Шпаковский,* Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв., Киев, 1915, стр. 11.

[3] См. «Историческое описание древнего Российского музея», 1807, стр. 24.

Османская империя приняла меры, чтобы ликвидировать эту угрозу. В 1569 г. султан Селим II (1566—1574) при помощи крымского хана пытался захватить Астрахань и создать барьер между Москвой, Ираном и Закавказьем. Турецко-крымские войска, однако, должны были бежать из-под Астрахани[4].

Возобновив в 1578 г. войну с Ираном, султан Мурад III (1574—1595) стремился захватить страны Закавказья и Каспийское побережье, чтобы овладеть Волжско-Каспийским путем. В этом ему помогали не только крымский хан, но и феодалы и купцы-сунниты Дагестана, Ширвана и Шаки, активно боровшиеся за турецкое преобладание и за поддержку турецкого транзита[5]. Однако попытки Османской империи прервать торговые и политические связи между Ираном и Россией окончились неудачей.

Многочисленные документы того периода свидетельствуют о довольно оживленной торговле иранских и армянских купцов в русских городах во второй половине XVI в. Так, по свидетельству венецианского посла Фр. Диеболо, посетившего Россию в 1557 г., в Московию по торговым делам приезжали многочисленные иранские и армянские купцы, привозя с собой для продажи разнообразные восточные товары, в частности шелк-сырец и шелковые материи[6].

О значительной торговле армянских купцов в России свидетельствует также существование в Москве так называемого «Армянского двора», где останавливались армянские и иранские купцы[7]. Особенно крупную торговлю армянские купцы вели в Астрахани, где проводились большие ярмарки. Еще до покорения Астрахани армянские и иранские купцы съезжались туда[8] для про-

[4] См. *И. А. Смирнов*, Россия и Турция в XVI и XVII вв., I, М., 1946, стр. 93, 103, 127.

[5] См. *И. П. Петрушевский*, Азербайджан в XVI—XVII вв., I, стр. 262.

[6] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 464.

[7] *М. В. Фехнер*, Торговля Русского государства со странами Востока, М., 1956, стр. 48.

[8] *Н. И. Костомаров*, Очерк торговли Московского государства, СПб., 1889, стр. 12.

дажи своих и закупки местных товаров. Вывозились товары из Ирана, Бухары, Хивы и Индии. Генуэзец Павел Иовий, посетивший Астрахань в 1567 г., свидетельствует, что восточные купцы, в частности армяне, вели там большую торговлю[9].

Русский транзитный путь был предметом особого внимания западноевропейских стран, которые после выхода России к Каспийскому морю получили реальные возможности установить непосредственные торговые связи с Ираном через Северное море и по Волжско-Каспийскому пути.

Еще в 70-х годах XV в. послы Венецианской республики в Иране Контарини и Барбаро обратили внимание на этот путь, а в начале XVI в. австрийский барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московских делах» подчеркивал его значение для восточной торговли западноевропейских держав.

В XVI в. чрезвычайно важное значение для европейских держав приобрели Балтийское и Белое моря, так как они открывали новый путь для торговли с Русским государством и через него с Востоком. Открытие северного пути через Балтийское море, например, англичане сравнивали с открытием португальцами морского пути в Индию.

Вслед за открытием северного пути европейские державы стали хлопотать в Москве о получении монополии на торговлю с Ираном через Русское государство. Повышенный интерес западноевропейских стран к русскому транзиту объясняется тем, что во второй половине XVI в. пути проникновения на иранский рынок были весьма ограниченными, так как левантийский путь был монополизирован Венецианской и другими итальянскими республиками, а в Индийском океане и Персидском заливе господствовали португальцы.

Кроме того, Волжско-Каспийский путь по сравнению с турецкими сухопутными транзитными путями, а также с морским путем вокруг Африки был намного короче. Так, по данным шведа Кильбургера, поездка океанским

[9] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836, стр. 35.

путем из Англии в Персидский залив длилась около полутора лет, и не было никакой гарантии в благополучном исходе плавания. Из Голландии же в Иран через Финский залив и Волжско-Каспийский путь поездка длилась 7—8 месяцев. Кильбургер в этой связи заключал, что «персидская торговля наиудобнее, а также с меньшей опасностью могла бы производиться этим путем по России и доставлять европейцам восточные товары»[10].

Главное же то, что русский транзитный путь в Иран для европейских держав был экономически намного выгоднее. Кроме того, он интересовал их, особенно Англию и Голландию, не только как транзит в Иран, но и как кратчайший и безопасный путь для проникновения в Индию и Китай.

В 1552 г. Ричард Ченслер организовал «Московскую компанию» для торговли с Ираном и Индией через Волгу и Каспийское море. Агент компании М. Локк подчеркивал, что этот торговый путь через Россию в Англию имел бы чрезвычайное значение для англичан, так как товары Ирана шли бы непосредственно через них в другие европейские страны без угрозы со стороны турок, независимо от Италии и разрешения короля Португалии[11].

В 1561 г. компания предложила Ивану IV проект торговли с Ираном[12] и после его одобрения русским правительством установила через волжский путь непосредственный контакт с Ираном. Компании удалось получить от шаха Тахмаспа фирман, предоставивший английским предпринимателям широкие права[13].

Благодаря этим правам дела компании на первых порах пошли успешно, и она регулярно вывозила из Ирана значительное количество шелка-сырца и другие товары.

Однако, несмотря на эти успехи, англо-иранская торговля не получила развития, так как к началу XVII в.

---

[10] *Б. Г. Курц,* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 149.

[11] См. *Я. Я Стрейс,* Три путешествия, М., 1935, стр. 9.

[12] См. *Н. И. Костомаров,* указ. соч., стр. 19.

[13] См. *М. Г. Панахиян,* О режиме капитуляций в Иране (автореферат), стр. 6—7.

царское правительство ограничило, а затем и полностью запретило английскую транзитную торговлю с Ираном.

Таким образом, первые попытки Англии проникнуть через Россию на иранский рынок особого успеха не имели. В дальнейшем попытки англичан восстановить свои прежние права также ни к чему не привели[14]. Русское правительство пришло к пониманию, что свобода торговой деятельности западноевропейских держав в Русском государстве и предоставление им транзита в Иран привели бы к порабощению маломощного русского торгового капитала. Поэтому с конца XVI в. и в течение всего XVII в. русское правительство проводило последовательную политику ограничения деятельности в России европейского торгового капитала, под разными предлогами отказывая ему в праве транзита. Несмотря на свою слабость, русское купечество заняло непримиримую позицию в отношении иностранного торгового капитала[15]. По этому поводу Е. С. Зевакин отмечает, что в борьбе за внутренний рынок московский торговый капитал оказался бессильным перед более мощным и лучше организованным иностранным капиталом. Средства экономической борьбы оказались недостаточными, и оставалось стать под защиту феодально-крепостнического государства, побудив его к политике протекционизма[16].

Во второй половине XVI в., помимо англичан, через Русское государство на иранский рынок стремились проникнуть также другие западноевропейские державы. Римский папа Григорий XIII (1572—1585), например, проявлял заинтересованность в торговых сношениях между западными странами и Сефевидским государством по Волжско-Каспийскому пути[17].

Активность европейских держав в этом направлении особенно усилилась в XVII в. В борьбу за монополиза-

---

[14] См. *К. В. Базилевич,* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок, «Известия АН СССР», 1932, № 2, стр. 109.

[15] См. *В. Кашин,* Торговля и торговый капитал в Московском государстве, стр. 28.

[16] См. *Е. С. Зевакин,* Персидский вопрос..., стр. 132.

[17] См. „A Chronicle of the Carmelites...," v. 1, стр. 25.

цию торговли иранским шелком-сырцом и другими товарами включились почти все западноевропейские державы. Особенно упорно добивались этого Англия и Голландия.

Цели английского торгового капитала отчетливо отражает английский проект 1612 г., согласно которому Великобритания должна была стать единственным складом восточных товаров, откуда они распределялись бы по Францию, Германию, Нидерланды, Данию и другие страны[18]. В английской записке «Об экономических причинах для дарования займа царю Михаилу» (март 1618 г.) говорится, что ведение торговли с Ираном через Россию должно дать большие прибыли от продажи там английского сукна и олова и возможность вывозить большие запасы шелка-сырца, индиго и многих других товаров, вывозимых из Турции по дорогой цене из-за высоких таможенных пошлин[19].

В 1614 и 1620 годах английский посол Джон Мерик дважды обращался к русскому правительству с просьбой возобновить прежние права англичан в торговле с Ираном, однако царь Михаил Федорович отклонил предложение посла по мотивам убыточности иностранного транзита как для казны, так и для купцов[20]. В 1627 г. английский король Карл I в своем письме царю вновь затронул этот вопрос[21].

Начиная с 1614 г. с такими же предложениями к русскому правительству неоднократно обращались и голландцы[22].

Добивались права торговли с Ираном через Русское государство также французы и шведы. Первую безус-

---

[18] См. *И. Любименко*, Английский проект 1612 г., «Научный исторический журнал», 1914, № 5.

[19] См. *С. И. Архангельский*, Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в., «Исторический сборник», М.—Л., 1936, № 5, стр. 13—14.

[20] См. *Е. С. Зевакин*, указ. соч., стр. 134.

[21] См. *С. И. Архангельский*, Англо-голландская торговля..., стр. 13.

[22] «Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе». «Сборник императорского общества», т. 116, СПб., 1902, стр. CLXXIII и далее.

пешную попытку французы сделали в 1629 г.[23] Шведский же король Густав-Адольф в своих планах гегемонии на севере Европы рассчитывал на ресурсы России, в том числе и на торговлю с Ираном через Русское государство. В 1618 и 1634 гг. он дважды, и в обоих случаях безрезультатно, обращался к русскому правительству с просьбой о предоставлении транзита в Иран[24]. Неоднократные отказы в транзите получали также Дания (в 1631, 1641 гг.), Польша и другие европейские страны[25].

Примечательно, что, отклоняя просьбы Англии и Голландии о праве транзитной торговли с Ираном, русское правительство в 1634 г. предоставило такое право Голштинии[26], которая была слабой в экономическом и торговом отношении и не могла угрожать интересам Русского государства*. Это свидетельствует о дифференцированности политики русского правительства в отношении западноевропейских стран.

В середине XVII в. выступления русских купцов против иностранного торгового капитала еще более усилились. Исследователь русско-иранских торговых отношений XVII в. Н. Г. Куканова в этой связи отмечает, что борьба русского купечества против иностранного торгового капитала препятствовала его проникновению не только в Россию, но и в Иран[27].

Отказывая европейским державам в транзите на Восток, русское правительство само стремилось завязать с восточными странами, в частности с Ираном, непосредственные торговые сношения. Русское купечество проявляло интерес к странам Востока еще в XV в.

---

[23] См. *Е. С. Зевакин*, указ. соч., стр. 137—138.

[24] См. *Б. Ф. Поршнев*, Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг. «Скандинавский сборник», Тартусский госунт, Таллин, 1956, № 1, стр. 15.

[25] *Е. С. Зевакин*, указ. соч., стр. 134—136.

[26] См. *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. II, тт. VI—X, СПб., стр. 1183.

* Герцог Голштинский отказался подтвердить договор с русским правительством, так как он был невыгоден из-за ежегодной уплаты большой суммы в царскую казну.

[27] См. *Н. Г. Куканова*, Ирано-русские торговые отношения в конце XVII—начале XVIII вв. (диссертация) М., 1950, стр. 65.

С конца XVI в. Русское государство положило начало официальным дипломатическим сношениям с Ираном, направив в 1589 г. туда первое свое посольство. В дальнейшем обмен посольствами участился[28].

Оправившись от потрясений крестьянской войны 1603—1612 гг., русское правительство стремилось завязать более тесные торговые связи с Востоком. Не случайно, что русского купца Федота Котова, посетившего Иран в 1623—1624 гг., интересовали центры торговли, торговые пути из Русского государства в Иран и из Ирана в другие страны, торговля иностранных купцов в Иране, районы производства шелка-сырца и т. д.[29]

Русское правительство одновременно содействовало торговле восточных, в частности иранских, купцов. Монополия торговли шелком-сырцом принадлежала царской казне, поэтому правительство всячески поощряло его ввоз в страну, получая солидные прибыли.

Главным товарообменным пунктом между иранскими и русскими купцами была Астрахань. Здесь русские купцы покупали для казны шелк-сырец и другие иранские товары, часть которых сбывалась в России, а часть оставлялась для экспорта в Архангельске. Следовательно, русское государство в первой половине XVII в. играло в известном смысле роль посредника в торговле шелком-сырцом между Ираном и странами Западной Европы. Однако этот реэкспорт шелка-сырца был невелик и не имел существенного значения ни для Ирана, ни для западноевропейских держав, ни для России. Свидетельствуя об этом, шведский посол Родес в донесениях сообщал, что в середине XVII в. через Архангельск (который в те времена был также главным пунктом торговли между Русским государством и Западом) за три года вывозилось иранских товаров на 40 тысяч рублей. К тому же в 1650—1651 гг. 138 тюков иранского шелка-сырца зале-

---

[28] Об этих переговорах в период Аббаса I подробно см. *Н. И. Веселовский*, Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, тт. 1—3, СПб., 1890—1898.

[29] См. «Хождение купца Федота Котова в Персию», М., 1958.

жались в Архангельском порту из-за отсутствия покупателей[30].

Поэтому шведский посол старался убедить представителей царского двора, что торговля восточными товарами в случае их реэкспорта принесет царской казне колоссальные доходы и что в интересах казны дать этой торговле широкий размах. В беседе с боярином Ильей Даниловичем Милославским он намекал, что некоторые крупные европейские купцы просили его разузнать, нельзя ли у царя добиться разрешения, чтобы весь иранский шелк-сырец поступал в Русское государство. Он отмечал, что помимо шелка в сторону России можно будет направлять и другие иранские товары, а также значительную часть индийских и особенно китайских товаров[31].

В проекте Родеса нетрудно усмотреть новый вариант прежних планов европейских держав.

* * *

В период, когда западноевропейские державы упорно домогались монопольного права на торговлю с Ираном через Русское государство, в Москву в 1660 г. прибыл представитель джульфинской торговой компании ходжа Закар Саградов (Шариманян) с девятью купцами. Он был принят влиятельными сановниками царского двора. Шариманян «подарил»* царю Алексею Михайловичу алмазный трон, оцененный в Москве в 24 443 рубля[32], и другие дорогие подарки, всячески демонстрируя свои симпатии к русскому «великому христианскому государю». Он заявил, что хотя купцы компании по фирману шаха торгуют в Иране «безпошлинно, только-де шахово величество веры бусурманские, а они-де и сами

---

[30] См. *Б. Г. Курц*, Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, М., 1915, стр. 55, 151.

[31] См. там же, стр. 153.

* Преподнесение подарков царю в XVI—XVII вв. было своеобразной формой торговли, однако в данном случае джульфинцы хотели показать большие возможности компании.

[32] См. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. II, 1838, стр. 286—287.

кабы христианские веры и для того они великому государю служити и работать рады во всем»[33]. Ходжа Закар отметил, что, так как «царь с шахом в братской дружбе и в любви, они весьма рады служить ему»[34].

Дальнейшие переговоры джульфинской армянской компании с русским правительством показывают, что приезд Саградова не был случайным. Приезд именно Саградова дает основание сделать некоторые предположения. Закарий Саградов был сыном крупного джульфинского купца Саграда Шариманяна[35]. По сообщению Закария Саградова Посольскому приказу, «прикащики отца ево с торгом и для всяких узорочных товаров ездят во все государства»[36]. Возглавляя армянскую католическую общину Новой Джульфы, они покровительствовали папским миссионерам, тем самым снискав расположение папы Римского и европейских католических монархов. Достаточно отметить, что в 1699 г. Леопольд I Габсбург (1658—1705) пожаловал Шариманянам графский титул за их «величайшие услуги в деле распространения католичества в Иране»[37].

Придерживаясь западной ориентации, Шариманяны больше, чем другие представители Армянской торговой компании, были заинтересованы в использовании русского транзита. Не исключена возможность, что приезд в Москву Закария Саградова был согласован с западноевропейскими кругами, рассчитывавшими наладить прямые сношения если не с шахским двором, то хотя бы с джульфинским купечеством.

Связи этой семьи с католическими державами и их близкие отношения с сефевидским двором* подкрепляют

---

[33] «Армяно-русские отношения в XVII в.», сборник документов под ред. В. А. Парсамяна, I, Ереван, 1953, стр. 26.

[34] Там же, стр. 26.

[35] См. *Г. Алишан*, Сисакан, стр. 446.

[36] «Армяно-русские отношения», I, стр. 25.

[37] *Месроп Угурлян*, указ. соч., стр. 307.

* В документах Посольского приказа говорилось, что ходжа Закария был «шахова ближний человек» и «прикащик» Ихтомо Девлета» (первого министра шаха.—*В. Б.*), см. «Армяно-русские отношения», I, стр. 23—24.

предположение, что приезд ходжа Закария в Москву преследовал, кроме торговых, и политические цели[38].

Через шесть лет после приезда Закария в Москву, в феврале 1666 г., в столицу Русского государства прибыли уполномоченные джульфинской Армянской торговой компании Степан Рамадамский и Григорий Лусиков для переговоров о предоставлении компании права вывоза шелка-сырца в Русское государство и через него в западноевропейские страны.

Любопытно отметить, что после отъезда Закария в течение этих шести лет Посольский приказ не зарегистрировал ни одной поездки джульфинских купцов в Москву. Это объясняется тем, что с 1665 г. доставка товаров через турецкие владения в Европу для джульфинских купцов была крайне затруднена вследствие возобновления в 1665 г. турецко-венецианской войны*. Военно-морские операции, проводившиеся в основном в восточной части Средиземного моря, нарушили регулярные торговые связи между турецкими портами и Европой. Это вынудило джульфинских купцов обратиться к русскому транзитному пути.

Внешнеполитический курс Русского государства давал надежду, что Москва пойдет на заключение торгового договора с компанией. Этому способствовало и то, что правительство, заключив 30 января 1667 г. мирный договор с Польшей, развязало себе руки в борьбе с Турцией и Крымским ханством. Россия была весьма заинтересована в укреплении торговых и политических связей с Ираном, так как стремилась приобрести в его лице союзника против Турции. Она старалась направить внешнюю торговлю Ирана в свою сторону, чтобы экономически ослабить Турцию и стать посредником в торговле Ирана с Западом.

В Москве переговоры представителей армянской торговой компании велись с только что назначенным

---

[38] *А. Г. Иоаннисян,* указ. соч., стр. 481.

* Война из-за Крита, или Кандийская война, с перерывами продолжалась с 1645 по 1669 гг. Эта война приняла особенно большие масштабы после 1665 г., когда турецкая армия начала крупное наступление для захвата критского города Кандии.

начальником Посольского приказа А. Л. Ординым-Нащокиным.

Из документов[39] об этих переговорах видно, что представители армянской компании особенно упорно добивались права на транзит через русские земли в Западную Европу. В челобитной на имя царя Алексея Михайловича Степан Рамадамский и Григорий Лусиков писали: «...Вели, государь, нам возить через твое государево Московское государство и Архангельский город тот шелк-сырец и иные кызылбашские товары на немецкую руку, також и на немецкия товары, кои годятца в Кызылбашскую землю и золотые ефимки из-за моря через Архангельский город и Московское государство к Кызылбашской земле...»[40].

По-видимому, еще до приезда в Москву Рамадамский и Лусиков детально разработали планы будущих торговых операций компании как в России, так и в европейских странах, наметив даже маршруты и города, через которые можно было бы вывозить товары за границу. Так, например, они предложили вывозить свои товары в «немецкие города через великий Новгород или через Архангельский город, или через Смоленск»[41]. Они представили тщательно разработанный план и предложения о заключении договора с компанией. Чтобы заинтересовать русское правительство, они обрисовали перед ним заманчивые перспективы, утверждая, что «от провозу того шелку и иных товаров твоим государевым подданным всяких чинов людям учинится великая прибытка, и иноземцы, которые ныне ездят на кораблях в Турскую землю для покупки того шелку и иных товаров, и те иноземцы все будут ездить к Архангельскому

[39] Документы о торговых отношениях новоджульфинской армянской торговой компании с Русским государством и через него с Европой сохранились в ЦГАДА г. Москвы, в ф. № 100 под названием «Сношения России с Арменией». Основная часть этих документов опубликована в сборнике документов под заглавием «Армяно-русские отношения в XVII в.», I, Ереван, 1953.

[40] «Армяно-русские отношения», I, стр. 35.

[41] Там же, стр. 37.

городу и от них великие пошлины учинятся и в твою государскую казну»[42].

Одновременно Рамадамский и Лусиков дали понять, что помимо чисто экономических договор может принести Русскому государству также политические выгоды, так как «у великого государя с шахом Аббасом* Кызылбашским великая дружба, а с турским царем у шаха Аббаса великая брань»[43].

Рамадамский и Лусиков заверяли русское правительство, что заключение договора с предоставлением армянам соответствующих привилегий и гарантий приведет к тому, что компания прекратит вывоз шелка-сырца через владения Турции и направит его полностью в Россию.

В результате переговоров царем Алексеем Михайловичем 31 мая 1667 г. была дана жалованная грамота, которая фактически приобрела значение торгового договора. М. Д. Чулков так и отмечает, что упомянутая грамота по своей значимости была равносильна торговому договору между Россией и Ираном[44].

По условиям договора 1667 г. армянская компания обязалась весь иранский шелк-сырец направлять в Россию, а через нее уже в западноевропейские страны. В договоре имелись следующие пункты: непроданный в Москве шелк-сырец мог перевозиться в пограничные города России с уплатой 5% транзитной пошлины; армянские купцы получали право свободной торговли в русских пограничных городах с иностранными купцами; в случае, если и в пограничных городах России шелк-сырец не продавался, армянская компания имела право вывезти его за границу, уплатив при этом 5% вывозной пошлины.

---

[42] Там же, стр. 35.

* Речь идет об Аббасе II (1642—1666).

[43] «Армяно-русские отношения», I, стр. 40.

[44] См. *М. Чулков*, Историческое описание русской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен и ныне и всех преимущественных узаконений по оной государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, кн. II, СПб., 1781, стр. 134.

Существенным пунктом было обязательство возвращаться из-за границы только через Россию. Пошлина с товаров, привезенных из-за границы, была установлена в размере 7%.

Заинтересованное в ввозе золота и серебра, русское правительство добивалось, чтобы заграничные золотые и серебряные монеты оставались в России. Поэтому оно не брало пошлины с товаров, покупаемых армянскими купцами в России на иностранную валюту. Не взималась пошлина и с драгоценных камней, привозимых армянскими купцами из-за границы. В договоре говорилось, что с «алмазов и со всяких розных камней и с жемчугу, который будет у них, армян, в привозе,—пошлин не имать для того, чтобы тем облегчением в привозе таких вещей для умножения в Московское государство подать им, армянам, охоту»[45].

Помимо обычных пошлин, в определенных пунктах армянские купцы должны были уплачивать и провозные пошлины в зависимости от цены товара.

Армянским купцам гарантировалась безопасность в пути с возмещением потерь в случае каких-либо происшествий. Они получали право свободного въезда и выезда в Россию и транзита в западноевропейские страны[46].

То обстоятельство, что договор был заключен в соответствии с предложениями представителей Армянской торговой компании, свидетельствует, что русское правительство в свою очередь было заинтересовано в его заключении. Как отмечает Н. Костомаров, желание приобрести большие выгоды для казны заставило русское правительство поручить значительную часть восточной торговли армянской компании. Русское государство, по его мнению, не могло получить таких выгод от русских купцов[47], к тому же через армян оно рассчитывало на большой приток денежных средств с Запада[48].

---

[45] «Армяно-русские отношения», 1, стр. 64.

[46] Текст договора см. «Армяно-русские отношения...», 1, стр. 44—46.

[47] См. *Н. Костомаров*, указ. соч., стр. 56.

[48] *Н. Г. Куканова*, Роль армянского купечества в развитии русско-иранской торговли в последней трети XVII в., «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», XXX, 1961, стр. 25.

Е. С. Зевакин утверждает, что заключение договора с армянской компанией было вызвано не только экономическими мотивами, но и в значительной степени политическими. Московское правительство рассчитывало на помощь шаха против турок, и покровительство иранской торговле могло способствовать этому[49].

Пункт договора о перенесении путей вывоза иранского шелка-сырца с турецкого направления на русское объективно был направлен против Турции.

Помимо этого, русское правительство было заинтересовано в укреплении торговых связей с Ираном еще и потому, чтобы не допустить изоляции русского торгового капитала на иранском рынке. При этом заключением договора Россия усугубляла экономическую и политическую разобщенность Ирана и Турции и вбивала клин между армянскими купцами Ирана и западноевропейскими державами[50]. Эта политика России нашла отклик лишь среди части армянского купечества, но не приобрела решающего значения, так как большая часть армянского купечества была связана с торговлей через турецкие транзитные пути.

Договор с армянской компанией создавал Русскому государству и другие возможности, например, изучения военно-политической обстановки в Закавказье, Иране и в Западной Европе[51].

Следует учитывать, что в заключении договора было в какой-то степени заинтересовано и иранское правительство, так как договор создавал дополнительные возможности расширения внешней торговли Ирана.

Как уже говорилось, русский транзитный путь имел преимущества также и перед сухопутным направлением до Персидского залива с дальнейшим океанским путем в Европу. Из шелководческих районов, находившихся на севере Ирана: в Гиляне, Мазандаране, Ширване, Грузии и т. д., доставка шелка-сырца в Астрахань обходилась дешевле, чем в Бендер-Аббас. Так, Родес отмечал, что

---

[49] См. *Е. С. Зевакин*, указ. соч., стр. 158.

[50] См. *А. Иоаннисян*, указ. соч., стр. 453.

[51] См. *В. Восканян*, Армяно-русские отношения в XVII в., «Известия АН Арм. ССР», 1948, № 1, стр. 61.

«из Гиляна купцы шелк-сырец везут только на верблюдах через горы в Ормуз, проводят в дороге 80—90 дней, и каждый верблюд, который может нести только 2 тюка, обходится каждый день с фрахтом и с другими издержками по полреала от восьми. Напротив, из упомянутой провинции Гилян два тюка через Каспийское море в Астрахань самое большее обходятся по фрахту и другим издержками не более 2—4 рейхсталеров»[52].

Следовательно, доставка в Россию двух тюков шелка обходилась в среднем в 1 р. 50 к. и требовала немного времени, доставка же 2 тюков в Ормуз обходилась в среднем в 2 р. 63,5 к. и требовала не менее трех месяцев времени.

Несмотря на преимущества русского транзитного пути для ирано-западноевропейской торговли договор 1667 г. практически не был осуществлен.

Одной из причин была крестьянская война Степана Разина (1667—1670), в результате которой Волжско-Каспийский путь был перерезан. Кроме того, отказ царского правительства возместить убытки персидских купцов, ограбленных казаками, привели к ухудшению русско-иранских отношений. Джульфинские купцы перестали посещать Русское государство. Объясняя в 1671 г. причину этого, Григорий Лусиков писал царю Алексею Михайловичу: «Прибыло известие, что этот худородный казак обманул астраханцев, захватил крепость, ограбил купцов. Наши же джульфинцы услыхали и отправились в страну румов (Турцию.—**В. Б.**), мол, совершим это путешествие, пока очистится русская земля, и тогда приедем»[53].

Таким образом, первые попытки джульфинского купечества установить через русский транзитный путь торговые связи с западноевропейскими странами не увенчались успехом.

* * *

Как Россия, так и Иран были заинтересованы в скорейшем возобновлении торговых отношений. В 1668 г. русское правительство отправило московского предста-

[52] *Б. Г. Курц,* Состояние России..., стр. 157.

[53] «Армяно-русские отношения...», I, стр. 72.

вителя армянской компании Томаса Брейна в качестве дипломатического посланника с письмом к шаху Сулейману с просьбой содействовать армянской торговле. К письму была приложена копия договора с компанией.

Иранское правительство в свою очередь испытывало необходимость в транзите через Русское государство. Об этом интересные сведения сообщает Иоганн Кильбургер. «Шелк-сырец,—пишет он,—из провинции Гиляи доставляется в Ормуз, где покупается голландской Ост-Индской компанией и англичанами. Шах очень неохотно видит, что через Турцию ежегодно идет караванами в Алеппо значительное количество шелка, которое потом продается из Смирны, Триполи, Александретты и других мест Италии и Франции. Ввиду того, что наибольший его враг—турок извлекает из этого такую большую пользу и этим увеличивает свою казну, он поэтому старается всецело отвлечь эту торговлю из турецкого направления на север»[54].

Серьезные шаги по улучшению русско-иранских торговых отношений были предприняты лишь в 1671 г., когда шах Сулейман направил Григория Лусикова в Москву.

Исследователь русско-иранских торговых отношений XVII в. В. Восканян отмечает, что джульфинская армянская компания играла роль наиболее заинтересованного посредника в урегулировании ирано-русских торговых отношений. «Не случайно,—пишет он,—что для урегулирования русско-иранских отношений из Москвы в Иран первым... был отправлен гонцом представитель армянской компании в Москве Томас Брейн»[55]. Из Ирана же был отправлен представитель армянской компании Григорий Лусиков. «Это дает основание сказать,—отмечает В. Восканян,—что армянская компания и ее торговля были связующим звеном между Россией и Ираном»[56].

---

[54] *Б. Г. Курц,* Сочинение Кильбургера..., стр. 149.

[55] *В. К. Восканян,* Армяно-русские экономические отношения в XVII в. (Роль армянского купечества в персидской торговле России) (диссертация), Ереван, 1948, стр. 104.

[56] Там же.

В 1671 г. Лусиков из Астрахани сообщал царю Алексею Михайловичу, что шах Сулейман дал указ, чтобы армянские купцы с шелком-сырцом и другими товарами ездили в Россию согласно договору 1667 г.[57]

Приезд в Иран в 1668 г. польского посла Богдана Гурдия, стремившегося привлечь Иран к польско-русскому союзу против Турции, по-видимому, ускорил поездку Лусикова в Москву. Польский посол, добиваясь своей цели, встревожил иранское правительство сообщением, что турки намерены начать военные действия против Ирана. На приеме у шаха Лусикову был задан вопрос, «подлинно ль царское величество с поляками в миру и может ли царское величество против турка стоять...»[58].

Богдан Гурдий дал также понять шахскому двору, что «и им, полякам, до того шелковому договору дело есть» и советовал как можно скорее добиться подтверждения договора 1667 г., подчеркнув, что при вывозе шелка-сырца через Россию в европейские страны «у турка от того в сборе казны будет убыль»[59].

Заинтересованность Польши в восстановлении торговли армян через Россию В. Восканян объясняет тем, что, потеряв надежду на право транзита в Иран, Польша стала на путь сближения с армянскими купцами с целью привлечения их торговли в Польшу[60].

Прибыв в Москву в качестве полномочного представителя джульфинских купцов, Лусиков имел намерение возобновить торговлю с Русским государством и получить право транзита на торговлю с западными странами. Однако в Москве Лусиков убедился, что русское купечество против предоставления армянским купцам такого права. Приглашенные на совещание в Посольский приказ московские купцы заявили, что привилегии Армянской компании подрывают их торговлю, что если раньше они сами покупали товары у иранских армян и доставляли их в казну или перепродавали иностранцам,

[57] См. «Армяно-русские отношения»..., I, стр. 70—71.

[58] Там же, стр. 78.

[59] Там же, стр. 78—79.

[60] См. *В. К. Восканян,* Армяно-русские экономические отношения.... (диссертация), стр. 131.

а полученную звонкую монету—серебро и золото—сдавали в казну, то это было выгодно и казне и им. Теперь же Армянская компания сама продает иранские товары иноземцам и увозит золото и серебро в Иран. Европейские же товары переходят к восточным народам через руки армян, минуя московских купцов. Купцы считали, что Армянской компании следует разрешить вести торговлю лишь в Астрахани и в Москве с казной и русскими торговыми людьми, но отнюдь не с иностранцами[61].

Претензии русских купцов имели основания, так как они оказались отстраненными от весьма прибыльной посреднической торговли между армянскими и европейскими купцами. Достаточно сказать, что доставленный в Россию пуд шелка-сырца они покупали за 30 рублей, а перепродавали его иностранцам за 45 рублей[62].

Несмотря на протесты московских купцов, русское правительство поручило главе Посольского приказа А. С. Матвееву вступить в переговоры с Лусиковым о заключении нового торгового договора. Оно исходило в первую очередь из политических соображений—привлечь на свою сторону шахское правительство в предстоящей борьбе с Турцией. Чтобы показать, что в возобновлении договора помимо компании заинтересовано и иранское правительство, Лусиков вручил Матвееву письмо на имя царя Алексея Михайловича с согласием шаха Сулеймана на условия торгового договора 1667 г.[63]

Переговоры закончились 7 февраля 1673 г. заключением торгового соглашения. Оно не было простым повторением грамоты 1667 г. По соглашению, армянским купцам разрешалось вывозить товар в Европу лишь в случае невозможности сбыта его в России. Причем даже в таких случаях армян пропускали только в те страны, с которыми Русское государство не находилось в «ссоре»[64]. Такая оговорка ставила армян в зависимость от

---

[61] См. «Армяно-русские отношения», I, стр. 74—76.

[62] См. *Б. Г. Курц*, Состояние России..., стр. 151.

[63] См. «Армяно-русские отношения...», I, стр. 92—95.

[64] Текст договора см. «Полное собрание законов Российской империи...», т. I, № 539; а также «Армяно-русские отношения...», I, стр. 110—113.

внешней политики русского правительства. К тому же при вывозе товаров за границу купцы обязаны были каждый раз получать «проезжие грамоты».

Лусиков потребовал определенных гарантий в виде установления продажной цены шелка-сырца, чтобы в случае «ссоры» Русского государства с иностранными державами армянские купцы могли бы иметь уверенность, что казна закупит шелк лези по 35 руб. за пуд, а шелк ардаш по 30 руб.

Русское правительство сняло с себя предусмотренное договором 1667 г. обязательство возмещать потери, понесенные армянскими купцами в пути.

Главное же заключалось в том, что русское правительство требовало твердого обещания от армянской компании вывозить весь иранский шелк-сырец только в Россию и не продавать его иностранцам ни в Иране, ни в Турции[65], о чем Лусиков по требованию Посольского приказа дал 7 февраля 1673 г. «клятвенное» обещание[66].

Следовательно, по соглашению 1673 г. армянская компания, как пишет Н. Куканова, была лишена права свободного транзита через Россию на Запад. Оговорка по вопросу условий выезда армянских купцов за границу имела серьезные последствия. На протяжении трех последующих лет ни один армянский купец не выезжал не только за море, но и в пограничные русские города[67] (в фондах ЦГАДА нет ни одного упоминания о посещении ими русских пограничных городов). Это обстоятельство неблагоприятно отразилось на развитии ирано-русской торговли. Русские купцы жаловались в Посольский приказ, что вывоз армянскими купцами иранского шелка-сырца в Россию с 1674 г. не превышал 100 пудов[68]. Они заявляли, что «шелку-сырцу, который родится в Персицкой земле всего полного числа в Российское го-

---

[65] См. «Полное собрание законов Российской империи...», т. I, № 539

[66] См. «Армяно-русские отношения...», I, стр. 113—114.

[67] См. *Н. Г. Куканова,* Роль армянского купечества в развитии русско-иранской торговли в последней трети XVII в., «Кр. сообщ. Ин-та народов Азии», XXX, 1961, стр. 26—27.

[68] См. «Армяно-русские отношения...», I, стр. 139.

сударство не привезли, но прежними путями весь лучший шелк и ныне отпускают»[69].

Следовательно, армянские купцы продолжали вывозить шелк-сырец старыми путями. Одной из причин невыполнения Армянской компанией обещания о монопольном вывозе в Россию шелка-сырца была отмена права свободного транзита через Россию на Запад. Это подтверждается тем, что в последующем, после получения армянскими купцами такого права, вывоз ими шелка-сырца в Россию резко увеличился.

Таким образом, заключение торгового соглашения 1673 г. не разрешило вопроса о свободном транзите товаров через Русское государство в западноевропейские страны. По-прежнему русские купцы сами перепродавали привезенный армянскими купцами шелк-сырец иностранцам в Архангельске[70].

* * *

В 1676 г. Голландия снова попыталась получить у русского правительства разрешение на транзитную торговлю с Ираном. К этому времени вопрос импорта шелка-сырца и других иранских товаров через Россию приобрел для Голландии особенно важное значение из-за войны с Францией (1672—1679). Для конвоирования своих торговых судов Голландии необходимо было содержать в Средиземном море постоянные конвойные эскадры. Это обходилось бы дорого, не говоря уже о том, что не гарантировало бы от крупных потерь при встречах с французским военным флотом.

Русский транзитный путь приобрел для Голландии важное значение еще и потому, что, как уже говорилось, со второй половины XVII в. Англия последовательно вытесняла голландцев из океанской торговли, а в результате англо-голландских войн (1652—1674) их торговля с Ираном через Персидский залив была значительно сокращена.

---

[69] Там же, стр. 139.

[70] См. «Полное собрание законов Российской империи...», т. 1. № 539, стр. 918.

В 1676 г. в Москву для ведения переговоров о транзите прибыло голландское посольство Конрада фон Кленка. В предложениях фон Кленка отразилась новая позиция голландских торговых кругов по вопросу торговли с Ираном через русские территории. Если предыдущие посольства Нидерландов добивались предоставления голландским купцам права самим ездить через Россию в Иран для покупки шелка-сырца и вывоза его через Архангельск в Голландию, то фон Кленк стремился получить разрешение на торговлю голландцев с армянскими купцами в Архангельске и выезд последних со своими товарами в Голландию.

В обоснование своих предложений фон Кленк приводил следующие расчеты. Согласно договору 1667 г., ежегодно в Россию должны были доставляться 8000 тюков иранского шелка-сырца, пошлина с которых составляла 204 000 рублей и 33 600 руб. провозных денег. Это означало, что годовой доход царской казны исчислялся в 237 600 рублей. По мнению Кленка, это была минимальная цифра, так как ввоз шелка при свободной его продаже иностранцам должен был значительно возрасти[71].

Для обсуждения этих предложений русское правительство созвало совещание бояр с купцами. Последние категорически возражали против предложений фон Кленка. В их выступлениях и на этот раз проявлялись опасения быть вытесненными со своего рынка европейскими и армянскими купцами. Поэтому они отвергали возможность установления непосредственного контакта голландцев с армянскими купцами[72].

Опровергая расчеты фон Кленка о выгодности прямой связи голландцев с армянами для «обогащения царской казны», купцы предложили голландцам покупать иранский шелк-сырец не у армян и не в Иране, а у русской казны по цене, по которой голландцы покупали его в Турции. Чтобы обосновать свое предложение, рус-

---

[71] См. «Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу», изд. Археографической комиссии, СПб., 1900, стр. CXLVIII.

[72] См. там же, стр. CLI.

ские купцы сослались на результаты колониальной политики голландцев в Восточной Индии, где, по их словам, голландцы завладели всеми промыслами и «тамошних жителей довели до скудности»[73].

В ходе обсуждения бояре предложили русским купцам стать компаньонами голландских и армянских купцов как «третьи товарищи». Купцы отвергли и это предложение, так как «заморские иноземцы и Армянья и Кызылбаши люди богатые и торги имеют великие, а они люди маломочные»[74].

Исходя из интересов царской казны, бояре, однако, посоветовали купцам хорошенько обдумать, «как тому шелковому делу быть впредь, чтоб царского величества от государева заморских иноземцев и Армян и Кызылбаш с такими великими промыслами не отогнать и царского величества от казны такой пошлинной прибыли... не отлучать»[75]. Русские купцы были вынуждены согласиться с намерением правительства предоставить армянам право вести непосредственную торговлю с голландцами, но категорически возражали против допуска иностранцев в Астрахань и в Иран, так как, по их мнению, в течение одного года они «причинят великого государя казне великие убытки, а им бесторжицу....»[76].

После длительных обсуждений русское правительство приняло предложение голландского посла. Оно разрешило голландцам торговать в Архангельске с армянскими купцами, а последним ездить со своими товарами за границу, главным образом в Голландию. 17 июля 1676 г. глава Посольского приказа А. С. Матвеев сообщил джульфинским купцам о разрешении свободно торговать через Архангельск[77].

Так, русским правительством был восстановлен пункт договора 1667 г. о праве Армянской компании без ограничений вывозить шелк-сырец и другие иранские товары за границу. Следует отметить, что армянские

---

[73] «Армяно-русские отношения...», 1, стр. 141.

[74] «Посольство Кунраада Фан-Кленка...», стр. CLI.

[75] Там же, стр. CLIII.

[76] Там же, стр. CLIV.

[77] См. там же, стр. 463.

купцы с повышенным интересом следили в Москве за ходом переговоров фон Кленка. Об этом свидетельствует автор «Исторического рассказа»[78] Балтазар Койэт[79].

Объяснение такому повороту в политике русского правительства нужно искать в изменении экономических и политических условий страны. Русское правительство убедилось, что ограничение прав армянских купцов по торговому соглашению 1673 г. привело к резкому сокращению ввоза в Россию шелка-сырца, а следовательно, уменьшению доходов царской казны. Более того, оно стало опасаться, что армянские купцы вообще прекратят ввоз шелка-сырца в Россию, в результате чего в торговле Ирана с западными странами посредниками окажутся исключительно турецкие города[80].

Русское правительство понимало, что предоставление армянским купцам права транзита на Запад увеличит объем русско-иранской торговли и рассчитывало на привлечение в Россию всей ближневосточной торговли шелком-сырцом[81]. Помимо всего армянские купцы могли служить посредниками русско-иранского сотрудничества.

Исходя из вышеуказанных соображений, правительство в 1676 г. восстановило право армян на транзит из Ирана через Россию в Западную Европу и обратно. Был издан специальный царский указ «...Об отпуске армян торговых людей с шелком-сырцом и иными персицкими товарами с Москвы к Архангельскому городу и за море, и чтоб шахова величества торговые люди армяне с шелком-сырцом и иными персицкими товарами из Персиды и из Шемахи через Турецкую землю против прежнего своего обычая в немецкие Государства не ездили»[82].

---

[78] В этой книге подробно описываются переговоры посольства фон Кленка в Москве. Она издана под названием: «Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям...» (см. выше).

[79] См. там же, стр. 444.

[80] См. *Н. Г. Куканова,* Роль армянского купечества..., стр. 27.

[81] См. там же, стр. 21.

[82] ЦГАДА, Реестр по армянским делам, д. № 14, 1676, л. 2.

Ирано-русская торговля заметно оживилась. Из таблицы, составленной Н. Кукановой на основе архивных источников, видно, что если в 1673—1674 гг. армянские купцы приезжали в Астрахань и Москву от случая к случаю, то с 1676 г. такие посещения становятся более регулярными, причем нередко прибывали большие группы купцов в десять, двенадцать и более человек с крупными партиями товаров. С 1676 г. по 1686 г. больше половины поездок армянских купцов приходилось на районы западных границ России[83].

Это обстоятельство еще раз подтверждает, что при заключении торговых договоров с русским правительством конечной целью армянских купцов была не Москва, а Архангельск, а также Голландия, Швеция, Англия[84] и другие западноевропейские страны.

Ввиду отсутствия статистических данных невозможно точно определить размеры ирано-западноевропейской торговли по русскому транзитному пути. Однако, как видно из некоторых данных, торговля джульфинцев через Россию со странами Западной Европы была довольно значительной. Например, в 1676 г. в Посольском приказе было зарегистрировано шесть челобитных армянских купцов, ходатайствующих о разрешении продавать товары в Архангельске и в зарубежных странах, в частности в Голландии. При этом только одна группа в составе Егупа Погосова с 10 товарищами из Архангельска вывезла в Голландию 1170 пудов шелка-сырца[85]. В 1679 г. Харабет Матвеев с товарищами доставил в Архангельск 215 пудов 20 фунтов шелка-сырца[86]. В 1681 г. Е. Григорьев привез в Архангельск 157 пудов шелка-сырца. Особенно большие группы купцов приезжали в Архангельск в 1683 г. для участия в ярмарке.

---

[83] См. *Н. Г. Куканова*, Роль армянского купечества, стр. 28.

[84] См. *F(eurlau) P. Th. Ch.*, Eslat présent de l'Arménie, Paris, 1694, стр. 278; ср. *Tournefort*, Relation d'un voyage du Levant, II, стр. 160.

[85] ЦГАДА, ф. 100, д. за 1676 г.

[86] Там же, д. за 1679 г.

Торговля армянских купцов в Архангельске и их поездки оттуда за границу вызывали беспрерывные протесты русских купцов. В июне 1679 г. в Посольском приказе они жаловались, что армяне вытеснили их из посреднической торговли шелком-сырцом. Однако их протесты не действовали, и армяне продолжали свои поездки. Как свидетельствует автор «Исторического рассказа», будучи в 1676 г. в Москве, фон Кленк взял обещание с одного купца, что в случае, если ему удастся добиться для армян права свободной торговли с иностранными государствами через Архангельск, они будут привозить весь шелк не в Гамбург и не в Англию, «а в одну лишь Голландию»[87]. Далее он сообщает, что армянские купцы обещали, в случае невозможности продать шелк в Архангельске по сходной цене, продавать его только в Голландии[88].

Следовательно, Голландия стремилась монополизировать восточную торговлю с армянскими купцами. До 1686 г. в какой-то мере это ей удавалось. После 1686 г. положение изменилось. В 80-х годах XVII в. западноевропейские страны вновь предприняли попытки получить через Россию транзит в Иран или, по крайней мере, подобно голландцам, добиться права непосредственной торговли с армянскими купцами.

В эту борьбу включилась и Швеция. Превратив Балтийское море в свое внутреннее озеро и получив по Вестфальскому миру 1648 г. Померанию, устье Одера и Везера, Швеция стремилась теперь перенести торговлю с Белого моря на Балтийское. Как отмечает С. И. Архангельский, «по планам шведских дипломатов, должна была переместиться не только англо-голландская торговля с Москвой, но и восточная торговля с Индией и Ираном, шедшая через Астрахань, должна была на берегах Финского залива сомкнуться с западноевропейской торговой системой»[89]. 4 февраля 1673 г. шведский посланник Адольф Эбершильд подал в Посольский

[87] «Посольство Кунраада Фан-Кленка...», стр. 458.

[88] См. там же, стр. 458.

[89] *С. И. Архангельский*, Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в., стр. 20.

приказ записку, в которой указывалось, что, заключив тесный союз со Швецией, Россия избавила бы себя от внешних и внутренних осложнений, а перенеся архангельскую торговлю на Балтийское море, извлекла бы большую пользу от торговли с Западом, и иностранцы могли бы вместо одной поездки в Архангельск совершать ежегодно три в одну из Балтийских гаваней[90]. Однако, несмотря на некоторые неудобства Архангельска для регулярной торговли с заграницей (архангельский порт был открыт для судов лишь шесть месяцев в году), русское правительство не соглашалось перенести центр иностранной торговли в Новгород. Архангельск имел одно преимущество перед другими пунктами вывоза—через него можно было вести непосредственные торговые сношения с различными европейскими странами, независимо от характера отношений России с такими пограничными государствами, как Швеция и Польша[91].

Вопрос о перенесении центра иностранной торговли России из Архангельска в Новгород шведское правительство вновь подняло в 1686 г. В том же году через своего посла Фабрициуса оно добилось разрешения для армянских купцов ездить в Европу через западную границу, то есть через Новгород и Нарву.

Чем объяснить, что вопреки своей заинтересованности в архангельском направлении, Россия разрешила армянам транзит через западную границу? Е. С. Зевакин полагает, что это была уступка Ирану. «Для Армянской компании, следовательно, в интересах Персии,—пишет он,—было ближе сноситься с Западом через Новгород, чем через Архангельск. Путем такой экономической уступки можно было надеяться на выступление шаха против султана или, по крайней мере, на его благожелательный нейтралитет»[92].

Это одностороннее объяснение вопроса. Причина

---

[90] *Б. Г. Курц,* Сочинение Кильбургера о русской торговле..., стр. 1.

[91] См. *Н. А. Бакланова,* Привозные товары в Московском государстве, стр. 6.

[92] *Е. С. Зевакин,* Персидский вопрос..., стр. 153.

уступки заключалась и в другом. Дело в том, что 6 мая 1686 г. русское правительство подписало «вечный мир» с Польшей и присоединилось к Священной лиге европейских держав для борьбы против Османской империи. Поэтому торговля армян рассматривалась как политическая мера, усиливающая связи России со Швецией. Не случайно, что вступлению России в антитурецкий блок предшествовало предоставление армянам права выезда через Новгород в Швецию.

1 сентября 1686 г. джульфинские купцы Сафар Васильев и Ануш Варданов впервые получили разрешение на проезд в Новгород, а оттуда в Швецию[93]. После этого торговые обороты джульфинских купцов с заграницей производились в основном через Новгород, а с 1692 по 1697 гг. в Посольском приказе все поездки за границу зарегистрированы исключительно через Новгород[94]. После открытия новгородского пути вывоз армянскими купцами товаров за границу несколько возрос, увеличился и их ассортимент. Так, например, в 1690 г. через Новгород Сафар Васильев с товарищами вывез за границу 1305 пудов шелка-сырца[95]; в 1691 г. Г. Меркулов с 14 товарищами—1290 пудов различных товаров, в том числе 1107 пудов шелка-сырца на сумму 25 935 рублей, заплатив свыше 2586 рублей пошлины[96]. В 1694 г. группа из шести армянских купцов вывезла в Швецию различных восточных товаров на сумму 12 740 рублей, другая группа—518 пудов шелка-сырца и кумачей на сумму 12 852 рубля[97]. А в 1695 г. через Новгород за границу поступило товаров на сумму 23 083 рубля[98].

Если через Архангельск армяне торговали главным образом с Голландией, то через Новгород они вели торговлю преимущественно со Швецией и отчасти с Любеком. По данным Нарвской таможенной книги, в Любек направлялись многие армянские купцы. Так, например,

[93] ЦГАДА, ф. 100, д. за 1686 г., № 5.
[94] Там же, д. за 1692—1697 гг.
[95] ЦГАДА, ф. 100, д. за 1690 г.
[96] Там же, д. за 1691 г.
[97] Там же, д. за 1694 г.
[98] Там же, д. за 1695 г.

они вывезли туда в 1696 г. 67 300 фунтов шелка-сырца[99]. В том же году из Любека в Нарву прибыли со своими товарами 15 армян[100]. Основываясь на архивных документах, Х. Пийримяэ утверждает, что в Нарву в конце XVII в. прибыло много армянских купцов[101].

Из Новгорода армяне кроме Швеции и Любека проникали и в другие страны Европы, главным образом в Голландию, а также во Францию, Англию, Данию, Германию, Италию[102].

Следует отметить, что если в ирано-русской торговле кроме армянских купцов принимали участие также иранцы, азербайджанцы и т. д., то транзитной торговлей через Россию со странами Западной Европы занимались исключительно армянские купцы. Это видно из документов ЦГАДА. По этому поводу Н. Г. Куканова пишет: «На протяжении XVII в. в шелковой транзитной торговле через Россию участвовали только купцы джульфинской компании»[103].

Из списков товаров видно, что помимо шелка-сырца джульфинские купцы вывозили в Западную Европу разнообразные иранские и индийские товары. Русский транзитный путь играл большую роль и в импорте в Иран западноевропейских товаров.

Насколько значительным был импорт европейских товаров русским путем в Иран, видно из таких примеров. В 1684 г. купец Якуп Григорьев привез с собой из Голландии для ввоза в Иран «голландских сукон восемьдесят одну половину за широкими покроми 24 половинки, за узкими покроми 60 косяков стамедов большой руки, 192 косяка стамедов меньшой руки, 66 000 булавок, 252 000 игол, 6 пудов бисеру, 2 зеркала, 250 полос

---

[99] *Х. А. Пийримяэ*, Русско-шведские экономические отношения и нарвская торговля в 1661—1700 гг. (автореферат), Тарту, 1962, стр. 13.

[100] См. там же, стр. 23.

[101] См. там же.

[102] См. *Е. С. Зевакин*, указ соч., стр. 161.

[103] *Н. Г. Куканова*, Ирано-русские торговые отношения... (диссертация), стр. 147.

сабельных» и т. д. на сумму 7140 рублей[104]. Кроме того, на оставшиеся деньги, привезенные из-за границы, он купил в Москве «4 сорока 7 пар соболей, 40 пупков собольих, 15 фунтов струи бобровых, 14 фунтов танзы китайской, 40 чарок китайских, 150 аршин сукон английских и голландских за широкими и узкими покроми в остатках, половинка сукна английского, три половинки сукон анбурских (гамбургских), 14 дюжин ножиков, 4 коробки очков, 4 дюжины трубок зрительных, да всякой москотильной мелочи ценою на 50 рублев, лоскутья, соболья и кунья весом 3 пуда, дюжина зеркал немецких, фунт янтарю, 12 кувшинов китайских и немецких, два меха хорьковых»[105].

Большие партии товаров привезли с собой из Швеции купцы Ануш Вартанов и Сафар Васильев в 1688 г.[106]

Кроме указанных стран, джульфинские купцы поддерживали торговые связи и с другими европейскими странами. Например, с 70-х годов XVII в. через Россию ими велась торговля также с Бранденбургом. В 1670 г. в Москву приехал армянский купец Якуб Самокутли с письмом от бранденбургского курфюрста, удостоверявшим, что он принят на службу к курфюрсту в качестве агента для ввоза в Пруссию шелка-сырца и других иранских товаров через территорию России, и содержавшим просьбу предоставить ему эту возможность[107]. Русское правительство удовлетворило просьбу, потому что армяне имели право транзитной торговли. Бранденбург, слабый в торговом и экономическом отношении, не мог угрожать интересам России.

Возможно, что с Польшей и Бранденбургом армянские купцы торговали через Смоленск, который в этот период был основным пунктом торговли со странами, примыкавшими к западным сухопутным границам России. Не случайно, что представители Армянской торговой компании в прошениях к царю, наряду с Новгородом и Архангельском, упоминали также Смоленск. Так, например, они просили в случае отсутствия сбыта в Москве

[104] ЦГАДА, ф. 100, 1684, д. 3, л. 5.

[105] Там же, д. 5, л. 1.

[106] Там же, л. 6.

[107] См. *Е. С. Зевакин,* указ. соч., стр. 153.

разрешить им вывозить товары «в порубежные города в Великий Новгород и в Смоленск и к городу Архангельскому»[108].

Несмотря на ухудшение условий торговли в Иране, связанное с общим экономическим упадком страны, в последней четверти XVII в. ирано-русская, а также ирано-западноевропейская торговля через Россию велась довольно интенсивно. Русское правительство продолжало поощрять торговлю армянских купцов с Россией, а также через нее с Западной Европой. Так, в 1690 г. астраханскому и другим воеводам была послана царская грамота о том, чтобы они не препятствовали торговым делам армянских купцов и не нарушали условий торгового договора[109].

Даже в период напряженного внешнеполитического положения, связанного с подготовкой Азовских походов Петра I, русское правительство через иранского посла Мохаммеда Хосейна хан-бека сообщило в 1692 г. шаху о желании царя всемерно поощрять и развивать армянскую торговлю. Одновременно правительство указало воеводам понизовых городов, «чтоб тех армян в государство царского величества с товарами для торгового промыслу в порубежных городах ж они пропускали без задержания со вспомогательством без всякие помешки»[110]. В 1697 г. Петр I издал именной указ о содействии армянским купцам, приезжавшим из Ирана в Россию[111].

В этом отражалась заинтересованность России в укреплении русско-иранских политических и экономических связей. Даже когда русское правительство запретило в 1689 г. всем восточным купцам торговлю с западноевропейскими странами через Россию, оно сделало исключение для купцов Армянской торговой компании[112]. А. Иоаннисян объясняет это тем, что в отличие от всех остальных восточных купцов, занимавшихся частной торговлей, армянские купцы являлись торговыми пред-

---

[108] «Армяно-русские отношения...», т. I, стр. 49.

[109] См. там же, стр. 212—213.

[110] Там же, стр. 212.

[111] См. там же, стр. 244—245.

[112] См. «Русско-индийские отношения в XVII в.», док. 242.

ставителями иранского государства[113]. Это видно также из высказывания Лусикова—представителя джульфинской торговой компании в Посольском приказе. По его словам, «прежде персидские купчины брали товары взаймы из шаховой казны, казначей брал с них взятки и давал им роспись за шаховой печатью; а теперь, как состоялся договор с Армянской компанией, купчине казенных товаров уже не дают; бить челом персияне на армян не могут, потому что последним шах дал жалованную грамоту на вывоз шелка в Россию и грамотой этой переменить нельзя»[114].

Армяно-русская торговля, развернувшаяся при Петре I, сыграла известную роль в укреплении экономических, политических и культурных связей армян с русским государством, способствовавших зарождению и формированию русской ориентации армян[115].

Несмотря на некоторое увеличение объема торговли джульфинских купцов по Волжско-Каспийскому пути в последние два десятилетия XVII в., значения этой торговли не следует переоценивать. Некоторые исследователи придерживаются, на наш взгляд, неправильного мнения, что Волжско-Каспийский путь, после предоставления армянским купцам права транзита на Запад, приобрел для них решающее значение и что они меньше использовали турецкие транзитные пути[116]. Нам кажется, что правы те исследователи, которые не преувеличивают роли русского транзитного пути во внешней торговле Ирана XVII в. «Русско-персидская торговля в XVII в.,— писал Е. С. Зевакин,—была менее значительна, чем торговля Персии с Турцией, Индией и Европой. Это подтверждается наличием многочисленных торговых путей, соединявших Персию с Турцией, Индией и други-

[113] См. *А. Г. Иоаннисян*, указ. соч., стр. 449.

[114] *С. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. II, стр. 568.

[115] См. *В. К. Восканян*, Армяно-русские экономические отношения в XVII в. (диссертация), стр. 185.

[116] См. *В. Парсамян*, Из истории армяно-русских отношений, «Известия АН Арм. ССР», обществен. науки, 1952, № 7, стр. 78, а также *В. К. Восканян*, Армяно-русские экономические отношения в XVII в., стр. 156.

ми странами, а также тем обстоятельством, что европейские путешественники в своих описаниях уделяют главное внимание торговле с Европой, Турцией и Индией. Московские гости и торговые люди в своих «скасках» также утверждают, что главная часть персидского шелка вывозилась через Турцию морем»[117].

То же самое утверждает и А. Иоаннисян: «Как до заключения договора 1667 г., так и после этого через русские пути Иран ежегодно вывозил не более нескольких сот пудов, а в исключительных случаях максимум несколько тысяч пудов шелка-сырца, между тем через Турцию он ежегодно вывозил несколько сот тысяч пудов. Несмотря на то, что в последних десятилетиях XVII в. русско-иранские торговые отношения заметно оживились, тем не менее в течение всего XVII в. для армянских купцов Ирана русский транзит не получил исключительного значения»[118].

Как было сказано выше, заключив торговые договоры с русским правительством, Армянская компания дала твердое обещание прекратить вывоз шелка-сырца через Турцию, не продавать его иностранцам в Иране и организовать вывоз всего этого товара в западноевропейские страны через Россию. По данным представителей джульфинской торговой компании, в 60—70-х гг. XVII в. в Иране производилось ежегодно 4000 таев (вьюков) шелка-сырца, равных 8000 тюкам, каждый из которых весил 6 пудов. Следовательно, в Иране производилось 48 тысяч пудов шелка-сырца. Армянская компания обещала вывозить в Россию ежегодно около 40 тысяч пудов шелка-сырца[119]. Имеющиеся данные показывают, что армянские купцы привозили в Россию незначительную часть иранского шелка-сырца.

В делах Посольского приказа имеется много жалоб русских купцов правительству на то, что Армянская компания не выполняет своих обещаний. Дело дошло до того, что 2 апреля 1692 г. Посольский приказ через иранского посла потребовал от армянских купцов соб-

[117] *Е. С. Зевакин,* указ. соч., стр. 157.

[118] *А. Г. Иоаннисян,* указ. соч., стр. 448.

[119] См. «Армяно-русские отношения...», т. I, стр. 39, 71, 158.

людения условий договора, то есть отказа от турецкого транзитного пути и переброски всего иранского шелка-сырца в Россию[120].

Веским доказательством того, что армянские купцы привозили в Россию далеко не весь производившийся в Иране шелк-сырец может служить ведение торговли через Турцию и отчасти через Персидский залив. Главный поток иранского экспорта и импорта шел через Турцию.

Следует учитывать и то, что развитию ирано-русской торговли активно мешали западноевропейские державы. Не имея возможности поддерживать непосредственные торговые связи с Ираном через Русское государство или же, подобно голландцам и шведам, не торгуя непосредственно с армянским купечеством, Франция, Англия и некоторые другие страны были заинтересованы в укреплении торговых связей с Ираном и армянскими купцами через турецкий транзитный путь или через Персидский залив. Наряду с этим они рассматривали сближение Ирана с Россией как угрозу своим интересам.

Особенно характерна в этом отношении политика англичан. Предоставление русским правительством транзита армянским купцам противоречило английским планам переключения восточной торговли на океанский путь и в то же время давало возможность соперникам англичан, в первую очередь Голландии, установить непосредственную связь с армянскими купцами. Более того, голландцы использовали армянских купцов для сбыта своих промышленных товаров на восточных рынках. В целях нейтрализации соперников англичане стремились привлечь на свою сторону новоджульфинских купцов. Есть основания полагать, что упомянутый нами договор английской Ост-Индской компании с новоджульфинскими купцами от 22 июня 1688 г. был направлен не только против западноевропейских соперников Англии, но и против России. На это указывает А. Иоаннисян, по мнению которого договором 1688 г. «англичане, с одной стороны, наносили удар французам, прочно обосновав-

[120] См. ЦГАДА, ф. 77, оп. 1, 1690—1692, ед. хр. 1, лл. 58. 59.

шимся в Алеппо, а с другой—ирано-русской торговле»[121].

По данным Месропа Сета, после заключения договора вывоз шелка-сырца новоджульфинскими купцами через Персидский залив[122] значительно увеличился. Очевидно, это было одной из причин невыполнения джульфинцами обещания о вывозе всего иранского шелка-сырца в Россию.

Но так как и англичане не сумели переключить всю торговлю джульфинских купцов на океанский путь, в конечном счете им не удалось значительно ослабить русско-иранскую и ирано-западноевропейскую торговлю через Русское государство.

Следовательно, благодаря усилиям джульфинского купечества для внешней торговли Ирана помимо турецких транзитных путей большое значение приобрел русский Волжско-Каспийский транзитный путь. Вся торговля по этому пути в XVII в. была связана с деятельностью армянских купцов Новой Джульфы.

---

[121] *А. Г. Иоаннисян*, указ. соч., стр. 452.

[122] См. *M. Seth*, указ. соч., стр. 290.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РОЛЬ НОВОЙ ДЖУЛЬФЫ В ПЛАНАХ ПРОНИКНОВЕНИЯ В ИРАН ВАТИКАНА И КАТОЛИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ

В XVII в. борьба между европейскими странами на Востоке приняла ожесточенный характер. Усилилось влияние на страны Востока тех европейских государств, в которых уже произошли буржуазные революции (Англия и Голландия) или в феодальном обществе которых сложился капиталистический уклад (Франция и др.). Начиная с XVII в. страны Востока стали источником первоначального накопления европейского капитала[1].

В целях торгового и политического проникновения в восточные страны молодая европейская буржуазия стала использовать самые разнообразные формы и методы. Наряду с капитуляционными правами, кабальными торговыми и политическими договорами, она широко использовала также религиозную пропаганду.

Как отмечалось, в XVII в. европейские державы придавали ряду восточных стран, в частности Ирану, большое значение. Иран представлял для них интерес не только с военной и политической точки зрения, как существенный фактор в борьбе против Османской Турции, но и как страна, расположенная на морских и сухопутных коммуникациях в Индию и на Дальний Восток, представляющая собой солидный рынок для сбыта европейских промышленных товаров и располагающая ценными видами сырья для европейских мануфактур.

Еще до колониального проникновения западноевропейских держав в Иран миссионеры папы Римского и

[1] См. «История Ирана с древнейших времен...», стр. 266.

разных монашеских орденов, подчинявшихся европейским католическим монархам, собирали информацию об Иране. Они знакомили Запад с особенностями экономической, политической, социальной и культурной жизни страны, указывали на выгоды, которые господствующие классы держав Запада могли бы извлечь в Иране. Тем самым они играли роль авангарда западноевропейских колонизаторов в Иране[2].

Во второй половине XVI в. Ватикан наводнил Восток католическими миссионерами. Как известно, реформационное движение охватило в XVI в. многие страны Европы, и лютеранство нашло много сторонников. Католической церкви и папству был нанесен большой урон. В результате реформационного движения к середине XVI в. от католицизма отпали церкви Англии, Шотландии, частично Германии и Швейцарии. Успех реформации и народные движения против церкви вызвали беспокойство папы Римского и всего феодального мира Европы.

Поэтому со второй половины XVI в. католическая реакция усилилась. С целью восстановления своего былого веса и авторитета в Европе Ватикан предпринял меры по широкому духовному завоеванию Востока, стремясь обратить в католичество восточных «еретиков» и «неверных».

Особенно широкое проникновение миссионеров в Иран наблюдается в конце XVI в. и начале XVII в. Обычно миссионеры прибывали в Иран с рекомендательными письмами от своих правительств, а иногда и в качестве их посланников. В письмах затрагивался весьма актуальный в тот период вопрос о заключении ирано-европейского союза против Порты. Наряду с этим в них содержались предложения и просьбы о привилегиях в области торговли, покровительстве христианам и разрешении вести свободную проповедь католицизма в Иране[3].

Обосновавшись в Иране, миссионеры, как правило, выступали как посредники между державами За-

[2] См. *М. Г. Панахиян*, О режиме капитуляций в Иране..., стр. 14.

[3] См. *Berthold*, указ. соч., стр. 246, 247.

пада и Ираном, зачастую выполняли дипломатические поручения шаха и оказывали ему другие услуги. Католическая церковь вскоре добилась в Иране ряда прав и привилегий[4].

Пользуясь этими правами и привилегиями, миссионеры развернули в Иране широкую религиозную пропаганду. Согласно заявлениям миссионеров, их единственной целью была «проповедь Евангелия и обращение еретиков и неверных»[5]. В действительности же их деятельность отвечала целям укрепления позиций европейских держав в Сефевидском государстве. Об этом красноречиво говорит то, что, как правило, миссионеры обосновывались в районах или городах, расположенных на торговых путях: в Ормузе, Исфагане, Тавризе, Султание, Мараге, Шемахе и т. д. Они всячески старались получить у Сефевидского государства торговые привилегии для своих покровителей. Августинский монах Антонио де Гувеа, в частности, писал, что ему удалось получить от шаха Аббаса I разрешение для испанцев и португальцев вести торговлю во многих иранских городах[6]. Миссионеры передавали европейским католическим монархам информацию об экономическом и политическом положении Ирана, о его политических взаимоотношениях с иностранными государствами, сведения о дворе и т. д.[7] М. Г. Панахиян отмечает, что «добившись значительных привилегий во многих странах Востока, в частности в Иране, католическая церковь сыграла чрезвычайно важную роль в установлении западноевропейскими колонизаторами кабального режима капитуляций»[8].

Как известно, на раннем этапе зарождения режима капитуляций в восточных странах, в частности в Иране, колонизаторы сначала получали разрешение на «простое поселение», «пропаганду христианства» и «торговлю»,

---

[4] См. *М. Г. Панахиян,* О режиме капитуляций в Иране..., стр. 15.

[5] „A Chronicle of the Carmelites...", 1, стр. 10.

[6] См. *A. de Gouvea*, Relation..., стр. 181—183.

[7] نصرالله فلسفی زندگانی...، جلد ۲، ص ۹۱—۹۲

[8] *М. Г. Панахиян,* О режиме капитуляций в Иране..., стр. 15

в затем добивались более существенных экономических и политических привилегий, таких, как право на аренду, основание банков, вложение капиталов, право экстерриториальности и др.

* * *

Миссионеры развернули в Иране в первое время широкую деятельность как среди мусульманского, так и христианского населения. Однако убедившись в том, что проповедь католицизма среди мусульман вызывает сильное противодействие шиитского духовенства и шахского правительства*, католические миссионеры были вынуждены ограничиться в основном христианским населением—армянами, несторианцами, яковитами и т. д.

Армяне, составлявшие большинство местного христианского населения, стали основным объектом деятельности миссионеров[9].

Конгрегация «Пропаганды веры»** в своих инструкциях католическим миссионерам в Иране неоднократно указывала на важность миссионерской деятельности среди армянского населения[10]. Не случайно, например, что по прибытии в Исфаган в 1607 г. кармелиты отправили в Рим донесение, подробно говорившее о положении армян в Сефевидском государстве[11]. В одной из инструк-

---

* По данным архивных материалов, Аббас I жестоко наказывал мусульман, принявших католичество или христианскую веру, вплоть до сожжения обращенного и его близких родственников. Одновременно он строго наказывал миссионеров. نصرالله فلسفی، زندگانی...، جلد سوم، ص ۹۱—۹۲

[9] См. *В. В. Бартольд,* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 113.

** Конгрегация пропаганды веры («Propaganda fide») была основана папой Григорием XV в 1622 г. Она представляла собой высшую инстанцию, которой подчинялись миссионеры, обладала огромными финансовыми средствами и пользовалась поддержкой европейских католических монархов.

[10] См. „A Chronicle of the Carmelites..." I, стр. 191, 197—198.

[11] См. там же, стр. 155—157.

ций Рима, озаглавленной «Способ обращения с армянами», миссионерам давались подробные советы, рекомендовались методы работы среди армянского населения и т. д.[12]

Миссионеры от имени своих государей требовали, чтобы шах содействовал обращению армян в католичество. Они утверждали, что наличие в пределах Сефевидского государства христиан, не признающих власти папы, оскорбительно для их государей[13].

Новая Джульфа была наиболее важным объектом деятельности католических миссий. Анонимный публикатор «Хроники кармелитов» писал, что кармелитская миссия в Исфагане «начала концентрировать свое внимание на армянах Новой Джульфы и оставила свою первоначальную добычу—мусульман»[14]. Причины особого внимания миссионеров к Новой Джульфе известны: с первых же лет своего возникновения она играла значительную роль в экономической жизни Ирана, одновременно оказывая большое влияние на общественно-религиозную жизнь армян как Ирана, так и Армении*.

В своей деятельности миссионеры рассчитывали на помощь джульфинской католической общины. По-видимому, она была довольно многочисленной. Это подтверждается тем, что еще у армян-католиков Старой Джульфы был свой костел[15], а в Новой Джульфе они постро-

[12] См. „Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères", t. III, Paris, 1780, стр. 144—149.

[13] *Г. А. Эзов,* Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб., 1898, стр. XIII.

[14] „A Chronicle of the Carmelites...," II, стр. 1072.

* С конца XVI в. джульфинцы оказывали влияние на Эчмиадзин. Пользуясь своим положением при дворе иранских шахов, они выдвигали на патриарший престол своих кандидатов. Начиная с 1603 г., при жизни двух католикосов, джульфинцы возвели на патриарший престол своего избранника вардапета Срапиона. Когда в 1613 г. католикос Меликсет без согласия новоджульфинского купечества послал в Рим официальное письмо с выражением своей готовности принять главенство папы Римского, джульфинское купечество склонило шаха Аббаса к аресту католикоса, чтобы аннулировать его решение.

[15] См. *Г. Алишан,* Сисакан, стр. 413.

ли церковь, которая и стала базой миссионеров. Последние опирались на армян-униатов Новой Джульфы.

Чтобы завоевать расположение и доверие населения колонии, миссионеры занимались благотворительностью—оказывали бесплатную медицинскую помощь, обучали детей и т. д.[16] Армянское население в первое время положительно относилось к католическим миссионерам. Объясняя причины этого, Г. Эзов отмечает, что «армяне, живя под мусульманскою властью и среди мусульман, с большой любовью и предупредительностью принимали к себе миссионеров как братьев-христиан, оказывая им всяческую поддержку, духовенство же не только разрешало, но даже иногда само предлагало пользоваться для богослужения армянскими церквами и произносить там проповеди»[17].

При шахе Аббасе I особенно активную деятельность среди армян Ирана развернули испанские и португальские миссионеры из орденов августинцев и доминиканцев, появившиеся в конце XVI в. в Ормузе и Исфагане. Проникновение их в Иран особенно усилилось в начале XVII в., когда в районе Персидского залива обострились ирано-португальские противоречия, а в дальнейшем и испано-английские. В 1602 г., как уже отмечалось, из Гоа в Иран прибыли монахи-августинцы Пьер Жером де ла Круз, Кристоф де Сант Эстрит и Антонио де Гувеа[18]. Помимо разрешения торговых и политических вопросов они должны были добиться позволения шаха открыть в Иране, в частности в Исфагане, католические церкви и его покровительства проживавшим в Иране христианам[19]. Шах обещал монахам, удовлетворить их просьбу, если испанский король начнет войну против Османской Турции[20]. Ответ шаха показы-

[16] См. *Аик Аджемян*, Латинские надписи старых надгробий армянского кладбища Новой Джульфы, «Базмавеп», 1944, № 1—6, стр. 42—43.

[17] *Г. Эзов*, указ. соч., стр. XV.

[18] См. *A. de Gouvea*, Histoire orientale des grande progrès de l'Eglise catholique, Bruxelles, 1609, стр. 705.

[19] См. там же, стр. 716—717.

[20] См. там же.

вает, что он противопоставлял политическим целям католических миссионеров свои политические цели.

Одним из важнейших вопросов переговоров испанского двора с шахом Аббасом I было требование покровительства испанским и португальским миссионерам, а также предоставления им свободы действия среди христианского населения, в частности среди армян.

Поддерживаемые испанским королем, августинцы считали себя единственными покровителями армян[21], утверждая, что Восток разделен между орденами на сферы влияния и Иран предоставлен им. Цель их была ясна. «Экспансионистские намерения Филиппа III в странах Переднего Востока,—пишет Э. М. Шахмалиев,—сказались и в политике насаждения католицизма среди местного армянского населения Сефевидского государства»[22].

Шах Аббас I, заинтересованный в установлении торговых и политических связей с Испанией, всячески покровительствовал испанским миссионерам, предоставляя им «свободу действий» среди армянского населения Ирана. Более того, он использовал армян в качестве одного из средств достижения своих политических целей. Например, на предложение испанского посла де Гувеа в 1607 г. о гарантированном вывозе испанцами шелка-сырца через юг Ирана в Европу шах Аббас I предложил королю отправить в Иран высокопоставленного католического монаха, чтобы возглавить всех христиан Ирана. При этом он обещал заставить Эчмиадзин* признать его верховенство[23].

Такие обещания шах Аббас давал и другим католическим монархам Европы, а также папе Римскому. Так, в 1599 г. Антони Ширли заверял папу Римского, что если европейские державы помогут Ирану, шах Аббас принудит всех христиан, проживавших в Иране,—армян, гру-

---

[21] См. „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 265.

[22] *Э. М. Шахмалиев*, Об англо-испанских противоречиях на Переднем Востоке в 80—90-х гг. XVI в. и первой четверти XVII в., «Уч. зап. Аз. госунта им. С. М. Кирова», гуманитарная серия, 1958, № 1, стр. 83.

* Эчмиадзин—первопрестол армянской григорианской церкви.

[23] См. письмо Антонио де Гувеа в кн.: نصرالله فلسفی، زندگانی ... جلد ۴، ص ۱۷۷.

зин, яковитов, несториан и т. д.—принять главенство папы Римского[24]. В письме папе Павлу V, переданном через Роберта Ширли, шах просил прислать в Эчмиадзин высших католических монахов, «чтобы армяне официально объявили им о своем желании признать главенство римского престола»[25]. Примечателен и следующий факт. Когда шах Аббас I узнал, что германский император Рудольф II подписал с турецким султаном Ахмедом мир, нарушив обещание заключить с Ираном военный союз против Порты, он разгневанно заявил Антонио де Гувеа: «После этого как вы смеете просить у меня разрешения построить в моей стране церкви и чтобы я заставил армян признать главенство папы»[26].

Попытки католической церкви подчинить армянскую григорианскую церковь римскому престолу не были случайными. Еще в период крестовых походов Рим и католические державы Европы безуспешно пытались подчинить себе армянскую церковь путем обращения в католичество высшего армянского духовенства и прежде всего самого католикоса. В XVII в. эти попытки усилились[27]. По заданию Рима наиболее влиятельные миссионеры систематически посещали католикоса. Так, в письме от 25 ноября 1629 г. на имя префекта конгрегации «Пропаганды веры» кардинала Людовика фра Тимас писал: «В Джульфе я имел встречу с недавно избранным патриархом (католикосом) Мосесом* и согласно вашей инструкции имел беседу с ним относительно религиозных вопросов»[28]. Надо полагать, что в ходе этих бесед представители Рима не ограничивались лишь толкованием религиозных догм, а склоняли католикоса к признанию главенства папы Римского.

---

[24] „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 73, 78.

[25] Там же, стр. 148.

[26] *A. de Gouvea*, Relations..., стр. 426.

[27] См. *Л. А. Семенова*, Орден кармелитов как орудие проникновения европейцев в Иран (по матер. «Хроники кармелитов»). Сб. «Ближний и Средний Восток», М., 1962, стр. 98; ср. *Махакия Орманян*, Азгапатум, ч. II. Константинополь, 1914, стр. 2357.

* Речь идет о католикосе Мовсесе Татеваци (1629—1632).

[28] „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 319.

Миссионеры, не сумевшие заставить Эчмиадзин подчиниться Ватикану, старались использовать для достижения этой цели лично шаха. Последний, по известным причинам, шел навстречу этим попыткам миссионеров, не останавливаясь даже перед обещаниями разрушить Эчмиадзин и лишить армян их духовного центра. В 1607 г. специальным фирманом шах Аббас приказал разрушить Эчмиадзин, а его камни перевезти в Иран якобы для строительства «нового великолепного храма в Исфагане, который носил бы название Эчмиадзин»[29]. Во исполнение этого приказа в 1614 г. 50 камней, извлеченных из здания эчмиадзинского храма, а также священные предметы и реликвии были перевезены в Исфаган[30].

Причастность к этому папы Римского и европейских католических государей подтверждается фирманом шаха Аббаса о разрушении Эчмиадзина. Он начинается с заявления о дружбе Сефевидского государства с «христианскими королями и папой Римским». «Мы собираемся,—говорилось в фирмане,—после постройки храма в Исфагане послать человека в Рим к Его Высочеству Папе с просьбой отправить в нашу столицу одного высокопоставленного христианского священника для совершения в этом храме церемонии поклонения всемогущему»[31].

Нет сомнения в том, что «Новый Эчмиадзин» должен был стать опорой католицизма в Иране.

Шаху Аббасу I не удалось разрушить Эчмиадзин. По мнению некоторых историков, этому помешало восстание в Грузии и осада в 1616 г. турецкой армией Еревана[32].

Однако в действительности были другие причины. Одной из них является ухудшение отношений иранского

---

[29] *А. Даврижеци*, указ. соч., стр. 212—213; ср. «Архив армянской истории», изд. Гют Аганьянц, кн. 10, Тифлис, 1912; «Памятная запись Григора Варагеци», стр. 58—60; а также «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», составил В. А. Акопян, т. I, Ереван, 1951, стр. 317.

[30] См. «Архив армянской истории», стр. 62.

[31] نصرالله فلسفی، زندگانی...، جلد سوم، ص ۲۱۵—۲۱۶

[32] См. *А. Кюрдян*, Джульфинец ходжа Назар, стр. 16.

правительства с Испанией. Как отмечалось ранее, в 20-х годах XVII в. шах уже не делал ставку на Испанию. Изменение отношения к Испании повлекло за собой и изменение отношения шаха к деятельности католических миссионеров в Иране. Кроме того, шахское правительство сблизилось с Англией, которая не только враждовала с Испанией, но и, будучи протестантской страной, боролась против автократических тенденций папы Римского. Примечательно, что уже после изменения своей политики в отношении Испании шах Аббас на просьбу Антонио де Гувеа приказать армянскому католикосу поехать с ним в Европу для принятия главенства папы демагогически заявил: «Вы знаете, что в моей стране каждый свободен жить так, как ему хочется, и исповедовать ту религию, которая более близка его сердцу. Поэтому я не могу заставить армянского патриарха, чтобы он сопровождал вас»[33]. Шах Аббас даже пошел дальше и пытался пресечь подобные попытки папы в Иране. Так, в своем донесении в Рим кармелит Поль Симон сообщал, что шах Аббас задал ему вопрос: «Отдавала ли Его Светлость (папа Римский.—**В. Б.**) приказ отцам-августинцам изменить веру армян, которой они придерживаются более чем 1000 лет, и обратить их в португальских и испанских подданных...»[34].

На основании архивных источников новоджульфинского собора Аменапркич А. Тер-Ованян свидетельствует, что перенесением Эчмиадзина в Исфаган папа Римский и католические монархи Европы стремились обратить армян Новой Джульфы в католичество и полностью подчинить их своему влиянию. По их настоянию шах должен был построить «Новый Эчмиадзин» именно в Исфагане, около Новой Джульфы, чтобы тем самым помочь им быстрее осуществить свои планы.

Против подчинения Риму выступило крупное джульфинское купечество во главе с калантаром Новой Джульфы ходжа Назаром. Оно оказало решительное сопротивление происках Рима и использовало свой авторитет и влияние на шаха для ликвидации этой угро-

[33] *A. de Gouvea*, Relations..., стр. 455.

[34] „A Chronicle of the C rmelites...," I, стр. 129.

зы[35]. Что касается шаха Аббаса I, то он хорошо понимал что джульфинское купечество в случае обращения в католичество станет опорой европейских держав в Иране. Шах также отдавал себе отчет в том, что это означало бы для него потерю влияния на джульфинский торговый капитал. Такая перспектива его не устраивала. Вот почему он стал медлить с перенесением Эчмиадзина в Исфаган, пока в силу изменившейся обстановки вовсе не отменил свой приказ.

Двойственная политика сефевидских властей в отношении армян Новой Джульфы и вообще армянского населения Ирана исходила из экономических и политических целей страны, когда это зависело от европейских держав, и одновременно из заинтересованности в сохранении власти над армянами, так как власти видели в них своих подданных и торговых посредников, через которых получали большие прибыли[36].

После изгнания в 1622 г. португальских колонизаторов из Ормуза испанский король Филипп III продолжал засылать миссионеров в Иран с поручением бороться против дальнейшего проникновения англичан в Иран и Персидский залив[37].

* * *

Выше уже говорилось, что феодально-абсолютистская Франция начала свое проникновение на Восток несколько позже других западноевропейских стран. К тому времени Португалия, Испания, а затем Англия и Голландия уже занимали прочные позиции на морских путях в Индию. Как отмечает иранский историк Қазем Садр[38], Франции оставалось установить связи с Индией сухопут-

---

[35] См. *А. Тер-Ованян*, указ. соч., I, стр. 53—56.

[36] См. *Т. А. Акопян*, Борьба армян против ассимиляторских стремлений католических миссий в Иране в XVII—XVIII вв., «Востоковедческий сборник», Ереван, 1960, № 1, стр. 72.

[37] پاتاهیان محمود فرزند غلامحسین، там же ص ۱۴۸

[38] کاظم صدر، там же ص ۸۶

ным путем через Турцию и Иран*. Для этого французскому торговому капиталу необходимо было сначала занять позиции на иранском рынке. Но и независимо от этого плана Иран представлял для Франции интерес как сырьевая база и рынок сбыта французских товаров.

Будучи инициатором расширения французской торговли с Востоком, кардинал Ришелье систематически засылал в восточные страны, в том числе и Иран, своих агентов—католических миссионеров. В 1627 г. в качестве послов французского короля прибыли в Исфаган монахи-капуцины Габриэль, Жуст и Пацифик[39], которым удалось открыть там церковь. В 1628 г. в Иран прибыли два других миссионера из ордена францисканцев—Провинс и Чинон[40], а за ними вскоре последовали другие миссионеры, обосновавшиеся в Новой Джульфе.

Французские миссионеры усердно изучали положение страны, особенно ее внутреннюю и внешнюю торговлю, и в донесениях своему правительству и генералам католических орденов сообщали весьма интересные сведения об экономике Ирана[41].

Особенно усилилось проникновение французских миссионеров в Иран в период правления Людовика XIV (1643—1715). Подчеркивая исключительно важное значение религиозной пропаганды для распространения французского влияния на Востоке, Людовик XIV говорил: «Торговля и религия должны быть дополнением друг друга»[42].

Подчинение Востока экономическим и политическим интересам Франции с помощью миссионеров облегчалось тем, что феодально-абсолютистская Франция при Людовике XIV широко пользовалась поддержкой папы Римского. В XVII в. Франция начала занимать главенствующее положение среди католических стран. Папа

---

* То есть восстановить пути, действовавшие до открытия морского пути в Индию. Сама по себе задача была явно ретроградного характера и поэтому не могла иметь перспектив.

[39] См. „A Chronicle of the Carmelites...," I, стр. 283.

[40] См. *Gabriel Chinon*, Relation nouvelle de Levant, Lyon, 1671.

[41] См. *А. Зонненштраль-Пискорский*, указ. соч., стр. 48.

[42] FA ص там же. كاظم صدر

Римский стремился к сотрудничеству с Людовиком XIV, и в конечном счете политика папского престола во второй половине XVII в. привела к подчинению интересам Франции всей деятельности огромной армии миссионеров на Востоке.

Поборником проникновения французского торгового капитала на Восток выступал Кольбер. С этой целью были направлены в восточные страны, в частности в Иран, многочисленные французские миссионеры. Наиболее активную деятельность развернул в Иране орден иезуитов, пользовавшийся особым покровительством французского абсолютизма. Иезуиты обычно прибывали в Иран с рекомендательными письмами папы Римского и французского короля[43].

Французский историк Томази пишет, что французские миссионеры, в частности из «общества Иисуса» (иезуиты.—**В. Б.**), превратились в лучших помощников, если не инициаторов французской политики колониальной экспансии»[44].

Пребывание в Иране французских монахов тревожило англичан и голландцев, не без основания видевших в них не только представителей французского короля, но и агентов наступающего на Иран французского торгового капитала. Проникновение иезуитов в Иран привело к обострению борьбы европейских держав за их торговые интересы в этой стране. Однако наиболее упорное сопротивление французские миссионеры встретили со стороны торговых соперников Франции—голландцев. Так, например, узнав что французский епископ Бернар ведет тайные переговоры с шахом о разрешении на создание в Исфагане фактории французской Ост-Индской компании, голландцы немедленно приняли контрмеры, вплоть до покушения на жизнь Бернара[45].

Это лишний раз подтверждает, что французские и папские миссионеры при шахском дворе были не чем иным, как проводниками колониальной политики Франции, определявшейся прежде всего стремлением обеспе-

[43] См. *Chardin*, указ. соч., t. VIII, стр. 106.

[44] *T. Tomazi*, La Conquête de l'Indochine, Paris, 1931, стр. 11.

[45] См. „A Chronicle of the Carmelites...," 1, стр. 349.

чить соответствующим торговым компаниям доступ к иранскому шелку-сырцу[46].

Французские миссионеры сосредоточили свое главное внимание на Новой Джульфе—центре армянского торгового капитала. В 1645 г. иезуиты во главе с Ригурди основали там миссию[47]. Французский монах-капуцин Рафаэль дю Ман, проживший почти полвека в Иране (1645—1696) и детально изучивший его экономику, написал книгу[48], в которой посвятил армянам специальную главу под заглавием «Сведения о торговле, которую Франция может вести через армян. Виды товаров, которые армяне могут вывозить из Леванта»[49]. В списке иранских товаров на первом месте он поставил шелк-сырец, затем кирманскую шерсть, разноцветные кожи, чернильный орешек, краски, ковры, парчу, жемчуг, драгоценные камни и т. д.[50]

Французские миссионеры неуклонно добивались сотрудничества армянского купечества с французским торговым капиталом. Особенно активную деятельность в этом направлении они начали после заключения джульфинским купечеством торговых договоров с Русским государством (1667 и 1673 гг.), а также с английской Ост-Индской компанией (1688 г.). Как отмечает Лео, эти договоры представляли угрозу французским торговым интересам, так как вывоз иранских товаров по ним должен был производиться не через Ближний Восток, откуда велась французская торговля с Левантом[51].

Особенно встревожил французов договор 1688 г. и попытка англичан переключить всю иранскую торговлю на океанский путь. Рафаэль дю Ман в этой связи отмечал, что в результате соперничества англичан вся внешняя торговля Ирана может быть направлена по

---

[46] См. *Н. А. Семенова*, Орден кармелитов..., стр. 106.

[47] См. *Chardin*, указ. соч., t. VIII, стр. 105—106.

[48] См. *Raphael du Mans*, Estat de la Perse en 1660, Paris, 1890. Эту книгу дю Ман посвятил Кольберу. Не исключена возможность, что она была написана по заданию последнего.

[49] Там же, стр. 342—353.

[50] См. там же, стр. 367.

[51] См. *Лео*, Ходжаякан капигал, стр. 118.

океанскому пути и Марсель может полностью потерять свое значение[52]. Отсюда Рафаэль дю Ман делал вывод, что Франция должна стремиться к тому, чтобы вывоз иранских товаров происходил исключительно через турецкий транзитный путь. Вместе с тем, французские миссионеры активно старались привлечь армянскую торговую буржуазию на сторону Франции, чтобы тем самым, как пишет Рафаэль дю Ман, «наша нация прочно обосновалась на Востоке. И чтобы французская торговля навсегда была гарантирована»[53].

Для достижения этих целей французские монахи и сотрудничавшие с ними папские миссионеры старались всемерно укреплять позиции армянской католической общины Новой Джульфы, вовлекать в нее наиболее крупных и влиятельных купцов колонии. В этом направлении они достигли значительных успехов. Часть крупного купечества, тесно связанная с европейскими католическими странами, в частности с Францией, приняла католичество. В Новой Джульфе они построили несколько церквей[54], многие католические резиденции города содержались на их средства. Например, миссионеры кармелитского ордена получали от Шариманянов—лидеров католической общины в Джульфе—ежегодную субсидию в 500 скуди и значительную сумму в виде процентов с вклада, внесенного французским путешественником Таверньe. Кроме того, кармелиты пользовались частью доходов с принадлежавшей Шариманянам общественной бани[55]. Благодаря финансовой помощи Шариманянов миссии некоторых католических орденов были настолько обеспечены, что не нуждались в помощи Рима и католических монархов Европы[56]. В Новой Джульфе они смогли открыть школу для воспитания армянских юношей в духе католицизма[57].

---

[52] См. *Raphael du Mans*, указ. соч., стр. 361.

[53] Там же, стр. 369.

[54] См. *А. Тер-Ованян*, указ. соч., стр. 265.

[55] См. „A Chronicle of the Carmelites...," I, стр. 500, 515; II стр. 1078, 1080.

[56] См. там же, I, стр. 457; II, стр. 1081—1082.

[57] См. там же, I, стр. 485.

Людовик XIV постоянно ходатайствовал перед шахом о покровительстве армянским католическим общинам и предоставлении им привилегий. В письме шаху Сулейману от 23 июня 1667 г. Людовик XIV просил о «справедливости» к армянам, принявшим католицизм, посредством издания закона, в силу которого упорствующие в «ереси» армяне лишались бы права наследования имущества своих родственников[58]. Он ходатайствовал также об облегчении податей, налагавшихся на армян-католиков. Людовик XIV писал, что он лично заинтересован в преимуществах, которые будут дарованы армянам-католикам[59]. В. Брюсов верно подметил, что «европейские государи иногда действительно выступали ходатаями за армян перед султаном или шахом, но всегда имея в виду исключительно армян, принявших католицизм»[60].

Вопрос религиозной пропаганды и покровительства католикам был важным рычагом европейской, в частности французской, дипломатии[61], использовавшей ее в качестве орудия постоянного вмешательства во внутренние дела Сефевидского государства.

Одним из методов Ватикана и европейских держав было разжигание среди армян идеи национального освобождения. В XVII в. в Европе повсеместно трубили о новом крестовом походе на Восток[62]. Восточные христиане, обманутые западной дипломатией, связывали свои надежды с Римом и католическими державами.

С развитием во второй половине XVII в. в среде армян движения против иноземного ига, в котором григорианская церковь играла большую роль, армянское духовенство стало рассчитывать на помощь европейских держав[63]. В свою очередь европейские державы через

---

[58] См. *Raphael du Mans*, указ. соч., appendice, XXXVII, стр. 321.

[59] См. *Г. Эзов*, указ. соч., стр. XIV.

[60] *В. Брюсов*, Летопись исторических судеб армянского народа, М., 1918, стр. 99.

[61] См. *Т. Акопян*, Борьба армян..., стр. 269.

[62] См. *А. Анасян*, Освободительные движения в Западной Армении в XVII в., Ереван, 1962, стр. 94 (на арм. яз.).

[63] См. *А. Иоаннисян*, указ. соч., стр. 487.

миссионеров пропагандировали ту мысль, что армяне могут освободиться от религиозного и национального гнета турок и иранцев только с помощью западных государей и папы Римского[64].

Особенно активную агитацию в этом направлении вели французские миссионеры. По выражению Лео, «среди армян они старались разжечь ту старую надежду, что лишь обращением в католичество можно приобрести политическую свободу»[65].

* * *

Основная часть купечества Новой Джульфы была связана с армянской церковью и григорианским духовенством. Поэтому она выступала против католической веры, следовательно и против местной армянской католической общины. Имея, однако, тесные торговые связи с европейскими католическими странами, эта часть джульфинского купечества была вынуждена скрывать истинное отношение к миссионерам, чтобы не повредить своим торговым интересам в Европе. Более того, нелояльное отношение к католическим миссионерам в конечном счете могло вызвать недовольство иранского правительства, весьма дорожившего своими политическими и торговыми связями с европейскими католическими державами[66]. По этому поводу Шарден отмечает, что «армяне уважали католиков постольку, поскольку иранское правительство уважало европейцев»[67].

Из переписки миссионеров с папой Римским и со своими генералами видно, что джульфинское купечество относилось к миссионерам лояльно.

Характерно, что джульфинские купцы зачастую оказывали миссионерам практическую помощь. Так, они помогали миссионерам содержать школу в Новой Джульфе[68], совместно с купцами-католиками дали

[64] См. *А. Замшян*, История армянской церкви, т. II, Нор-Нахичевань, 1909, стр. 93 (на арм. яз.).

[65] *Лео*, Армянское книгопечатание, I, стр. 239.

[66] См. *Г. Эзов*, указ. соч., стр. XV.

[67] *Chardin*, указ. соч., t. VIII, стр. 110.

[68] См. „A Chronicle of the Carmelites", I, стр. 318—319.

согласие на финансирование специальной семинарии в Риме[69]. В этом отношении особенно характерно поведение калантаров Новой Джульфы. Многочисленные документы архивов Ватикана свидетельствуют о связях калантаров и крупного армянского купечества Новой Джульфы с папскими и французскими миссионерами. Так, в августе 1629 г., через папского нунция во Франции Рим отправил калантару Новой Джульфы ходжа Назару письмо, в котором говорилось, что взамен его доброжелательного отношения к миссионерам он удостоится чести «стать бессмертным в памятной книжке апостольского святого престола»[70]. Аналогичное письмо от 5 января 1633 г. ходжа Назар получил и от кармелитов. 9 августа 1653 г. кармелит Балтазар сообщал из Исфагана в Рим: «Мы здесь находимся в очень хороших отношениях с главой (калантаром) Джульфы по имени Сарфраз, который делает большое добро для папы и кармелитских отцов»[71].

Взамен этого миссионеры содействовали армянским купцам в их торговле в европейских католических странах, в том числе и во Франции[72]. С ведома Рима миссионеры давали армянским купцам рекомендации для свободной торговли в европейских странах[73], подыскивали для них в Европе контрагентов по торговле[74], через миссионеров купцы получали из европейских стран деньги и товары и т. д.[75] По просьбе джульфинских купцов миссионеры обратились даже к папе Римскому с просьбой оказать давление на испанского короля, чтобы он предотвратил бесчинства португальцев в Ормузе[76]. Естественно, что эти личные связи джульфин-

[69] См. там же, стр. 165, 191. В целях подготовки помощников из местного населения кармелиты еще в начале XVI в. добились открытия в Риме специальной семинарии для обучения армянских юношей.

[70] «Андес амсорея», 1933, № 7—8, стр. 384—386.

[71] „A Chronicle of the Carmelites.. ," I, стр. 378.

[72] См. там же, стр. 318.

[73] См. там же.

[74] См. там же, стр. 295, 375; II, стр. 1073.

[75] См. там же, I, стр. 378, 505.

[76] См. там же, стр. 375.

ского купечества с католическими миссионерами объективно способствовали улучшению торговых и политических отношений Сефевидского государства с европейскими державами.

Однако Рим и католические монархи не забывали своих целей. При каждом удобном случае Рим давал понять армянским купцам, что для получения его помощи необходимо подчиниться папскому престолу[77]. Так, когда в 1629 г. через кармелитского монаха Таддеуса ходжа Назар обратился с письмом к конгрегации «Пропаганды веры», прося ходатайства перед папой о выделении в «папском государстве» и в других католических странах определенных пунктов, куда армянские купцы могли бы вывозить и ввозить товары без уплаты таможенных пошлин, Рим ответил, что такое разрешение он может предоставить лишь купцам-католикам из Новой Джульфы, а также принявшим католичество. В конце письма говорилось, что в случае обращения джульфинских купцов в католичество можно будет через них доставлять в христианские страны Европы разные восточные товары, особенно шелк-сырец[78].

Папа Римский и французский король предоставили джульфинским купцам-католикам многочисленные торговые привилегии. Один из кармелитских монахов в своем донесении папе Римскому писал из Новой Джульфы: «Чтобы обратить армян в католичество, необходимо, чтобы французский король предоставил свободу торговли Шариманянам и другим крупным армянским купцам, принявшим католичество»[79].

Об этом свидетельствуют и следующие данные: «Несколько армянских купцов из Рима прибыли в Париж, привезя с собой рекомендательные письма от главных кардиналов на имя папского нунция в Париже, министров и высокопоставленных сановников дворца с просьбой ходатайствовать перед королем, чтобы он предоставил право армянским купцам обосноваться и

---

[77] См. *Малахия Орманян,* Армянская церковь, ее история..., стр. 106.

[78] См. «Андес амсореа», 1934, стр. 513 и дальше.

[79] „A Chronicle of the Carmelites...," I, стр. 526.

вести торговлю во всех крупных городах Франции... Рим просит непременно покровительствовать упомянутым армянским купцам, так как они в пригороде Исфагана в Новой Джульфе за свой счет построили церковь для иезуитских монахов»[80].

Миссионеры прибегали и к более действенным методам. Они требовали от папы Римского и католических королей Европы запретить необращенным армянам въезд в «папское государство», а также в католические страны под угрозой конфискации их вкладов в европейских банках и изъятия имущества[81]. В этой связи характерно письмо кармелита фра Дионисиуса, направленное в ноябре 1643 г. секретариату конгрегации «Пропаганды веры». В письме рассматривались методы давления на новоджульфинских армян, среди которых наиболее эффективным считалось преследование джульфинских купцов в Европе, лишение их ряда привилегий. «Лишь тогда,—писал Дионисиус,—богатые купцы не только не создадут перед миссионерами препятствий и трудностей, но протянут им руку помощи»[82]. В другом письме от 3 апреля 1644 г. монах Джозеф де Розарио из Новой Джульфы писал в конгрегацию «Пропаганды веры»: «Мы постоянно страдаем от преследований армян. Из-за их враждебного отношения высылка всех миссионеров из этого района вновь становится реальной. Если против тех (армян), которые живут без помех в католических странах, будут применены угрозы, тогда, пожалуй, мы почувствуем себя здесь более свободными»[83]. Епископ Пидо в письме от 29 июня 1694 г. указывал, что преследования миссионеров в Джульфе принимают все более острый характер. Поэтому он созвал совещание всех миссионеров, которые решили подписать петицию в адрес европейских католических государей, чтобы они для прекращения «бесчинств» армян создавали для них в Европе

---

[80] *Fr. Macler*, Notes de manuscrits arméniens..., REA, t. II, Paris, 1922, стр. 18—20.

[81] См. „A Chronicle of the Carmelites...," I, стр. 506—510.

[82] Там же, стр. 375.

[83] Там же.

затруднения, накладывая аресты или эмбарго на их товары как на суше, так и на море[84].

* * *

Новая Джульфа отличалась упорной и длительной борьбой против ассимиляторских стремлений католических миссионеров. Организатором борьбы населения колонии против происков агентов Ватикана и западноевропейских держав выступало местное армянское григорианское духовенство. «Армянская церковь,—отмечает П. Т. Арутюнян,—в то время в известной мере являлась носительницей идеи национального объединения армянского народа»[85]. Наряду с этим армянское духовенство Новой Джульфы являлось мощным фактором в планах Ватикана и западноевропейских держав по использованию армянского населения Ирана в своих экспансионистских целях. Будучи епархиальным центром армян Ирана, Новая Джульфа стала и центром их борьбы против католической церкви.

Из донесений миссионеров в Рим видно, что армянское духовенство Новой Джульфы оказывало упорное сопротивление миссионерам. Кармелит Феликс в письме от 15 декабря 1654 г., говоря о плохом состоянии проповеднической работы своей миссии среди армян Новой Джульфы, основной причиной неудач считал «большое сопротивление армянских епископов и духовенства вообще»[86]. По свидетельству Рафаэля дю Мана, позиция джульфинского духовенства в отношении миссионеров была настолько враждебной, что оно наставляло свою паству словами: «Лучше переходите в мусульманство, чем в католичество»[87].

Особенно острые формы приняла борьба джульфинского духовенства против иезуитов. Открытие иезуитами в 1688 г. в Исфагане церкви, а в Новой Джульфе шко-

---

[84] См. там же, стр. 461.

[85] *П. Т. Арутюнян,* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в., М., 1954, стр. 116.

[86] „A Chronicle of the Carmelites...," I, стр. 486.

[87] *Raphael du Mans*, указ. соч., стр. 329.

лы[88] вызвало сильное возмущение армянского духовенства. Обращаясь к шаху Сулейману, епархиальный начальник епископ Степаннос заявил, что иезуитская опасность направлена не только против армян, но и против государственных интересов Ирана, так как «истинная цель иезуитов собирать шпионские данные о внутренней жизни Персии и информировать европейские государства»[89]. Удовлетворив просьбу епископа Степанноса о высылке миссионеров из Новой Джульфы, шах приказал изгнать иезуитов и одновременно разрушить церковь кармелитов[90].

В качестве контрмеры миссионеры прибегли к испытанному методу воздействия на интересы армянского торгового капитала. Португальские монахи предупредили джульфинских купцов, ведущих торговлю в Индии, что если в скором времени в Новой Джульфе не прекратятся преследования миссионеров, то они примут меры, чтобы купцы подвергались подобным же преследованиям в Индии[91]. В результате армянское духовенство прекратило враждебные действия в отношении иезуитов, которые вернулись в Новую Джульфу.

Несмотря на это, джульфинское духовенство не прекращало борьбы против миссионеров. Зачастую, чтобы настроить шахское правительство против миссионеров, армянское духовенство заявляло, что миссионеры стремятся обратить мусульман в христианство. В условиях Ирана это было тяжким обвинением. Один из миссионеров сообщал в Рим, что «этого достаточно, что-

---

[88] См. *А. Тер-Ованян,* указ. соч., II, стр. 266.

[89] Там же. Епископ Степаннос специальным указом запретил бракосочетание между армянами-григорианами и католиками (см. „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 456).

[90] См. там же, стр. 267. Папа Иннокентий XII направил шаху послание с выражением протеста; он потребовал, чтобы шах подтвердил привилегии, дарованные Аббасом I христианским миссионерам, что и было сделано. После этого в феврале 1697 г. кармелиты вновь вернулись в Новую Джульфу (см. „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 477—478; II, стр. 979).

[91] См. там же, II, стр. 1012.

бы нас выслали не только из Джульфы, но и из Ирана»[92].

Кроме обычных методов, джульфинское духовенство использовало также идеологические формы борьбы против католицизма. Лео отмечает, что «необходимость борьбы против католических миссионеров заставила армянское духовенство издавать книги»[93]. В новоджульфинской типографии*, организованной в 1640 г., были напечатаны труды Ованеса Мркуза, Степанноса Джугаеци и Александра Джугаеци (будущий католикос), в которых они опровергали идеи католицизма и защищали основы армянской григорианской церкви[94].

С целью борьбы против католицизма и защиты армянской церкви, а также для широкой пропаганды истории, литературы и культуры армянского народа по инициативе армянского духовенства и с финансовой помощью джульфинского купечества в западноевропейских городах, в частности в Ливорно, Венеции, Марселе и т. д., были открыты армянские типографии. Однако католическая церковь запретила печатание армянских книг, защищавших основы григорианской церкви**, в результате чего армянское духовенство было вынуждено организовать печатание книг в протестантской Голландии. В борьбе против католической церкви не менее важное значение имели также школы, библиотеки и т. д., открытые в Новой Джульфе по инициативе армянского духовенства[95].

---

[92] Там же, стр. 1075.

[93] *Лео*, Армянское книгопечатание, т. I, стр. 250—251.

* Это была первая типография не только в Иране, но и на всем Востоке.

[94] См. *Г. Левонян*, Армянская книга и искусство книгопечатания, Ереван, 1958, стр. 79 (на арм. яз.); см. также *А. Еремян*, Епархиальные начальники новоджульфинского монастыря Аменапркич, Новая Джульфа, 1919, стр. 24.

** Представители армянской католической общины Новой Джульфы, со своей стороны, основали в 1685 г. в Венеции типографию, в которой издавалось много книг, защищавших основы католицизма.

[95] См. *Тигран Абгарянц*, Школы Новой Джульфы, Новая Джульфа, 1914 (на арм. яз.).

В борьбе против католических миссионеров деятельное участие принимало джульфинское купечество. Оно материально и морально поддерживало борьбу армянского духовенства против миссионеров. хотя, как мы уже отмечали, занимало в отношении последних лояльную позицию.

Эта двойственная политика джульфинского купечества объясняется следующими обстоятельствами. Репрессивные меры в отношении джульфинского купечества в Европе большей частью оказывали на него отрицательное воздействие. Сталкиваясь с фактами попрания своих национальных и религиозных чувств*, подвергаясь незаконным преследованиям, джульфинские купцы настраивались враждебно не только против миссионеров и католической церкви, но и против западноевропейских держав—организаторов этих репрессий. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Епископ Пиромали, например, в письме от 5 апреля 1644 г., обращаясь к Риму, предупреждал: «Те купцы, которые по торговым делам побывали в Европе, оказывают наиболее яростное сопротивление идее объединения (то есть унии армянской церкви с католической.—В. Б.), сильно воздействуют на народ и энергично стараются вызвать в нем отвращение к Риму»[98].

Другим обстоятельством было то, что армянская торговая буржуазия была тесно связана с армянской григорианской церковью и выступала в качестве защитника ее интересов.

И, наконец, джульфинские купцы, будучи подданными Ирана, были больше связаны с иранским правительством, чем с католическими державами. По этому

* Месроп Угурлян приводит из архивов Ватикана документы, свидетельствующие о том, что Конгрегация пропаганды назначала специальных проповедников, владевших армянским языком, для работы среди армянских купцов, посещавших западноевропейские города. Эти «проповедники» призывали купцов отречься от своей церкви и принять католичество, не останавливаясь при этом перед оскорблением их религиозных чувств (см. *М. Угурлян*, указ. соч., стр. 46—48).

[98] „A Chronicle of the Carmelites...," I, стр. 375.

поводу А. Иоаннисян писал: «Естественно, что установление дружественных связей с Римом способствовало бы торговым интересам джульфинского купечества, однако подчинение Риму вызвало бы гнев шахского правительства»[97].

Появление у иранского правительства подозрений относительно связей джульфинского купечества с миссионерами могло не только лишить их имущества и капитала, но и подвергнуть всякого рода насилию—от обращения в мусульманство, что часто происходило даже при шахе Аббасе I[98], до физического уничтожения без суда и следствия.

Все это было хорошо известно и миссионерам. Один из них, Дионисиус, в 1642 г. информировал в Рим из Новой Джульфы: «Самые крупные купцы Новой Джульфы, которые в состоянии оказывать нам большую помощь, одновременно являются самыми трусливыми, так как у них слишком много того, чего они могут лишиться»[99].

С другой стороны, если часть армянского духовенства связывала свои освободительные надежды с Западом, то такие чувства были чужды армянским купцам, политические взгляды которых, как отмечает С. В. Тер-Аветисян, были тесно связаны с их классовыми интересами и материальными расчетами[100]. В беседах с европейцами они заявляли, что у армян нет политических проблем, и они не желают их иметь. Один из джульфинских купцов как-то заявил европейцу Франческо: «Наш народ теперь более спокоен, нежели во времена наших царей, так как не участвует в войнах и имеет со всеми народами свободные сношения»[101].

Аполитичность джульфинского купечества доходила до того, что оно отказывалось от поддержки движения армян за освобождение от иноземного ига. По свидетельству Шардена, джульфинские купцы выразили

---

[97] *А. Иоаннисян,* указ. соч., стр. 107.

[98] ۲۲۲—۲۲۵ نصرالله فلسفی، زندگانی...، جلد سوم، ص

[99] „A Chronicle of the Carmelites...," II, стр. 1072.

[100] См. *С. В. Тер-Аветисян,* Город Джуга, стр. 39.

[101] Там же.

недовольство переговорами католикоса Акопа Джугаецн с Римом в 70-х гг. XVII в. об освобождении армян от персидского ига. Они опасались, что, узнав об этих переговорах, шах жестоко отомстит им[102].

Исходя из этих соображений, джульфинское купечество, с одной стороны, выступало против католической церкви и миссионеров, с другой—было противником сближения армян с западными державами.

Из источников видно, что джульфинское купечество неоднократно отклоняло предложения представителей католической церкви о принятии католичества. Так, например, в начале 70-х годов XVII в. Людовик XIV через французского посла в Константинополе де Ньюантеля хотел осведомиться о конфессиональных взглядах армян. Через французских миссионеров вопросы такого характера были заданы армянам, проживающим как в Турции, так и в Иране. Фактически это было равносильно предложению принять католичество. Светские и духовные руководители Новой Джульфы специальным посланием от 1 декабря 1681 г. ответили Людовику XIV, что они твердо стоят на позициях армянской григорианской церкви и отклоняют предложение французского короля о «покровительстве» армянам[103].

Борьба колонии против католических миссионеров находила поддержку иранского правительства. Руководствуясь экономическими и политическими интересами своего государства, шахское правительство было заинтересовано в сохранении власти над своими подданными—армянами. Последние, не желая подчиняться католической пропаганде, искали защиты у правительства[104].

Шахское правительство оказывало поддержку борьбе армянского духовенства против католической церкви. С другой стороны, деятельность католических монахов и армян-католиков Новой Джульфы сковывалась подозрениями иранского правительства, не желавшего слишком тесного сближения армян с европейскими держа-

[102] См. *Chardin*, указ. соч., t. II, стр. 146.

[103] Матенадаран, архив Гарегина Овсепяна, папка 91, док. 6, А, стр. 27 и дальше (цит. по кн.: *А. Иоаннисян*, Очерки..., стр. 191).

[104] См. *В. В. Бартольд*, История изучения Востока..., стр. 113.

вами[105]. Особенно большое подозрение вызывали крупные армянские купцы-католики. Шахские власти понимали, что политические симпатии этих купцов всецело находятся на стороне европейских держав*, и несмотря на это, они были вынуждены проводить в отношении купцов-католиков относительно лояльную политику ввиду их большой роли в укреплении торговых связей Ирана с европейскими державами. Кроме того, немаловажное значение имело и то, что эти купцы способствовали укреплению политических связей Ирана с западноевропейскими державами, в частности выступали в качестве посредников при переговорах об ирано-европейском антитурецком союзе**.

Вместе с тем при обострении борьбы между армянами и миссионерами сефевидские власти старались изолировать последних. Согласно донесению анонимного миссионера, во время одного крупного инцидента между армянами и миссионерами армяне-католики не осмеливались даже посещать миссионеров, так как главный управляющий шахского двора пригрозил ходже Шарималяну, что он потеряет голову, если осмелится разговаривать с «франками». Далее автор донесения писал, что они были вынуждены поддерживать связь друг с другом посредством писем[106].

Многочисленные источники свидетельствуют, что сефевидское правительство в таких инцидентах, как пра-

---

[105] См. *Александр Аннинский,* История армянской церкви, Кишинев, 1900, стр. 270.

* Опасаясь конфискации имущества, многие из купцов-католиков, в частности Шарималяны, часть своих капиталов вкладывали в европейские банки (см. *М. Угурлян,* указ. соч., стр. 207).

** Согласно донесению фра Элиаса, Шариманян в 1693 г. вел переговоры между Ираном и Венецией о заключении антитурецкого военного союза. С согласия иранского правительства он даже предоставил Венецианской республике заем в 200 тыс. дукатов для ведения войны против турок (см. „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 438).

[106] См. „A Chronicle of the Carmelites...," I, стр. 467.

вило, принимало сторону армян, а миссионеров нередко изгоняло[107].

Кармелит Дионисиус в 1642 г. информировал конгрегацию «Пропаганды веры»: «...Чтобы не испортить все (речь идет о деятельности миссионеров в Новой Джульфе.—В. Б.), крайне необходимо, чтобы мы нашли мотивировки светского характера нашей деятельности, так как мусульманские официальные лица и чиновники шаха, разыскивающие какую-либо возможность добыть деньги, ухватятся за это и нанесут нам ущерб, вплоть до выселения нас из Джульфы. Последнее весьма вероятно, так как они считают, что обращение подданных шаха во франков противоречит их государственным интересам»[108].

В беседе с братом французского консула первый министр шаха дал знать ему, что Сефевидское государство не намерено в ущерб своим «собственным» подданным (армянам.—В. Б.) предоставлять какие-либо привилегии обратившимся в католичество армянам. «В силу какого закона,—говорил министр,—в угоду кучке убогих, которых вы называете своими единоверцами и которые нам бесполезны, мы должны создавать недовольство у такого большого количества богатых армянских купцов, обогащающих своей торговлей нашу страну, увеличивающих доходы шаха и добровольно помогающих ему во всех трудных обстоятельствах»[109].

Однако успех борьбы против обращения армян в католичество зависел не от верхушки крупного купечества и духовенства и не от поддержки сефевидского

---

[107] Шарден писал, что «армяне Новой Джульфы предупреждали иезуитов прекратить свои происки в колонии, угрожая в противном случае пожаловаться правительству». Это предупреждение напугало иезуитов, так как их могли выслать не только из Джульфы, но и из Ирана (*Chardin*, указ. соч., t. VIII, стр. 110—111).

По свидетельству миссионеров, действовавших в Иране, шах Султан Хусейн по требованию армянского духовенства изгнал из Новой Джульфы миссионеров кармелитского ордена (см. „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 474).

[108] „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 467—469.

[109] *Raphael du Mans*, указ. соч., стр. 370.

правительства, а от основной массы населения колонии— ремесленников, мелких купцов. городской бедноты и т. д., которые бескорыстно выступали против ассимиляторских устремлений миссионеров во имя защиты своих национальных традиций, языка, культуры, а в конечном счете и своей национальности*.

Одной из существенных причин неудач миссионеров было соперничество между отдельными католическими орденами. Борьба между ними была обычным явлением. За каждым католическим орденом, а иногда и за различными группировками внутри ордена стояли враждующие друг с другом политические силы. В этой борьбе отражались противоречия между отдельными европейскими державами. Так, например, августинцы считали себя единственными покровителями иранских армян, тогда как кармелиты рассматривали Иран как поле деятельности исключительно их ордена[110].

Следовательно, попытки Ватикана и западноевропейских католических держав обратить иранских армян, в частности джульфинцев, в католичество и использовать их в своих экономических и политических целях окончились провалом. Шарден по этому поводу писал: «У меня нет слов описать те хитрости и расходы, которые применял Римский престол для этой цели, однако все это не привело к желанному результату. У миссионеров есть некоторые успехи среди восточных христиан, исключая.

* Ввиду того, что в эпоху феодализма историю писали исключительно представители духовенства, которые, как правило, восхваляли лишь «славные дела» привилегированных слоев колонии, до нас не дошли источники, свидетельствующие о решающей роли основной массы ее населения в борьбе против агентов Ватикана. Однако отзвуки этой борьбы отразились в отдельных дошедших до нас документах. Так, в одном из фирманов шаха Аббаса II говорится, что в 1649 г., когда миссионеры собирались открыть в Новой Джульфе католическую церковь. население колонии обратилось к шаху с заявлением, что если он даст миссионерам разрешение, то народ покинет Новую Джульфу (см. *А. Тер-Ованян,* указ. соч., II, стр. 265). Из фирмана видно, что шах был вынужден отменить приказ о строительстве церкви.

[110] См. „A Chronicle of the Carmelites...", I, стр. 265. 701.

однако, армян»[111]. Говоря о неудачах миссионеров в обращении армян Новой Джульфы в католичество, один из современников метко заметил, что «армяне больше наблюдатели, чем слушатели»[112]. Не понимая причин своих неудач, миссионеры приписывали это внушению дьявола[113].

Борьба местного армянского населения Ирана против миссионеров объективно была направлена против экспансии европейских государств в этой стране.

---

[111] *Chardin*, указ. соч., t. VI, стр. 158.

[112] «Базмавеп», 1938, № IV—V, стр. 106.

[113] См. *Г. Эзов*, указ. соч., стр. XV.

THE ARMENIAN COMMUNITY OF NEW JULFA IN THE SEVENTEENTH CENTURY*

BY V. A. BAIBURTIAN

The continuous wars waged in the past several hundred years over the territory of Armenian and the insecure political conditions obtaining in the country resulted in the mass emigration of Armenians to the various countries of the world in pursuit of haven.

This anomaly gained scope in the 16th and 17th centuries when Armenia turned into a cockpit of two neighbouring states: Ottoman Turkey and Safawid Iran.

The forced eviction to Iran of the Armenians sponsored by the Safawid Shah Abbas I (1587—1629) at the onset of the 17th century went down as one of the most tragic events in the history of the Armenian people.

Hundreds of thousands of men were unhoused and driven to the out-of-the-way parts of Iran; most of them found their grave in the waters of the river Arax or fell dead on the roads of mignation. The result was the emergence of several Armenian communities in Iran of which New Julfa was the most conspicuous colony.

The Shah populated in the newly-founded settlement of Julfa, in the vidinity of Isfahan-capital of the Safawid state—the well-to-do Armenian dealers from Old Julfa who acted as middlemen in the East-West trade.

* Translated into Eglish by P. Mesrobian.

From the first day of its foundation by Shah Abbas I the community was entitled to rights and privileges that were bound to foster the trade of the inhabitants of New Julfa.

In the 16th—17th centuries raw silk was known to be the staple export item of Iranian agriculture. In consequence of the development of European manufacture, raw silk figured among the most important items in the international trade of the East and the West. Iran was the principal supplier of the European market with this commodity over the said period. Therefore Shah Abbas I proclaimed trade in raw silk a state monopoly.

It was the objective of the Shah to rival Turkey in the export of higher quality and comparatively cheaper Iranian silk and deal thereby a blow at Turkey's trade interests in Europe. But Iranian silk export involved great difficulties because the visits of foreigners and especially of European tradesmen were casual; on the other hand, the shah's Mohammedan subjects were engaged mainly in the home trade and were not prone to undertake journeys to European countries. Religious enmity between Sunnite Turkey and Shiite Iran was another snag hindering the traffic of Iranian Shiite merchants over Turkish territory. In addition, Mohammedan tradesmen were discredited, and this placed them in the difficulty of ambulating inside the country or moving over to other lands.

Shah Abbas took therefore advantage of the re-setllement of the Armenians from Old Julfa to Isfahan in having recourse to their services, as exporters of raw silk to foreign and mostly to west-European countries. And since the residents of New Julfa were for long familiar with the foreign markets of raw silk they at once launched forth extensive commercial activities.

Their broadening business transactions gradually made

them into prominent merchants of Iran who eveutually secured the key positions in the country's foreign trade.

It was the lifetime aim of Shah Abbas to promote close political and economic ties with European states. It was motivated by two reasons: firstly, Shah Abbas was fully conscious of the fact that it was hard for him to combat singly such a powerful enemy as Ottoman Turkey. Therefore he was earnestly seeking allies in his future struggle. Secondly, the Shah was bent on diverting the route of Iran's foreign trade from overland transit traffic via Turkey to the south where the Persian Gulf might serve as an outlet.

Accordingly the 16th and 17th century overseas trade route of Iran, over the Persian Gulf, assumed major consequence in the economic life of Safawid Iran, the new way displaying great advantages over the caravan routes of Turkey which made transit trade much more expensive. The Turkish roads were extremely inconvenient. The rebellions within Turkey, the arbitrariness of the governors of bordering provinces and the customs officials, the unsafe caravan routes and the incessant Irano-Turkish wars hindered the expansion of Iran's foreign trade.

Still the execution of the project involved a number of complications. At the start of the 16th century the Portuguese had captured the key trade and economic hubs of the Persian Gulf and established their undivided sway over it raising obstacles in the trade relations of local dealers with European merchants. Therefore the Shah developed his activities in the Persian Gulf. In pioneering the southern trade route of Iran Shah Abbas intended not only to expand the country's trade but also strike an economic blow at Ottoman Turkey depriving it from the profits received from the duties imposed on Iranian merchandise.

It should be noted that the hostilities between Turkey and Iran had compelled the merchants of Julfa to make a joint use, from the very start, of Turkish overland routes and the Persian Gulf. The Iranian government encouraged their initiative since it paved in some way the road for the implementation of Shah Abbas' project regarding the southern sea routes.

But strained relations between Iran and Portugal balked trade in the Persian Gulf with European merchants. The Portuguese prevented the dealers of Julfa from trading with foreign merchants in Harmus. A similar ill-treatment of the Armenian traders by the Portuguese, particularly in respect of the re-settled Armenians who were Shah's agents in dealing in Iranian exported silk, was levelled at the Safawid government. In this way the Portuguese had half a mind to affect the trade interests of the Shah and force him into concessions on the Bahrein islands. On the other hand they aimed at converting the Armenians to the catholic faith and make them thereby into their agents in Iran. Moreover, the Armenian tradesmen could be helpful to the Augustine order of the Portuguese in propagating the catholic faith among the Iranian Armenians. But the hostile actions of the Portuguese to the Armenian merchants aggravated still more Irano-Portuguese relations.

The East India Trade Company took the opportunity by the forelock, ousted the Portuguese from the Persian Gulf and took hold of the Iranian market. In 1617—1618 the representatives of the East India Company signed contracts with Shah Abbas I according to which the monopoly of buying and exporting the whole of the Iranian silk passed into the hands of the Company.

Relying on the agreement reached the British demanded from the Iranian government to stop selling raw silk

to the Spanish and the Portuguese and to all those engaged in its trade. The English had in mind to strike a blow at their European rivals and the Armenian merchants alike. The latter might turn into potent competitors for the English not only in exporting raw silk but also in importing European manufactured goods into Iran which fact could strip the English of their claim to the monopoly of Iranian foreign trade. Those motives lay at the root of the attempts of the English to undermine and completely isolate the commercial capital of the Armenians. It is natural that the latter, perceiving the imminent danger, should take to an agreement counterbalancing the foreign capital that jeopardised the interests of the Armenian merchants.

Profiting by the close relations with the Iranian court and with the Shah himself the influential merchants of New Julfa applied to Abbas I and asked him to declare the agreements concluded with the British null and void and entitle them to the exclusive monopoly of exporting Iranian silk. In return they promised to augment the revenues of the Shah's treasury.

The Shah at once nullified the agreement concluded with the British and placed the entire monopoly of buying and selling Iranian silk in the hands of the merchants of New Julfa.

Thus the initial steps of penetrating into the Iranian market and its economy met with failure. The principal reason accounting for the defeat was the opposition of Armenian commercial capital in Iran which did its utmost to prevent European capital from making its way into their „own" market. Defending in the first place their own interests, the Armenian merchants came out against foreign capital opposing the plans of the English to colonise Iran.

In its desire to establish close commercial and political ties with the European countries, the Safawid government received amiably the ambassadors of European countries and sent in turn many envoys to those countries to hold talks on the foregoing issues.

The states that had in one way or another to do with the Ottoman Empire and its vassal-the khanate of Crimea were looked upon as potential allies of the Safawid state in its struggle against Ottoman Turkey. The list included Russia and the European states: Austria, Germany, Poland, the Republic of Venice, Spain that were regularly subjected to attacks by Turkey and the Crimean Tatars.

Since 1599 Shah Abbas sent on many occasions envoys to the Russian tsar, the German keiser, the doge of Venice, and the kings of Spain, France and Poland with a view to concluding anti-Turkish military alliances with the European states. In his negotiations with the European countries Shah Abbas largely leaned on catholic missionaries, the European ambassadors and individual travellers. To achieve this end he also made frequently use of the servies of the merchants of New Julfa.

It is to be noted that the problem of channelling Iran's foreign trade to the Persian Gulf had a direct bearing on the interests of the commercial bourgeoisie of New Julfa.

This shift would enable them to expand trade with European countries and effect on a large scale the export of Iran's raw silk which was the chief item of its trade. With those objectives in mind the commercial capital of New Julfa assisted greatly the Iranian government in concluding trade agreements with the European countries and especially with Spain. Thus, for instance, in 1607 Khoja Shiosh, a Julfa tradesman, held talks with

the doge and the senate in Venice. Khoja Safar, one of the rich merchants of New Julfa affiliated with the court, was included in Antonio de Guvea's mission which Shah Abbas I delegated to Spain to sign a trade agreement and negotiate on exporting the Iranian silk via the Persian Gulf. Shah Abbas had instructed the khoja to hold talks, apart from Antonio de Guvea, with the Spanish court, the Pope, the leaders of the Italian Carmelite Order, the Grand Duke of Tuscany and the doge of Venice.

Shah Abbas had, in addition, appointed some influential Julfa merchants permanent representatives to European countries through whom he was in touch with the ruling quarters of European states.

However, Shah Abbas' efforts to shift Iran's foreign trade route from Turkish territory to the Persian Gulf in the south failed. Consequently Turkey and the Mediterranean remained as before the basic routes for Irano-European trade. The bulk of the export of Iranian raw silk and Iran's barter with the Levant and the European countries was trafficked along those routes.

Iran's foreign trade, in transit over Turkey, was mostly in the hands of Armenian merchants residing in New Julfa. There is a great deal of evidence testifying to a brisk trade between European and the New Julfa merchants in Aleppo, Alexandret, Izmir, Tripoli, Istanbul and other cities.

Citizens of New Julfa had permanently settled in the foregoing towns where they acted as middlemen between the European and New Julfa merchants. This circumstance considerably facilitated the business transactions of the latter in the above-named cities. In the Turkish towns the chief contractors of the Julfa merchants were those representatives of European countries who dealt in high quality manufactured goods or were engaged in bartering

raw silk. The countries carrying on a similar trade in the 17th century were France, Holland and the republic of Venice.

Irano- European trade effected through the medium of the Julfa merchants was not, however, confined to the Turkish towns alone. The principal routes of Iran's trade with the west lay over the Mediterranean Sea. Freighting the European ships with their goods the merchants of Julfa transported them to the countries of western Europe.

The republic of Venice, one of the principal buyers o Iran's raw silk, stimulated in every way the trade of the Iranian Armenian merchants with Venice, granting them various privileges and rights. Turning to good account the protectionist policy of the republic of Venice the mechants of New Julfa expanded sizeably their trade with Venice. Even many of them took residence in Venice. The Armenian historian Gh. Alishan has come in the archives across the name of nearly 2500 merchants of New Julfa who had established themselves in Venice in the second half of the 17th century. They were so numerous that one of the streets of Venice was called „Julfa".

In the 17th century the merchants of Julfa had considerable dealings also with other Italian cities, viz. Genoa, Livorno, Lucca, Piacenza, Ancona, Bologna, Palmi, Rome, Florence, Pizzo, Emilia and other cities. The Iranian Armenian merchants sponsored the establishment in Genea of the so-called „East India Trade Company" that was to transact business with India and Iran.

Holland was also destined to turn into a large market of Iranian raw silk. Dutch silkware that supplied nearly all the European markets was in need of raw material in quantities.

This explains the extensive commercial ties of the merchants of Julfa with the Dutch. In 1623, prior to establishing direct commercial contact with the Iranians, Irano-Dutch trade was effected through the merchants of Julfa and not only in Turkish towns but also in Holland itself where the merchandise was carried in Dutch ships. The Armenian community, set up in Holland in the 16th century, was already thriving a century later. Many Armenians of Julfa settled in Amsterdam.

The trade relations of the Julfa merchants prospered with France too. This is evidenced by the archival documents available in Paris and Marseilles. The mediation of the Julfa merchants in the Irano-French trade was of particular significance to France as she had no trade connections with Iran. Up to 1664 there were practically no commercial relations between France and Iran; meanwhile France, the country famed for its silkware, was one of the argest importers of Iranian raw silk.

It is noteworthy that at the start of the 17th century the French port of Marseilles had become a large European centre of Iranian raw silk trade. It was from this city that the Iranian raw silk was distributed in France to cope with the needs of French manufacture and also to re-export to other European countries. The trade of the Armenian merchants carried with Marseilles developed to such an extent that in a short time they became strong rivals of the French traders. And on December 10, 1622 the municipal authorities of Marseilles issued a special order which strictly prohibited the captains of French ships to transport the goods of Armenian merchants. Similar repressive measures in regard to the Armenian merchants were enforced by the parliament of Provence and the authorities of Toulon. But having in mind the interests of France Louis XIII and cardinal Richelieu si-

gned on November 23, 1629 a special patent licensing the free access of the Armenian merchants to Marseilles.

To market the Iranian commodities, the Armenians of Julfa penetrated into other European countries as well. The archival documents of Europe also attest that they often visited Spain, England, Germany, Austria, the Scandinavian countries and other lands on business errands.

The sources reveal that apart from the raw material the merchants of Julfa exported to European countries also other oriental commodities: silk and woollen stuff, brocade, velvet, sheep and camel wool, oak-gall, rhubarb, Persian gum, carpets, hides (chiefly shagreen), candles, opium, pistachios, Morocco, blue, furs, cotton, wax, pearls, corals, spice, lapis lazuli, cinnabar, musk, precious stones, etc.

The merchants of Julfa played an important part not only in the export but also in the import trade of Iran. They brought into Iran mainly European manufactured goods, notably silk and woollen stuff, broadcloth, balsam, velvet, patterned silk fabric, braid, mercury, vitriol, cochineal, playing cards, weapons, needles, various articles of iron, ornaments, glass, mirrors, stuff, necklaces, leather, clocks, soap, tobacco, china and glazed earthenware and many other goods.

Shah Sefi I (1629—1642) who ascended the throne in 1629 upon the death of Shah Abbas I continued like his predecessor the traditional protectionist policy in commerce. The Shah granted new rights and privileges to the Armenian merchants that gave further impetus to Irano-European trade carried on by the merchants of New Julfa.

The commercial relations of the New Julfa tradesmen with Holland and France gained fresh momentum particularly from the mid-seventeenth century onward. Ams-

terdam alone could claim sixty Armenian commercial firms in 1660. To promote trade with Holland the merchants of New Julfa owned even their private ships that sailed under Dutch banner.

Colbert, a noted French statesman of the 17th century, is known to have attached great weight to the French trade with the East. With this aim in mind he sponsored the „French East India Company" followed by the „Levant Company" and declared Marseilles and Toulon „open cities". Simultaneously he set about stimulating the trade of the Armenian merchants with France in his attempt to direct their European trade to France. Colbert also believed that the latter could also be instrumental in marketing French goods in the East. That is why he granted some privileges to the Armenian merchants which, as the sources attest, „were enjoyed by none of the eastern countries".

Those measures of the French government stepped up, as from the mid-seventeenth century, the commercial intercourse of the Armenian merchants with Francewho established commercial companies nearly in all the southern ports of France.

England also went the whole length to make the most of the merchants of New Julfa in expanding British trade with India and Iran. This purpose resulted in the conclusion of a trade agreement between the English East India Company and the merchants' association of New Julfa on June 22, 1688 in Surat. The agreement provided the Armenian merchants with the East India Company chart that privileged them with the rights of British subjects and all the advantages enjoyed by British tradesmen.

It should be noted that the Armenian merchants tried on the one hand to develop their commercial relations with European countries but on the other they blocked

up in every possible way the path of European capital into Iran. That capital was more powerful and could therefore monopolise the foreign trade of Iran.

* * *

In mid-seventeenth century the European countries spared no efforts to secure the right from the Muscovy government to monopoly trade with Iran via the Russian state. But Russia turned a deaf ear to all their advances. It was at this time that Khoja Zakar Sharimanian, a representative of the Armenian trade company in New Julfa, arrived in Moscow in 1660 to hold trade talks with the Russian government. Six years later, i.e. in February 1666, Stepan Ramadamsky and Grigor Lussikov (Lussikian), authorised agents of the same company, also arrived in Moscow. They offered the Russians to entitle the Armenian commercial company in New Julfa to the right of exporting raw silk to the Russian state, and thence to the countries of western Europe.

The result was that a special order was issued on May 31,1667 by tsar Alexey Mikhailovich that was tantamount to a trade agreement. Under the treaty the Armenian merchants of New Julfa were entitled to export Iranian raw silk and other merchandise via the Volga-Caspian route to west European countries. The agreement was naturally bound to promote sizeably not only Russo-Iranian economic ties but also consolidate their political relations. The agreement was also levelled at Turkey since such a deviation of the route, that lay over Turkish territory, would mean a fatal economic blow to this country. Moreover, by concluding the treaty Russia aimed at widening the economic and political gap between Iran and Turkey, and also showed itself anxious to win the support of Iran in an eventual conflict with Turkey.

Notwithstanding the advantage of the Russian transit route for Iranian-West European trade, the 1667 treaty was not implemented. One of the main reasons for its failure was the peasants' war of Stepan Razin in 1667—1670 which virtually closed the Volga-Caspian trade route.

A new trade agreement was signed on February 7,1673 between Russia and the Armenian Trade Company in New Julfa. And in 1676 the Russian government restored the right of the Armenian merchants to export Iranian commodities to western Europe over Russia.

Thus the efforts of the Armenian merchants in New Julfa were of great consequence in the second half of the 17th century for the foreign trade of Iran in securing the Volga-Caspian route which stimulated not only Irano-Russian trade, but also improved the barter between Iran and the west-European countries. The merchants of New Julfa began to carry on extensive export trade by way of the Volga-Caspian route to Holland, Sweden, Britain and other west European countries.

The trade connections of the Armenian merchants with Russia also greatly furthered the Irano-Russian political relations.

* * *

In the 17th century the struggle of European colonisers in the East began to assume a bolder relief, with Iran as the target. It was looked upon by the European states not only as a serious military and political factor to Europe that might confront Turkish threats to that continent, but also as a country lying on the trade route leading to India and a rich source of raw material for European manufactured goods. Anticipating each other's intentions the European states were at great pains to pe-

netrate into Iran and bring this country entirely into their political and economic orbit by enforcing upon it capitulatory agreements and various licences extorted from the Safawid shahs. The European catholic missionaries played a great part in this; under the pretext of preaching religion they penetrated into Iran where they in effect pursued political goals. They prepared the ground for European commercial capital to strike root in Iran and also attempted to pave the way for the implementation of the colonial policy of their states.

The missionaries delegated to Iran belonged to different orders, and represented the interests of various European countries.

Rome took special notice of the Armenians who formed the majority of the Christian population of Safawid Iran. In particular the Armenians of New Julfa monopolised the attention of the missionaries and this was not accidental. The Armenian capital of New Julfa began to play a prominent part in Iran's economic life taking in hand most of the country's foreign trade and also acting as a go-between in Irano-European trade. New Julfa was also the diocese of the Gregorian church for the Armenian community in Iran and was significant as such in the public and religious life of the Iranian Armenians. The missionaries realised that to win the Iranian Armenians over to the catholic church it was essential, foremost of all, to strike a blow at this fulcrum of Gregorian church. That accounts for the greater activity the missionaries displayed in this part of the country.

Upon instructions from Rome the missionaries took to studying eagerly the condition of the Armenians in New Julfa and periodically they reported to Rome in detail on their observations.

The missionaries were particularly bent on making

the representatives of the commercial capital of New Julfa apostatize or at least secure their loyalty. Being in close commercial relations with Europe the merchant class of New Julfa could not resort to an openly hostile attitude to the catholic missionaries as it might endanger their business activities in Europe. On the other hand, the khojas of New Julfa had to conform their attitude in respect to the missionaries with the political trend of the Persian government regarding the European states.

The correspondence of the catholic missionaries with the Pope and their leaders reveals the fact that, opposing in principle the catholics, the Armenian merchants of New Julfa assumed nevertheless a friendly posture proceeding from their narrow commercial interests.

On the one hand the Armenian khojas had half a mind to be on friendly terms with the Roman church, through profit making motives, at times even collaborating with them, on the other hand however they tried hard to keep aloof the Gregorian Armenians of the community from affiliating with the catholics or entertaining feelings of sympathy to them. Being Persian subjects and their profits depending on the shah's government rather than on the catholics, the Armenian khojas tried their best not to arouse suspicion in regards to their relations with the missionaries and the catholic countries.

The Armenian Gregorian clergy of the community was a powerful factor holding in check the assimilatory intentions of the catholic missionaries in New Julfa. And it stands to reason, for the activities of the missionaries not only jeopardised the position and influence of the Armenian community but also imperilled the very existence of the community itself.

Vatican realised that to facilitate the conversion of the Armenian people to the catholic faith it should over-

come the opposition of the Armenian church and the clergy. And the catholic missionaries were very active in this direction. In turn, in its struggle against the missionaries the Armenian clergy did all in their power to put spokes in the wheels of the catholics' preaching mission. Being interested in keeping up its supremacy over the Armenians, the government of the shah made the most of the Armenians to curb the mounting influence of the catholics.

In the struggle between the Gregorians and the catholics the Safawid government as a rule made common cause with the former, but the catholic states of Europe espoused the cause of the Armenian catholics.

The efforts of Vatican and the European states to recruit the Armenian community of New Julfa to the catholic cause and put their commercial capital to the service of their own colonial interests fell to the ground. The community was not swallowed up and could maintain, through a hard-fought struggle, its national integrity and religious characteristics.

In view of the major role played by the catholic church and its functionaries in instituting a capitulatory regime in Iran in the interests of European states, it would be fair to say that the opposition of the Iranian Armenians to the missionaries was on the other hand levelled at the expansionist policy of west European colonisers in Iran.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава первая. Армянский торговый капитал в экономических и политических планах шаха Аббаса I . . 7

Глава вторая. Роль джульфинского купечества в экономических и политических взаимоотношениях Ирана и западноевропейских держав 26

Глава третья. Новоджульфинские купцы и русский транзитный путь из Ирана в Европу 86

Глава четвертая. Роль Новой Джульфы в планах проникновения в Иран Ватикана и католических государств Европы. 121

The Armenian Community of Nev Julfa in the Seventeenth Century (резюме на английском языке) 151

ВАГАН АРАКЕЛОВИЧ БАЙБУРТЯН

АРМЯНСКАЯ КОЛОНИЯ НОВОЙ ДЖУЛЬФЫ В XVII ВЕКЕ

(Роль Новой Джульфы в ирано-европейских политических и экономических связях)

Печатается по решению ученого совета Сектора востоковедения АН Армянской ССР

Ответственный редактор *А. У. Мартиросов*
Редактор издательства *С. М. Даниелян*
Обложка *М. Т. Тиратуряна*
Техн. редактор *С. К. Закарян*
Корректор *И. Г. Алкарян*

ВФ 03626 Заказ 516 Изд. № 2953 РИСО 1132 Тираж 1000

Сдано в производство 24/V 1969 г. Подписано к печати 9/XII 1969 г.
Печ. л. 10,5, изд. л. 5,7, бум. л. 5,25, усл. печ. л. 8,61.
Бумага № 1, 84×108¹/₃₂. Цена 56 коп.

Типография Издательства Академии наук Арм. ССР, г. Эчмиадзин